

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ И ЕЁ ВЫРАЖЕНИЕ В ТЕКСТЕ
И. БРОДСКОГО «ТЕБЕ, КОГДА МОЙ ГОЛОС ОТЗВУЧИТ»

МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА
В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

ПРОВИДЕНЦИАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ МИРОЗДАНИЯ
В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ В. ГЮГО «ОТВЕРЖЕННЫЕ»

ОБРАЗЦЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКЗЕГЕЗЫ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ «ЦЕРКОВНОГО СЛОВАРЯ»
ПРОТОИЕРЕЯ П. А. АЛЕКСЕЕВА)

2021 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2021 / № 1

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2021 / № 1

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

**Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.
Серия: Русская филология»:**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Герасименко Н. А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Леденёва В. В. — д.филол.н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Аношкина В. Н. — д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В. А. — д.филол.н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И. А. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л. Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А. В. — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д.филол.н., проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Шеншина В. А. — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндия);

Щедрина Н. М. — д.филол.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы); литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2021. — № 1. — 126 с.

© МГОУ, 2021.

© ИИУ МГОУ, 2021.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N.A. Gerasimenko – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

V.V. Ledeneva – Ph.D. in Philological sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V.A. Voropayev – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I.A. Kiseleva – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L.F. Kuposov – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

A.V. Motorin – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University;

I.A. Nagorny – Doctor of Philological sciences, Professor, Jilin University (China);

B.Yu. Norman – Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A.V. Petrov – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V.I. Suprun – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E.Y. Titarenko – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N.M. Shchedrina – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2021. – № 1. – 126 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Боброва С. В.** Категория модальности и её выражение в тексте И. Бродского «Тебе, когда мой голос отзвучит» 6
- Куличева Е. В.** Слова с корнем *-реб-* в диалогии Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье», «Любимая улица» 16
- Милуд М. Р.** Проектирование терминологических словарей по нефтегазовой промышленности 25
- Родина Н. А.** Военная хрестонимика: лексико-семантические особенности названий кораблей военно-морского флота России 39
- Сатина Т. В.** Составное глагольное сказуемое в условиях художественного текста (на материале романа А. Белого «Петербург») 51
- Феликсов С. В.** Образцы филологической экзегезы Священного Писания в произведениях русской лексикографии второй половины XVIII века (на примере «Церковного словаря» протоиерея П. А. Алексеева) 64

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Алешина Л. Н., Зайцева И. А., Торосян А. С.** Мифопоэтическая картина мира в романе Е. Водолазкина «Лавр» 78
- Маркова А. С., Мамукина Г. И., Минова М. В.** Актуализация категории «точка равенства» как этапа утверждения субъектности героя 88
- Сенченкова Е. В.** Провиденциальное толкование мироздания в романе-эпопее В. Гюго «Отверженные» 99
- Фрик Т. Б.** «Перечень моих визитов умножился дюжиною имен»: петербургский круг общения Н. М. Карамзина в феврале–марте 1816 г. (материалы к словарю-справочнику «Карамзин и его окружение») 108

РЕЦЕНЗИИ

- Кудрина Е. В.** Новая книга об Исааке Бабеле 119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Уразбекова А. А.** XXV Международная научно-практическая конференция «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания» 124

CONTENTS

LINGUISTIC STUDIES

- S. Bobrova.** The Category of Modality and Its Expression in I. Brodsky's Text
"For You, When My Voice will Sound Out" 6
- E. Kulicheva.** Words with the Root 'pe6' in the Dilogy of F. Vigdorova's
"Family Happiness", "Favorite Street" 16
- M. Miloud.** Designing Terminological Dictionaries for the Oil and Gas Industry. 25
- N. Rodina.** Military Chrematonymy: Lexical and Semantic Features
of the Names of Ships of the Russian Navy 39
- T. Satina.** Compound Verbal Predicate in the Context of a Literary Text
(Based on A. Bely's Novel "Petersburg") 51
- S. Feliksov.** Samples of the Philological Exegesis of Sacred Scripture in the Works
of Russian Lexicography of the Second Half of the 18th Century (On the Example
of Archpriest P. A. Alekseev's "Church Dictionary") 64

LITERARY STUDIES

- L. Aleshina, I. Zaitseva, A. Torosyan.** Mythopoetic Picture of the World
in E. Vodolazkin's Novel "Laurus" 78
- A. Markova, G. Mamukina, M. Minova.** Actualization of the Category "Equinox Point"
as a Stage in the Confirmation of the Hero's Subjectivity 88
- E. Senchenkova.** Providential Interpretation of the Universe in V. Hugo's Epic Novel
"Les Misérables" 99
- T. Frick.** "The List of My Visits Has Increased by a Dozen Names":
Nikolay Karamzin's Petersburg Social Circle in February - March 1816
(Materials to the Dictionary and Reference Book "Nikolay Karamzin and His Social Circle") ... 108

REVIEW

- E. Kudrina.** A New Book about Isaac Babel 119

SCIENTIFIC LIFE

- Urazbekova A. A.** XXV International Scientific Practical Conference "Modern
Russian Language: Functioning and Problems of Teaching" 124

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-6-15

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ И ЕЁ ВЫРАЖЕНИЕ В ТЕКСТЕ И. БРОДСКОГО «ТЕБЕ, КОГДА МОЙ ГОЛОС ОТЗВУЧИТ»

Боброва С. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Определить формы взаимодействия между авторским восприятием мира и выражением смысла создаваемого текста.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ двух произведений И. Бродского, текст которых рассматривается как продукт речемыслительной деятельности поэта. Внимание исследователя сфокусировано на анализе роли языковых единиц и конструкций в семантической составляющей текста, а также средств текстопостроения и порождения смыслов. Имплицировано в качестве базиса используются герменевтический метод исследования содержания высказывания, а также методы лингвистического анализа.

Результаты. На основе изученного установлено, что текстовая модальность как речевая категория, основу которой составляют акт коммуникации и речевая деятельность участников процесса, имеет отношение к неречевой ситуации, связанной с мотивом говорения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Практическая значимость исследования заключается в описании работы читателя с целью понимания авторского замысла и деятельности лингвиста, позволяющей определить средства выражения текстовой модальности.

Ключевые слова: текстовая модальность, образ автора, художественный текст, речевая деятельность, языковая и текстовая личность

CATEGORY OF MODALITY AND ITS EXPRESSION IN THE TEXT OF I. BRODSKY "TO YOU WHEN MY VOICE WILL BE ECHOED"

S. Bobrova

Moscow State Regional University

10A, ul. Radio Moscow 105005, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article aims to determine the form of interaction between the author's perception of the world and the expression of the meaning of the text being created.

Methodology. The study's main content is an analysis of two works by the author, the text of which is considered from two points - from the side of the language system and as a product of the author's speech. The attention is focused on the role of language units and structures in the semantic component of the text and the means of text-building and the creation of meanings.

Results. As a result of the analytical work, it was concluded that text modality as a speech category, based on the act of communication and speech activities of the participants in the process, is related to the non-speech situation connected to the motive of speaking.

© CC BY Боброва С. В., 2021.

Research implications. The practical significance of the work lies in the description of the reader's work to understand the author's idea and the linguist's activities, allowing to determine the means of expression of textual modality.

Keywords: modality, image of the author, artistic text, speech activity, language and text personality

Введение

Язык является наиболее эффективным средством, с помощью которого человек проявляет себя как личность. Статус носителя языка предполагает наличие в сознании индивида совокупности общих черт, присущих другим членам общества, а также возможность реализации своей индивидуальности в речевой деятельности. Описывая языковую личность, Ю. Н. Караулов отмечал, что те ценности, которые провозглашает человек, его идеалы, устремления, выражающиеся в стереотипах поведения и чертах характера, а также способах мышления и жизненных целях, воплощаются, приобретают конкретную материальную форму в речевых поступках человека, его языковом поведении, и в целом – «духовный мир личности... проявляется в текстах, им порождаемых» [10, с. 69–70].

По мнению И. Р. Гальперина, «личность автора, его мировоззрение», проявляется через модальность. Эта категория впервые была исследована в работе В. В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [4, с. 58]. Известный лингвист назвал эту категорию одной из основных в языковой системе. Вслед за В. В. Виноградовым И. Р. Гальперин, описывая общие свойства текста, выделил модальность как категорию, присущую и отдельным единицам, и целому тексту. Языковед подчёркивал, что на уровне предложения существует объективная модальность, а субъективная проявляется в тексте [6, с. 116].

Изучением проблемы реализации категории модальности в предложении и тексте занимался ряд учёных: Г. А. Золотова, В. Н. Бондаренко, В. Я. Тураева, Е. В. Падучева, Н. В. Гладких и др. Н. С. Валгина считает, что на уровне предложения-высказывания категория модальности доста-

точно изучена [3, с. 59]. Обычно она представлена как объективная модальность, или выражение отношения говорящего к действительности. Это может быть утверждение или отрицание, вопрос, побуждение к действию, описание реальных или гипотетических, предполагаемых событий и т. п. Эта языковая категория оформляется морфологическими и синтаксическими средствами и может быть выявлена в грамматической парадигме предложения. Этому типу модальности противопоставляется субъективная модальность, проявляющаяся при выражении отношения говорящего к содержанию высказывания. На уровне предложения субъективная модальность факультативна, а её семантический объём значительно шире объективной модальности. Средства выражения этого типа модальности затрагивают все уровни языковой системы и достаточно разнообразны. Говоря о текстовой модальности, можно согласиться с мнением Г. Я. Солганика, который, рассматривая категорию модальности на уровне текста, при описании лингвистики речи, заметил, что текстовая модальность представляет собой трансформацию в речи общеязыковой категории модальности в её субъективной составляющей. Эта категория, являясь субъективной по своей сути, составляет семантическую основу высказывания и играет важную роль в процессе речепроизводства, или текстообразования. Учёный уточняет, что формирование текстовой модальности происходит на базе тесной связи с субъективной модальностью, в основе которой лежит отношение говорящего к содержанию высказывания. С точки зрения грамматики текста этот вид модальности может рассматриваться как «грамматическое выражение антропоцентричности» [14, с. 54]. Под антропоцентричностью, являющейся фунда-

ментальным свойством речи, понимается такое качество художественного текста, которое характеризуется тремя центрами: автор, создатель текста; персонажи, герои произведения; читатель как «соавтор», «сотворец» этого текста. Другими словами, текст создаётся человеком о человеке и для человека.

Целью данной работы выступает анализ выявления текстовой модальности, определение формы взаимодействия между авторским восприятием мира и выражением смысла создаваемого текста, фиксируемого исследователем и читателем в процессе анализа содержания высказывания.

Текст и его восприятие читателем (исследователем речи)

Текст, являясь продуктом речевой деятельности автора, содержит в себе некую информацию, авторский замысел, ту идею, ради чего и создаётся речевое произведение. Читатель, воспринимая и пытаясь понять сообщение, сначала «переводит» коммуникативный код высказывания на свой язык. При этом возможны различные искажения: и из-за уровня владения языком, на котором сделано сообщение, и из-за различий в знаниевой сфере коммуникантов, их жизненном опыте, а также психологической составляющей общения. Г. Гийом, описывая принципы теоретической лингвистики, точнее, психологическую составляющую языкового знака, отмечал, что человек видит окружающий мир посредством того образа этого мира, который есть в нём самом. «Мир глазами человека – это вид мира на основе обработки, которой мы умеем подвергать мир, заключённый в нас» [8, с. 144]. Л. С. Выготский, изучая процессы мышления и речи, подчёркивал важность высших психических функций и утверждал, что сознание человека определяет образ его жизни и поведения, при этом само по себе сознание возникает из жизни. Важную роль в формировании сознания, по мнению учёного, играет слово как средство произвольного внимания и

контроля собственных психологических операций [5, с. 183].

В силу особенности языкового знака и выполнения языком кумулятивной функции, лексика языка фиксирует представления народа, его опыт и знания в вербальной форме. Однако мысль, воплощённая в слове, трансформируется и деформируется в сфере речи. По мнению Б. М. Гаспарова, созданное высказывание является компромиссом между тем, что автор речи задумал сказать, и тем, что у него вышло из-за особенностей используемого языкового материала [7, с. 106].

Таким образом, и в процессе порождения речи – перевода мыслительной информации в знаковый языковой код, – и в обратном психологическом процессе обработки речи возможны искажения. А. А. Потебня писал, что в процессе восприятия речи и понимания высказывания мысль говорящего не передаётся напрямую слушающему, коммуникант, воспринимая слово, «создаёт свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место, сходное с местом мысли говорящего» [13, с. 305]. Исследователь отмечает, что невозможно «думать при слове то, что думает другой», это означало бы «перестать быть самим собою» [13, с. 305], поэтому «понимание в смысле тождества мысли в говорящем и слушающем есть такая же иллюзия, как и та, в силу которой мы принимаем собственные ощущения за внешние предметы» [13, с. 307].

Вступая в акт коммуникации, говорящий / пишущий и слушающий / читающий выполняют определённые роли, которые обусловлены и ситуацией общения, и отношениями между коммуникантами, и другими условиями. Всё это требует от субъектов речевой деятельности преобразования, личностной трансформации в процессе выполнения коммуникативной роли и создания некоего образа. В связи с этим исследователи наряду с понятием языковой личности вводят понятие текстовой (дискурсной) личности. Если языковую личность мы представляем как модель с определённым набором способностей и

характеристик человека для создания речевых произведений, то текстовая, или дискурсная, личность может рассматриваться как потенциальная языковая личность, проявляющая себя в определённых речевых условиях. В этом смысле текстовая личность всегда индивидуальна и обладает конкретной характеристикой, она реализуется в речемыслительной деятельности в процессе создания текстовых моделей и структур.

Как считает Ю. Н. Земская, сам термин «текстовая (дискурсная) личность» является описанием сущности реального мира, недоступной непосредственному наблюдению, но гипотетически выстраиваемой исследователем личности в условиях первичной речемыслительной деятельности [9, с. 129]. Определить текстовую личность исследователь может внутри текста, а не вне его.

Прежде чем рассматривать текст произведения И. Бродского, определять текстовую личность автора и модальную характеристику самого текста, выделим методы его анализа. Имплицитно в качестве базиса использовались герменевтический метод исследования содержания высказывания, а также лингвистический анализ, каузально-генетический и структурно-семантический методы.

Текст произведения рассматривается с коммуникативной точки зрения в качестве продукта коммуникативной, речемыслительной деятельности автора. При анализе текста как единицы одного из высших уровней языковой системы нас интересуют его лексическое наполнение, грамматическое выражение, а также фонетическая окраска. С точки зрения исследователя категории текстовой модальности актуальными становятся представления автора произведения об окружающей его действительности, те мысли и взгляды, которые он испытывал, а также сами механизмы передачи содержания речи читателям. Для того чтобы понять замысел создателя текста, читателю необходимо проникнуться его чувствами, настроением и мироощущением. В этом смысле содержание произведения выстра-

ивается читателем-исследователем в ходе анализа текста. Основное внимание при этом уделяется рассмотрению семантической составляющей текста и роли языковых единиц и конструкций в ней [1, с. 34].

В филологической герменевтике выделяют несколько уровней восприятия и понимания высказывания – семантизирующий, когнитивный и распредемечивающий [2, с. 53]. Первый и второй связаны с анализом языкового содержания, а для работы на третьем уровне необходимы навыки анализа мыслительного содержания и умение порождать смыслы, выраженные средствами текстопостроения.

Объективная модальность высказывания предъясняется, в основном, в силу особенностей семантики, на лексическо-грамматическом уровне. Семантическая сторона языковых единиц может быть представлена как состоящая из сем, минимальных единиц значения, лексических и грамматических. С этой точки зрения лексическое значение слова определяется неким комплексом семантических признаков, где за каждым из них в сознании народа закрепляются представления о предметах, свойствах, процессах, явлениях действительности. Грамматическое значение явление смысловыми компонентами, общими для всех рассматриваемых слов, а также теми элементами значения, которые характеризуют слова одной грамматической категории – интегральными и общекатегориальными семами. Референциальные, несинтаксические смысловые единицы воплощают в себе свойства предметов и явлений внеязыковой действительности, а связи и отношения между явлениями и предметами действительности выражаются реляционными, синтаксическими семами. Компоненты значения как часть языковых единиц принимают участие в переводе мыслительного содержания, образов и представлений автора, его картины мира в речевое высказывание. Языковые значения закрепляются в культуре, фиксируются в словарях и представляют собой некий конструкт, имеющий процессуальный характер. С деятельностной точки

зрения структура лингвистического знака имеет, по мнению Г. П. Щедровицкого, разные формы существования, куда входят «знание» этого знака, его «действительность», «парадигматические конструкции значений и синтагматические цепочки» [17, с. 47].

В процессе коммуникативной деятельности, как у говорящего / пишущего, так и у слушающего / читающего актуализируются языковые значения, в результате чего возникает речевой смысл как результат деятельности понимания в виде некой формы взаимодействия языка с внеязыковым, ситуативным, индивидуальным представлением о мире, и это имеет прямое отношение к текстовой модальности высказывания.

В процессе общения языковое и неязыковое содержание сознания коммуникантов, языковые и неязыковые знания, взаимодействуют между собой. Именно в речи на уровне мышления происходит перекодирование внеязыковой семантики сообщения в лексические и грамматические значения, возбуждая в сознании участников речевой коммуникации сущность понятия или представления, соотносимого с данным языковым значением, и те ассоциации, которые возникают у коммуникантов в связи с обсуждением тех или иных предметов, явлений действительности.

Таким образом, в процессе коммуникации – построения текстов и их понимания – языковые значения приобретают свойство преобразования, меняется действительность существования знака в результате возникновения иных парадигматических конструкций и синтагматических цепочек и тем самым расширяется поле понимания текста. Так возникает речевой смысл, семантическое поле которого состоит из преобладания коммуникативно значимых сем, что само по себе является фундаментом субъективной, текстовой модальности.

Особенности выражения текстовой модальности произведений И. Бродского

Рассмотрим особенности выражения текстовой модальности стихотворения И. Бродского «Тебе, когда мой голос отзвучит» (29 октября 1964 г.)¹ и определим характеристики текстовой личности автора. Задача исследователя – построить картину, описываемую поэтом, постараться понять замысел произведения и на основе возникающих представлений описать личность поэта, явленную читателю в данном тексте.

Начинается стихотворение с обращения к собеседнице – тебе. Следующая фраза: *когда мой голос отзвучит...* позволяет понять, что герой думает о девушке в тот момент, когда они расстались. Подтверждением этому и слова о памяти – *а в памяти – улыбку заключит...* – и о пространстве – *пространство зрачку расчистив...* Герой переживает – *жизнь навеки отодвинется...* – пытается себя представить спустя время – *он простит...* – вспоминает последние минуты свидания, поступки, действия подруги, анализирует их, делает выводы, мучается и вдруг осознаёт, что он один, уже ночь, а он не может спать.

Анализ текста начнём с определения темы. Это послание лирической героине. Произведение начинается строчкой *Тебе, когда мой голос отзвучит*. Это стихотворение – осмысление некоторого отрезка жизни, где жизнь представляется лирическому герою временем, которое заканчивается. Герои расстаются, и возникающий образ прорехи вырастает как символ отношений между ними. Лирический герой вспоминает последнюю встречу с любимой: *смотрела на часы, уводила взгляд*. Автор описывает переживания лирического героя по поводу встречи и расставания. Ночь в конце текста – это и окончание того времени, и начало чего-то нового, иного.

¹ Бродский И. Полное собрание сочинений. [Электронный ресурс]. URL: <http://iosif-brodskiy.ru/stikhotvoreniia-i-poemy/derevia-v-moem-okne-v-dereviannom-okne.html> (дата обращения: 01.11.2020).

Любая тема речевого произведения имеет свойство развития. В композиционной организации текста Бродского трудно выделять подтемы, однако, ориентируясь на семантические фрагменты мысли, можно таким образом иллюстрировать развитие замысла речи: обращение к любимой → голос отзвучит (расстояние) → прореха в памяти → жизнь отодвинется → прощение → размышление о времени → ревность → темнота → ночь как осознание того, что это просто ночь, а не смерть.

Обратим внимание на ключевые слова, важные для понимания мысли автора. *Прореха* – разговорное слово, ‘распорванное по шву место в одежде, дыра’ [12, с. 536]; этимологически связано со словом *редкий* [15]. Возможно, что разрыв связан с редкостью встреч. Пространство ассоциируется со свободным, ничем не занятым местом, пустотой. *Зрачок* – ‘отверстие в радужной оболочке глаза’ [12, с. 203]; исторически восходит к словам *зор*, *зрение* [15]. Как символ взгляда со стороны на произошедшее. Слово *циферблат* (о часах) – ‘пластина измерительного прибора с делениями’ [12, с. 750]; заимствовано во второй половине XIX в. из немецкого языка [15]. *Брежет* – ‘старинные карманные часы с боем’; названы по фамилии часового мастера А. Л. Бреге [12, с. 53]. *Брякнет* – «издаст звук»; звукоподражательное [12, с. 54]. *Звякнет* – ‘издавать отрывистый звонкий звук’ [12, с. 198]; этимологически восходит к *звенеть* [15].

Обобщим наблюдения и сделаем вывод, что слово *прореха* возникает как символ разрыва между влюблёнными. Языковой анализ будем сопровождать синтаксическим комментарием, выделением грамматических основ как некоего фундамента, на котором и строит своё высказывание автор, что важно в процессе формирования представлений создателя текста. *Голос отзвучит – ни отзвука – ни эха – заключит прореха*. Герой предполагает, что, когда возлюбленная уедет, будет так далеко, что не слышно голоса, останется память о ней, её улыбке, а прореха, затянутая воздухом, заключит улыбку. Видимо, вынужденный

разрыв между ними связан с заключением героя. Лексема *заключить* имеет прямое значение ‘лишить свободы, помещая под арест’ [12, с. 179]. Герой считает, что жизнь его отодвинется, и пространство, образованное между любимыми, позволит ему простить ей торопливость, сонный взгляд на циферблат, который *напомнит нечто, тикавшее в лад*, – возможно, биение сердца – символ страсти, и желание остановить время (*хотелось остановить*), спешить любить, сравнить его любовь с её любовью как намёк на измену, предательство. Всю гамму чувств выдаст *дрожанье век*, не с чем сверить бег времени. Образ часов *брежет не прочь спешить* как символ как бы оставившегося времени; *он брякнет, темнота звякнет* и подтвердит, что это ночь.

Попробуем описать образ лирического героя, который переживает расставание с любимой, он вспоминает её слова, действия, жесты, поступки, её печаль, коварство и изворотливость, вспоминает свои чувства, которые обуревали его во время встречи. Автор для этого использует синтаксическое построение речи – нанизывание придаточных предложений. Герой готов простить девушке её упрямство (но не верность), торопливость, желание сравнить любовь героя и его соперника, её наворачившиеся слёзы (*дрожанье век*) – и только звук часов окунает его в действительность, он осознаёт то, что он один, за окном глубокая ночь, и жизнь продолжается. В тексте стихотворения преобладают существительные (38 лексем по сравнению с 17 глагольными), это подчёркивает, что автору важно передать состояние героя, нарисовать картину переживания, а не действий, предпринимаемых главным персонажем. Интересна звуковая картина текста – протяжное [а], ассоциирующееся с плачем, в сочетании с преобладанием свистящих [з] и [с], а также дрожащего [р] – подчёркивает напряжённое состояние героя, его боль, гнев, сменяющийся тишиной. В красочной палитре стихотворения преобладают тёмные цвета, светлое начало текста (воздух) переходит в чёрный зрачок, затем опять взгляд читателя перено-

сится на белый с чёрными стрелками, как правило, циферблат часов, а затем краски меркнут – наступает ночь; сквозь мрак мы замечаем кровь как символ непростой любви (кровь – любовь), а заканчивается текст полной темнотой и описанием ночи как символа невозможности прояснить ситуацию.

Любимой нет, она ушла, осталось только воспоминание, вещи, обстановка, которая напоминает о ней. Любовь как боль и страдание.

Рассмотрим, какие события предшествовали написанию этого стихотворения.

13 марта 1964 г. народный суд Дзержинского района Ленинграда приговорил И. А. Бродского к пяти годам принудительного труда в отдалённой местности. Он был сослан в Коношский район Архангельской области и поселился в деревне Норенская. 11 сентября того же года Бродский пишет своему другу С. Шульцу: «Серёженька, милый! Надеюсь, что хоть с опозданием письмецо это тебя застанет, не сгинет. Надо бы ответить сразу, так как твоя горесть – самая страшная, самая тяжёлая, такая мне понятная. ... Мне нечего тебе тут сказать (да ты и не ждёшь). Разве только, что всегда – слышишь, всегда нужно продолжать гнуть свою линию, т. е. в данном случае любить, как бы это ни было бессмысленно и некстати. М. б., тебя это не устроит, это моё собственное. Утешение приносят лишь факты, события, действительность (но не действия); я не каламбурую. Дай Бог тебе всё это вынести, перетерпеть, пережить, хотя иногда и непонятно, зачем это делать» [16, с. 169].

Эти строчки из письма поэта очень важны для понимания образа автора и того состояния, которое он испытывал в это время. Подтверждают догадки читателя и литературная биография И. Бродского, написанная Львом Лосевым: «Хотя Бродский и вспоминал архангельскую ссылку как один из счастливейших периодов своей жизни, это не значит, что жизнь его в Норенской была спокойна и беззаботна. Он тяжело переживал ограничение свободы передвижения, в особенности из-за

разлуки с Басмановой. Она ненадолго приезжала к нему в Норенскую, но закончилось её пребывание там скандально. Когда она уже собиралась уезжать, неожиданно появился Бобышев, произошла тяжёлая сцена, Басманова и Бобышев уехали вместе, оставив Бродского мучиться разлукой и ревностью» [11, с. 237].

Теперь становятся понятны напряжённость стихотворения и те переживания героя, которые чувствует вдумчивый читатель.

26 октября в Норенскую приезжает Марина Басманова. Подчёркивает состояние лирического героя стихотворение, написанное в это время. Бродский пишет «Деревья в моём окне, в деревянном окне...» (26 октября 1964 г.).

Глазами лирического героя автор описывает картину, которую он наблюдает из окна деревни, в которой он живёт: *деревья в моём окне...*, прошёл дождь, и всё вокруг покрыто лужами, в которых отражаются деревья, представляющие персонажу караулом мёртвых душ – *нет под ними земли – но листва в небесах...* Герой сравнивает себя с Чичиковым, готовым купить душу любимой. Его мир перевернут, в чём-то абсурден – *мой перевернутый лес...*; *лодка, плывущая посуху, подсакивает на волне...* Герой как бы отталкивается от реальности, всплывает в небеса и вновь возвращается на землю.

Звуковая палитра этого стихотворения наполнена протяжными [э-у-и], напоминающими то ли вой ветра за окном, то ли плач – и что-то тихое, шуршащее [ч-с-ш]: то ли это тишина в доме, то ли просьба о ней – а прорывающийся сквозь эти звуки отрывистый [д'/д] можно интерпретировать как стук в дверь – символ желания или выйти на свободу или, напротив, не пускать незваного гостя.

Перевернутый мир, караул, стража из мёртвых душ, и в то же время листва в небесах как символ жизни, отражение героя в глазах любимой – и тут же Чичиков, перевернутый лес, дно, лодка, плывущая посуху, – усугубляют картину абсурда и сильного переживания, подчёркивают

одинокость героя и его душевное мучение, некий самоанализ. В тексте почти нет действия (об этом говорит преобладание существительных – 22 лексемы по сравнению с 5 глагольными формами), только описание чувства, внутреннего переживания и состояния лирического героя.

Подводя итог, заметим, что образ автора и образ лирического героя этих текстов совпадают. Переживание поэта живо, сильно, ещё не прошло время, которое «лечит». Читатель чувствует через боль и страдание героя состояние лирика. Мы можем описать личность И. А. Бродского, его душевное состояние, проявляющееся в этом тексте, – поэту важна любовь, это высокое и светлое чувство, он наполнен этим чувством, но именно оно приносит ему душевные терзания.

Заключение

Мы рассмотрели текстовую личность автора, выделили и описали способы выражения категории модальности в стихотворении И. Бродского. Можно сделать вывод, что для определения состояния лирического героя и самого создателя текста необходим лингвистический, культуроведческий, а также герменевтический анализ. Важно понимать, что раскрытие содержания продукта мысли писателя, интерпретация его картины мира даются через восприятие читателя, чьи представ-

ления и личностные установки накладывают свой отпечаток на продукт понимания. Тем не менее, есть языковые основания, например, особенности выбора автором лексических и синтаксических средств языка, употребление риторических фигур и выразительных средств. Именно они позволяют читателю объективировать свои выводы. Знание биографии поэта, тех событий, которые предшествовали написанию произведения, также позволяет читателю корректировать свои выводы.

В результате проведённой аналитической работы был сделан вывод, что текстовая модальность как речевая категория, основу которой составляет акт коммуникации и речевая деятельность участников процесса, имеет отношение к неречевой ситуации, связанной с мотивом говорения. Если в основе языковой личности автора лежат языковая способность и формы её проявления в тексте, то текстовая личность поэта интересует исследователя речи с точки зрения индивидуальных особенностей построения высказывания, его своеобразия. Определить особенности личности лирика и текстовой модальности невозможно без вовлечения читателя в диалог с автором и сотворения собственного, «читательского» текста, позволяющего понять мысль поэта.

Статья поступила в редакцию 10.11.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боброва С. В. Семантическое поле текста и речевой смысл // Актуальные проблемы культуры речи: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И. С. Папуша. М., 2019. С. 77–84.
2. Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. 70 с.
3. Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2004. 278 с.
4. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. С. 53–87.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2007. 350 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Высшая школа, 1981. 139 с.
7. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. М.: НЛЮ, 1996. 106 с.
8. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 144 с.
9. Земская Ю. Н., Панченко Н. В. Креативная функция личности в сфере языковой коммуникации. Очерки по лингвистической детиминологии и дериватологии русского языка: коллективная монография. Барнаул, 1998. 203 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
11. Лосев Л. В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. 448 с.

12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1997. 944 с.
13. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 307 с.
14. Солганик Г. Я. Основы лингвистики речи: учебное пособие. М.: Издательство МГУ, 2010. 128 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем., доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. М.: Терра, 1996.
16. Шульц С. С. Иосиф Бродский в 1961–1964 годах // Звезда. 2000. № 5. С. 69.
17. Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. В 2 т. Т. 1.: Структура знака: смыслы, значения, знания. 14 лекций. 1971 г. М.: Восточная литература, 2005. 463 с.

REFERENCES

1. Bobrova S. V. [Semantic field of text and speech meaning]. In: Papusha I. S., ex. ed. *Aktual'nye problemy kul'tury rechi: sbornik nauchnykh statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of speech culture: collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific-practical conference]. Moscow, 2019, pp. 77–84.
2. Bogin G. I. *Tipologiya ponimaniya teksta* [The typology of text comprehension]. Kalinin, Kalinin State University, 1986. 70 p.
3. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [The theory of the text]. Moscow, Logos Publ., 2004. 278 p.
4. Vinogradov V. V. [About the category of modality and modal words in Russian language]. In: Vinogradov V. V. *Issledovaniya po russkoi grammatike* [Studies in Russian grammar]. Moscow, 1975, pp. 53–87.
5. Vygotskii L. S. *Myshleniye i rech'* [Thinking and Speech]. Moscow, Labirint Publ., 2007. 350 p.
6. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [The text as object of linguistic research]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981. 139 p.
7. Gasparov B. M. *Yazyk. Pamyat'. Obraz* [Tongue. Memory. Form]. Moscow, New literary review, 1996. 106 p.
8. Giiom G. *Printsipy teoreticheskoi lingvistiki* [Principles of theoretical linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1992. 144 p.
9. Zemskaya Yu. N., Panchenko N. V. *Kreativnaya funktsiya lichnosti v sfere yazykovoi kommunikatsii. Ocherki po lingvisticheskoi deteminologii i derivatologii russkogo yazyka* [The creative function of a person in the field of language communication. Essays on linguistic deteminology and derivatology of the Russian language]. Barnaul, 1998. 203 p.
10. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p.
11. Losev L. V. *Iosif Brodskii: Opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky: The Experience of a Literary Biography]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2006. 448 p.
12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, 1997. 944 p.
13. Potebnya A. A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Moscow, Art Publ., 1976. 307 p.
14. Solganik G. Ya. *Osnovy lingvistiki rechi* [Fundamentals of speech linguistics]. Moscow, Moscow State University Publ., 2010. 128 p.
15. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Terra, 1996.
16. Shul'ts S. S. [Joseph Brodsky in 1961–1964]. In: *Zvezda* [Star], 2000, no. 5, pp. 69.
17. Shchedrovitskiy G. P. *Znak i deyatelnost'. T. 1. Struktura znaka: smysly, znacheniya, znaniya. 14 lektsii 1971 g.* [Sign and activity. Vol. 1. The structure of a sign: meanings, meanings, knowledge. 14 lectures. 1971]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2005. 463 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боброва Светлана Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культуры речи и риторики Московского государственного областного университета;
e-mail: bobrova_svetlana@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Bobrova – Cand. Sci. (Education), Ass. Prof., Department of Speech culture and rhetoric, Moscow Region State University;
e-mail: bobrova_svetlana@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Боброва С. В. Категория модальности и её выражение в тексте И. Бродского «Тебе, когда мой голос отзвучит» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 6–15.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-6-15

FOR CITATION

Bobrova S. V. The Category of Modality and Its Expression in I. Brodsky's Text "For You, When My Voice will Sound Out". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 1, pp. 6–15.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-6-15

УДК 80

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-16-24

СЛОВА С КОРНЕМ 'РЕБ' В ДИЛОГИИ Ф. А. ВИГДОРОВОЙ «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ», «ЛЮБИМАЯ УЛИЦА»

Куличева Е. В.*Независимый исследователь**г. Москва, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Выявить роль слов с корнем 'реб' в дилогии Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье», «Любимая улица».

Процедура и методы. Установлена частотность употребления слов с корнем 'реб' в романах; рассмотрены лексикографические характеристики исследуемых слов; проанализировано гнездо слов с корнем 'реб' с точки зрения семантики. При проведении исследования применены методы лингвистического наблюдения и описания, статистического подсчёта, элементы компонентного анализа.

Результаты. Анализ слов с корнем 'реб' показал, что контексты исследованных романов отражают традиционное для русской картины мира осмысление рассматриваемых единиц, выступающих в качестве узальных экспликаторов концепта *детство*.

Теоретическая и/или практическая значимость. Научная новизна работы обусловлена впервые выполненным анализом семантики слов с корнем 'реб' в романах Ф. А. Вигдоровой. Результаты работы могут быть использованы в высших учебных заведениях при подготовке лекций и практических занятий по семантике, лингвокультурологии и языку художественной литературы.

Ключевые слова: концептосфера, идиолект, слова с корнем 'реб', сема, язык произведений

WORDS WITH THE ROOT 'РЕБ' IN THE DILOGY OF F. VIGDOROVA "FAMILY HAPPINESS", "FAVORITE STREET"

E. Kulicheva*An independent researcher, Moscow, Russian Federation***Abstract.**

Aim. The purpose of this work is to identify the role of words with the root 'реб' in the diology of F. Vigdorova's "Family happiness", "Favorite street".

Methodology. The article establishes the frequency of use of words with the root 'реб' in novels; the lexicographic data of the studied words is considered; the nest of words with the root 'реб' is analyzed from the point of view of semantics. The research uses the following methods: linguistic observation and description, statistical calculation, and elements of component analysis.

Results. As a result of the analysis of words with the root 'реб' it is established that the contexts of the studied novels reflect the traditional understanding of the Russian picture of the world of the considered units, which act as usual explicators of the concept of childhood.

Research implications. The scientific novelty of the work is that the previously published articles did not analyze the semantics of words with the root 'реб' in the novels of F. Vigdorova. The work results can be used in the preparation of lectures and practical classes on linguistic semantics, linguoculturology in higher educational institutions.

Keywords: conceptosphere, idiolect, words with root 'реб' sema, language of works

Введение

Целью обращения к словам с корнем 'реб' в диалогии Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье», «Любимая улица» является попытка выявить их роль в рассматриваемых произведениях, для чего необходимо решить следующие задачи:

- установить частотность употребления слов с корнем 'реб' в текстах романов;
- рассмотреть лексикографические данные в отношении исследуемых слов;
- проанализировать гнездо слов с корнем 'реб' в диалогии с точки зрения семантики.

Актуальность темы статьи заключается в том, что исследуемые слова с корнем 'реб', являясь источником представлений об отражении языковой картины мира в диалогии Ф. А. Вигдоровой, ранее не рассматривались на лингвистическом уровне в художественном пространстве писательницы.

Анализ семантики слов с корнем 'реб' в контексте осуществлялся с помощью следующих методов исследования: лингвистического наблюдения и описания, статистического подсчёта, элементов компонентного анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды Н. Д. Арутюновой, И. А. Киселёвой [4], У. А. Басовой [2], С. М. Колесниковой, В. А. Рожиной [10], В. В. Леденёвой [6], О. О. Масловой [9], И. Н. Щемелининой [12] и других учёных.

Слова с корнем 'реб' в узусе и текстах диалогии Ф. А. Вигдоровой

Гнездо слов с корнем 'реб' в диалогии Ф. А. Вигдоровой многочисленно и представлено преимущественно именами существительными: *ребёнок* – 22 употребления, а также словоформы: *ребёнка* – 31, *ребёнку* – 7, *ребёнком* – 4, *ребёнке* – 2; *ребята* – 31; словоформы: *ребят* – 23, *ребятam* – 11, *ребятами* – 6; имя существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом *ребятишки* – 7; гапакс *ребятня* – 1; *ребячество* – 4; фразеологизм *малый ребёнок* – 2 употребления.

Конкорданс доминанты парадигмы – слова *ребёнок* – в диалогии таков: *ребёнок плачет*, *ребёнок плакал*, *ребёнок не захиреет*,

ребёнок начинает кричать, *бежит ребёнок*; *ребёнок сознательный*, *передовой*; *обаятельный ребёнок*, *первый ребёнок*, *малый ребёнок*; *твой ребёнок*, *её ребёнок*; *ребёнок рядом* и т. д.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля лексема *ребёнок* даётся с отсылочной пометой – «см. ребя»: «Ребя и робя ср. (робеть? или работать?) ре(о)бятко ср. ре(о)бенок ср. -ночек; ре(о)бята мн. ребятки, ребятишки, ребятенки; ребятище; робетко ср. симб. дитя или дитё, детище, девочка, мальчик, малютка, малолетний человек. Ребёнком зовут младенца, отрока или отроковицу, до юношества; мальчик или девочка. | Ребята, народн., молодёжь мужская; вообще мужское собрание простолодинов, рабочих; воен. обращение к солдатам. Ребятишки, мальчишки. Ребятница, ж., женщина с грудным ребёнком. | бранн. Незамужняя, рожавшая детей. Ребячий, -ческий, детский, к ребёнку относящ. Ребяцкий, ребятский, ребячий, бол. о парнях. Ребячить кого, обходиться как с ребёнком, ставить его за дитя. -ся, поступать по-ребячьи, как ребёнок, детски. Ребячество, ребячество, ср. быть, состоянье ребёнка, детство, малолетство. | Действие того, кто ребячится или ребяченье»¹.

Опираясь на данные словарной статьи, приходим к выводу, что слова *ребёнок*, *ребята* родственны и синонимичны.

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой представлено прямое значение слова *ребёнок* («мн. дети, разг. ребята, ребят; мальчик или девочка в раннем возрасте, до отрочества») и переносное («как маленький ребёнок кто-н. (неопытен или наивен, доверчив)»)².

Согласно «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, лексема *ребёнок* как полисемант представлена в трёх значениях – первое: «(мн. ребята и дети), мальчик или девочка в раннем детском возрасте»; второе: «(мн. дети), сын или дочь»;

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 515.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 671.

третье: «(мн. дети), *перен.* тот, кто поступает по-детски, наивно, не рассуждая»¹.

Более подробное описание структуры данной лексемы встречаем в «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой: «1. 1. Мальчик или девочка в раннем – до отрочества – возрасте. 2. Сын или дочь – независимо от возраста – по отношению к родителям. 3. Ближайший потомок. 4. *перен. разг.* Взрослый человек, отличающийся ребяческой наивностью и неопытностью. || Несведущий в чём-либо человек. 5. *перен.* Человек, являющийся характерным представителем какой-либо среды, эпохи и т. п. II. Употребляется как обращение к девушке, молодой женщине или к юноше, молодому мужчине; дитя, || чадо || (обычно с оттенком ласки)»².

В диалогии «Семейное счастье», «Любимая улица» слово *ребёнок* использовано в основных узуальных значениях с актуальными дифференциальными семами: 'мальчик или девочка в раннем возрасте' (*Вот она, её дочка, её **ребёнок**³; Оттого что тахта большая и покрыта яркой тканью, **ребёнок** кажется на ней одиноким и очень маленьким⁴*), 'сын или дочь, независимо от возраста, по отношению к родителям' (*В первую же секунду, увидев лицо своей девочки, Саша поняла, что **дочь** похожа на Андрея⁵; Тут живут трое: мать, пятнадцатилетняя **дочь** и трёхнедельный **сын**⁶*), 'дети' (– *Я ему говорю, – услышала она вдруг голос Анисьи Матвеевны,*

– *неужто не нашёл без **ребёнка**⁷*), 'ближайший потомок' (*Они ждали **ребёнка**⁸; Саша давно заметила: когда появляется **первый ребёнок**, такое чувство, будто в доме тягостной, ни у кого ни минуты покоя⁹*), 'по-детски' (*Из-под меховой шапки беспомощно, **как у ребёнка**, свисает прядь прямых волос¹⁰*), 'малолетний' / 'наивный, неопытный человек' в составе фразеологизма *малый ребёнок* (*Чуть ли не с отца вымахала, а скачет, как **малый ребёнок**¹¹; В деревнях **дети** в твоих-то годах бываю*

*за нянек, а ты всё **малый ребёнок**¹²*). Лексема *ребёнок* по совокупности сем в значениях вступает в антонимические отношения, «образуя своеобразные микрополя с гармоничными отношениями между всеми аспектами (логико-понятийным, коннотативно-признаковым и фоносемантическим) слова» [4, с. 55]: *ребёнок* (в значении 'рождённый'; *А мать всегда при **ребёнке**¹³; Распеленав **ребёнка**, она говорит...¹⁴*) – родители (в значении 'родитель'; *И **родители** мои согласны, только это всё равно¹⁵; Девушка хорошая, и **родители** у неё с высоким образованием¹⁶*); *ребёнок* – мать / отец; брат / сестра (в значении 'прямое кровное родство'; *Потом,*

¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/29117-МАСЕНА> (дата обращения: 25.07.2020).

² Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 25.07.2020).

³ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁴ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁵ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁶ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁷ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁸ Там же.

⁹ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹⁰ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹¹ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹² Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹³ Там же.

¹⁴ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹⁵ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹⁶ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

перепрыгивая через две ступеньки, они взбежали по лестнице, и распахнулась дверь родного дома, и заплакала **мама**, и **отец**, кажется, плакал¹; **Мама** хоть и говорила ему «ты», но называла Николай Петрович²; И, наверно, ни одна **сестра** на свете не любит своего **брата** так, как я Лёшку³; В конце лета за ним приехала **сестра**, девушка лет двадцати пяти⁴; ребёнок (в значении 'первое поколение', 'будущее поколение') – бабушка / дедушка (в значении 'третье поколение'; У нас есть **дедушка** и Лёша⁵; И никто не верит – ни **дедушка**, ни **бабушка**⁶); ребёнок – тётя / дядя (в значении 'не прямое родство'; На перроне стояли **тётя** Вера и **тётя** Маргарита⁷; Я **дядя** Кати Поливановой⁸).

Слово *ребёнок* в диалогии наделено позитивнооценочной коннотацией, как и в узусе, однако встречается и его отрицательная коннотация, выражающая негативное отношение социума к семьям, где мать одна воспитывает детей (*Откуда у тебя такое понятие, что **ребёнок** – это позор?*⁹; *Это какой же может быть позор от **ребёнка**?*¹⁰),

отношение отдельных людей к неродным детям (*Я вашему **ребёнку** в няньки не занималась*¹¹); характеризующая непослушных ребят (*Если же мы встречаем злого, непослушного **ребёнка**, мы горько плачем, – и каждая слеза прибавляет лишний день к долгому сроку нашего испытания*¹²; Была такая тихая, такая кроткая девочка, такой обаятельный **ребёнок**, слова грубого, бывало, не услышишь¹³), ленивых (– У, лентяйка! – сказала Ани́сья Матвеевна. – Лишь бы уроков не готовить. Чуть ли не с отца вымахала, а скачет, как **малый ребёнок**¹⁴).

Социально-культурные смыслы слова *ребёнок* в текстах диалогии Ф. А. Вигдоровой

Понятие '*ребёнок*' в романах Ф. А. Вигдоровой представлено не только как индивидуальное, но и социальное, культурное. Сквозь призму языка это «даёт возможность оценить его смыслообразующие начала и увидеть всё многообразие связей и отношений в семье» [4, с. 54], в социуме. Так, по меткому замечанию С. М. Колесниковой, «в семье ребёнок получает основы морально-нравственного, этического воспитания, общего и эстетического образования, культуры (от культуры быта, традиций и ценностей до общей и мировой культуры)» [4, с. 54].

В слове *ребёнок* на страницах диалогии заключены не только эксплицитные смысловые компоненты, но и имплицитные. Саше и Андрею¹⁵ свойственны такие черты характера, как духовная чистота,

¹ Вигдорова Ф. А. Любимая улица. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

² Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

³ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁴ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁵ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁶ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁷ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁸ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁹ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹⁰ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹¹ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹² Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹³ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹⁴ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹⁵ Саша и Андрей – главные герои романа «Семейное счастье», муж и жена, родители Ани.

душевная чуткость, наивность, доброта, непосредственность, простота, открытость. Они, подобно детям, не терпят лжи и предательства, во всём руководствуются устремлениями сердца.

По мысли Ф. А. Вигдоровой, самое важное в жизни человека – суметь сохранить в своей душе ребёнка, способного видеть красоту, умеющего наслаждаться ею, любить ближнего, радоваться жизни, находить прекрасное в мелочах, дарить доброту, жертвовать собой ради другого. Строки из Священного Писания очень точно характеризуют позицию писательницы, согласно которой духовная, нравственная чистота – самое ценное богатство: «...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном...» (Мф. 18: 1–4)¹.

Подобно своим героям, Фрида Абрамовна, по справедливому замечанию Руфи Зерновой, была похожа на «диккенсовскую девочку, весело творящую добро» [11, с. 612]. Л. К. Чуковская отмечала, что «это сказано метко» [11, с. 612], поскольку герои Диккенса радовались тому, что могли «доставлять радость другим» [11, с. 612]. Они жили чужой радостью, чужим горем, как своим собственным, «облегчали чужую боль самоотверженно, умело и скромно. ... Фрида была им сродни. В ней была их милая непритязательность, их доброта, грация и тишина. Их уютность. Их домашность» [11, с. 612]. Это сформировало фоновую составляющую рассматриваемого понятия.

Лидия Корнеевна в «Воспоминаниях» сделала акцент на основном требовании Фриды Абрамовны к читателям: «обороняйте людей, люди стоят защиты, а уж дети! Берегите детство, щадите, уважайте детство, любуйтесь им, учитесь у него и спасайте детей: они беззащитны. Таков ... общий смысл, и даже не смысл, а больше: пронзительный звук Фридиных повестей» [13, с. 617–618].

Объём когнитивных представлений, который в ментально-лингвальном комплексе языковой личности Ф. А. Вигдоровой отражается лексемой *ребёнок*, сопряжён с системой духовных, нравственных, этических установок, а они в контексте транслируются, в частности, с помощью слова с супплетивной формой *дети* (*С неделю назад он работал далеко за полночь – дети и Саша уже спали*²), слова в форме множественного числа *ребята* (*Киногруппа работает, и никто уже не обращает внимания на Сашу, которая, как наседка, мечется между своими ребятами*³), гипонимов грудной младенец, только что родившегося человека, маленький (Вместе с матерью она пестовала *только что родившегося человека до тех пор, пока он из грудного младенца не превращался в ребёнка*, которому больше не нужна патронажная сестра⁴; *Мой папа хорошо учился, когда был маленький*⁵), эвфемизма *яблоко раздора*, единиц предикатной лексики (*Пока он только яблоко раздора, обуза и срам: родился без отца*⁶; оценочные предикаты как средства характеристики при местоимении *он*, замещающем номинацию *ребёнок*).

Авторская интенция писательницы, проявляющаяся в продуцировании коннотаций духовно-нравственного характера как регулярных, принадлежит к константам её идиостиля.

Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, полисемантическая лексема *ребята* представлена в двух значениях, первое: «ребёнок»; второе: «молодые люди, парни (употр. также в обращении); уменьш.-ласк. ребятки, -ток, -ткам; ласк. ребятунки, -шек, -шкам (прост.)»⁷. Подобное представле-

¹ Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие. М.: Отчий дом, 2016. 496 с.

² Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

³ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁴ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь

ние значения слова *ребята* находим и в «Малом академическом словаре» под ред. А. П. Евгеньевой¹. Конкорданс единицы идиолекта таков: *играл с ребятами, читала ребятам, ребята записали, ребята говорили, вывалились ребята; хорошие ребята, новые молодые ребята; своими ребятами; все ребята; с четырьмя ребятами; ребята оправданы* и т. д.

Лексема *ребята* представлена в диалогии в значениях: 'мальчик или девочка в раннем возрасте, до отрочества' (*Вечером, придя за Аней, Саша сразу попала в какую-то весёлую суету: ребята играли в жмурки, Аня бегала вместе со всеми и громко кричала*²; *Ребята не сразу сдались, они ещё долго дразнили Женю, особенно когда выяснилось, что они с Анютой ждут друга друга по пути в школу*³; с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *В ту ночь в этом маленьком родильном доме появилось на свет двенадцать ребятишек*⁴; *У него в Подгорске осталась жена и четверо ребятишек*⁵; 'мужская молодёжь' (*Ребята говорили, что сестра – это недостаточное основание*⁶; *Я, когда рассказываю про тебя ребятам, всегда говорю: «сестрёнка, сестрёнка», и они думают, что ты совсем маленькая*⁷); 'наименование солдат' (*Но ему известно, что ребята воют уже*

*два года*⁸; *Особых возражений у командира полка не было, да и причина у ребят уважительная: надо бы купить часы*⁹).

Слово *ребятня*, свойственное разговорному стилю речи, употребляется в значении 'дети', 'ребята' (*Вся эта ребятня сидит на лестничной площадке и подолгу о чём-то разговаривает*¹⁰). Оно является нечастотным в контексте, однако значимым в ментально-лингвальном комплексе писательницы, и используется в художественном тексте как органическая часть её словаря (идиолексикона), имплицитно выражая авторскую позицию: любовь, сердечность по отношению к детям, непринуждённость и в то же время ответственность в общении с ними – основа процесса воспитания и образования.

В диалогии лексема *ребячество* отмечается только во втором лексико-семантическом варианте: «не такой, который должен быть у взрослого человека, несерьёзный»¹¹ – и выступает в роли оценочного предиката, указывающего на оцениваемое ощущение скрыто (*Какое-то глупое ребячество, наивность какая-то не по возрасту*¹²; *Саша, ну что за ребячество такое!*¹³). Синтаксис данных предложений гедонистической оценки демонстрирует перенос оценки с субъективных категорий на объективные, с ощущения на его причину [1, с. 69]. Так, слово *ребячество* неоднократно произносит только Дмитрий Поливанов в порыве отчаяния, бессилия (*Это безумие, это глупость, ребячество!*¹⁴), в минуты обиды на Сашу (*Какое-то глупое ребячество, наивность какая-то не по возрасту*¹), в моменты утешения героини, переходящего

русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 671.

¹ Словарь русского языка: в 4-х тт. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/05/mal139333.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 25.07.2020).

² Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

³ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁴ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁵ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁶ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁷ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 671.

¹² Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹³ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹⁴ Там же.

в укор (*Саша, ну что за ребячество такое!*²).

Важно отметить, что один раз слово *ребячество* используется в партии автора, завуалировано выражающего сочувствие героине, подчёркивающего переживания Саши, её боль, отчаяние, безысходность, потерянность (*Может, он прав, и это не лепость, ребячество, что она уезжает*³). В этом проявляется доминирующая черта идиостиля писательницы – «имплицитность авторской позиции, ... сдержанность в выражении прямого отношения, связанная в художественных произведениях с самоустранением, “отчуждением” автора» [9, с. 92].

Заключение

Слова с корнем *'реб'* в диалогии частотны. Они употребляются в значениях: 'детский возраст', 'наивный, неопытный человек', 'мужская молодёжь', 'наименование солдат', 'нравственная чистота', 'сила духа', 'забота о людях', 'забота о ребёнке', 'ответственность за человека / ребёнка'. Наиболее частотны данные единицы в значении 'детский возраст', поскольку всё, что связано с детьми, с миром детства, составляло основу ментально-лингвального комплекса языковой личности Ф. А. Вигдоровой и становилось константой её идиостиля. Каждый маленький герой дорог писательнице: и «забияка», «враль» Степан Лубенцов, и «хмурый» Мустафа, и «черноглазая» Катя, и бесстрашный, «во многих отношениях приме-

чательный» Женя, и «весёлая и словоохотливая» Аня. Для неё они все – свои. Она относится к ним с одинаковой любовью и теплотой.

Не случайно главных героев диалогии – Сашу, Андрея, Лёшу, Таню – Ф. А. Вигдорова наделила чертами характера, свойственными детям: непосредственностью, наивностью, способностью искренне удивляться и радоваться повседневным вещам, верить, надеяться и любить вопреки всему. Для писательницы было важно подчеркнуть, что сила человека заключается в его духовной чистоте, в следовании нравственным принципам, и тогда «сила становится доброй и ... нежность становится сильной» [11, с. 640].

В результате анализа семантики слов с корнем *-реб-* в диалогии Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье», «Любимая улица» приходим к выводу, что они имеют особое значение в русском языке и идиолекте писательницы. Слова с корнем *'реб'*, выражающим нравственные ценности, духовную чистоту, представляют как вербализаторы концепт *детство* русской концептосферы и появляются на страницах художественных текстов Ф. А. Вигдоровой тогда, когда «автору важно донести идею правдивости, искренности, чистоты помыслов, ценности личного достоинства» [5, с. 118], что показало наше исследование их семантико-стилистической роли.

Статья поступила в редакцию 23.09.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
2. Басова У. А. Ментальное образование *дети* в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019. 16 с.
3. Колесникова С. М. Смыслообразующие начала понятия *семья* в русской лингвокультуре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 53–59.
4. Киселева И. А. Концепт «семья» как часть концепта «детство» и его репрезентация в русской и

¹ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

² Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

³ Там же.

- английской женской мемуарной прозе конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 90–101.
5. Леденёва В. В. Индикаторы нравственной позиции // Леденёва В. В. Слово Лескова. М.: ИИУМГОУ, 2015. С. 101–118.
 6. Леденёва В. В. О вариативности коннотаций единиц ЛСГ «Семья» // Слово Лескова. М.: ИИУМГОУ, 2015. С. 158–165.
 7. Леденёва В. В. Слова с корнем 'дом' в письмах Н. С. Лескова 90-х годов // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. Вып. IV. Итоги Международной научной конференции, посвящённой памяти д. ф. н., профессора Войловой К. А., Москва, 25 февраля 2016 г. / отв. ред. О. В. Шаталова; под ред. В. В. Леденёвой, Т. М. Фадеевой, Е. Д. Звуковой. М.: ИИУМГОУ, 2016. С. 147–150.
 8. Леденёва В. В. Слова с корнем 'добр' // Леденёва В. В. Слово Лескова. М.: ИИУМГОУ, 2015. С. 84–101.
 9. Маслова О. О. Концепт детства в научной и художественной традициях 20 века: автореф. дис. ... канд. культурологии. Ярославль, 2005. 22 с.
 10. Рожина В. А. Репрезентация концепта «ребёнок» в русских и английских поговорках: корреляты соответствия // Интерактивная наука. 2016. № 4. С. 91–93.
 11. Чуковская Л. К. Памяти Фриды // Чуковская Л. К. Из дневника. Воспоминания. М.: Время, 2014. 736 с.
 12. Щемелинина И. Н. Вербализатор *ведать* концепта *знание* в сочинении Г. Котошихина «О России в царствовании Алексея Михайловича» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 8. С. 148–151.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka, sobytie, fakt* [Types of language meanings. Rating, event, fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 339 p.
2. Basova U. A. *Mental'noe obrazovanie deti v russkoi yazykovoi kartine mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Mental education children in the Russian linguistic picture of the world: PhD thesis in Philological sciences]. Tver, 2019. 16 p.
3. Kolesnikova S. M. [Semantic beginnings of the concept family in Russian linguoculture]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2018, no. 5, pp. 53–59.
4. Kiseleva I. A. [The concept of "family" as part of the concept of "childhood" and its representation in Russian and English female memoir prose of the end. XIX – early XX centuries]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2017, no. 4, pp. 90–101.
5. Ledeneva V. V. [Indicators of moral position. Lescov's word]. In: *Slovo Lescova* [Lescov's Word]. Moscow, MRSU Ed. office Publ., 2015, pp. 101–118.
6. Ledeneva V. V. [On the variability of the connotations of lexical and semantical groups "Family"]. In: *Slovo Lescova* [Lescov's Word]. Moscow, MRSU Ed. office Publ., 2015, pp. 158–165.
7. Ledeneva V. V. [Words with the root "dom" in the letters of N. S. Lescov of the 90s]. In: *Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: istoriya i sovremennost', Vyp. IV. Itogi Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhyonnoj pamyati d. f. n., professora Vojlovoj K. A., Moskva, 25 fevralya 2016* [Russian language in Slavic intercultural communication: history and modernity. Iss. IV. Outcomes of the International scientific conference dedicated to the memory of Dr. D., professors Voilovoy K. A., Moscow, February 25, 2016. MRSU Ed. office Publ., 2016. pp. 147–150.
8. Ledeneva V. V. [Words with the root "good"]. In: *Slovo Lescova* [Lescov's Word]. Moscow, MRSU Ed. office Publ., 2015, pp. 84–101.
9. Maslova O. O. *Kontsept detstva v nauchnoi i khudozhestvennoi traditsiyakh 20 veka: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii* [The concept of childhood in the scientific and artistic traditions of the 20th century: abstract of PhD thesis in Culturology]. Yaroslavl, 2005. 22 p.
10. Rozhina V. A. [Representation of the concept "child" in Russian and English proverbs: correlates of correspondence]. In: *Interaktivnaya nauka* [Interactive Science], 2016, no. 4, pp. 91–93. Available at: <http://rebenok-v-russkikh-i-angliyskikh-paremiyah-korrelyaty-sootvetstviya> (accessed: 07/29/2020)
11. Chukovskaya L. K. [In memory of Frida]. In: *Iz dnevnika. Vospominaniya* [From the diary. Memories]. Moscow, Vremya Publ., 2014. 736 p.

12. Shchemelinina I. N. [Verbalizer to be in charge of the concept of knowledge in the composition of G. Kotoshikhin "On Russia in the reign of Alexei Mikhailovich"]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2019, vol. 12, no. 8, pp. 148–151.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куличева Евгения Вячеславовна – кандидат филологических наук, независимый исследователь;
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Kulicheva – Cand. Sci. (Philology), An independent Researcher;
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куличева Е. В. Слова с корнем 'реб' в дилогии Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье», «Любимая улица» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 16–24.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-16-24

FOR CITATION

Kulicheva E. V. Words with the Root 'reb' in the Dilogy of F. Vigdorova's "Family Happiness", "Favorite Street". In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 1, pp. 16–24.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-16-24

УДК 81.276.6

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-25-38

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ ПО НЕФТЕГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Милуд М. Р.*Университет Алжир 2 имени Абу Эль-Касема Саад Аллаха**16000, вил. Алжир, окр. Бузареа, ул. Джамел Эддин Эль Афгани, Алжирская Народная Демократическая Республика***Аннотация.**

Цель. Изучить русско-французские словари нефтегазовых терминов и спроектировать новый русско-французский терминологический словарь нефтегазовой промышленности.

Процедура и методы. Проведён обзор русско-французских словарей нефтегазовых терминов и убедительно обоснована необходимость создания нового словаря. Описываются основные этапы составления словаря. Анализируются характерные особенности лексикографического подбора терминов в словаре и рассматриваются различные способы семантизации, при этом особое внимание уделяется включению новой лексики, не вошедшей в подобные словари.

Результаты. Проведённый анализ показал полное отсутствие терминов, принадлежащих к транспортировке нефти и газа, что убедительно доказывает неизбежность проектирования и создания нового словаря. В настоящее время русско-французский словарь подготовлен и опубликован.

Теоретическая и/или практическая значимость. Главное преимущество нового словаря заключается в том, что впервые в состав словаря включён корпус терминологии строительства газопроводов и нефтепроводов, используемый в процедурах, технической документации и в контрактах по строительству трубопроводов. Практическая значимость создания нового словаря заключается в максимальном охвате русских и французских терминов, в уточнении семантики французских терминов, в снятии языковых трудностей для тех, кто интересуется нефтегазовой промышленностью, в передаче технологий и локализации знаний.

Ключевые слова: термин, терминология, лексикология, лексикография, нефтегазовая терминология, русско-французский словарь

Благодарности. Искреннюю благодарность выражаем всем работающим в области нефтегазовой промышленности и тем, кто внёс свой вклад в поддержку свободного программного обеспечения с открытым исходным кодом, в поддержку возобновляемых и экологически чистых источников энергии, направленных на устранение последствий глобального потепления.

DESIGNING TERMINOLOGICAL DICTIONARIES FOR THE OIL AND GAS INDUSTRY

M. Miloud*Algiers University 2 named after Abu Elkassem Saad Allah**16000 St. Djamel Eddin El-Afghani, Bouzareah Algiers, Algeria***Abstract.**

Aim. The purpose of this article is to study Russian-French dictionaries of oil and gas terms and design a new Russian-French terminological dictionary of the oil and gas industry.

Methodology. The paper provides an overview of Russian-French oil and gas glossaries and convincingly substantiates the need to create a new dictionary. The main stages of compiling a dictionary are described. The characteristic features of the lexicographic selection of terms in the dictionary are analyzed, and various ways of semantization are considered, with particular attention paid to the inclusion of new vocabulary that has not been included in such dictionaries.

© CC BY Милуд М. Р., 2021.

Results. The review of such dictionaries of oil and gas terms shows a complete absence of terms related to oil and gas transportation, which convincingly proves the inevitability of forming and creating a new dictionary. Currently, the Russian-French dictionary has been prepared and published.

Research implications. The main advantage of the new dictionary is that for the first time, the dictionary includes a corpus of terminology for the construction of gas and oil pipelines, which is used in procedures, technical documentation, and contracts for the construction of pipelines. The practical significance of creating a new dictionary is to maximize the coverage of Russian and French terms, clarify the semantics of French terms, remove language difficulties for those interested in the oil and gas industry, technology transfer, and localization of knowledge.

Keywords: term, terminology, lexicology, lexicography, oil and gas terminology, Russian-French dictionary

Acknowledgments. We are very grateful to all those working in the oil and gas industry and all those contributing to free and open-source software, in support of renewable and clean energy sources aimed at eliminating the consequences of global warming.

Введение

Изучение отраслевой терминологии является одной из актуальных задач современных лингвистических исследований. Русская терминология нефтегазовой промышленности недостаточно изучена: известны лишь несколько диссертационных исследований на данную тему [10; 3; 9], тогда как подобного рода термины заслуживают более глубокого и подробного научного исследования и описания. Вот почему назрела необходимость унификации и упорядочения терминологии нефтегазовой промышленности в русском языке с точки зрения выявления основных тенденций её развития, определения закономерностей семантической и структурной организации данной терминологии, изучения эквивалентности разноязычных лексем и особенностей формирования специальных слов, принадлежащих нефтегазовой отрасли [7].

Алжир стал одной из главнейших нефтегазодобывающих стран мира после завоевания независимости в 1962 г., страной, с которой Россия подписала декларацию о стратегическом партнёрстве. За последние годы было проведено несколько российско-алжирских встреч на высшем уровне. В ходе официальных переговоров подтверждено расширение сотрудничества в области геологоразведки и добычи нефти и газа на алжирской территории. Россия

увеличила своё присутствие на алжирском рынке, активнее подключается к реализации крупных проектов по разработке углеводородов и других энергетических программ в нефтегазовой сфере [5].

Нефтяная отрасль в Алжире является определяющей областью межгосударственных отношений страны с другими державами. В данную деятельность вовлечено значительное количество переводчиков. Алжир прилагает все усилия, чтобы установить тесные связи с Россией и со странами СНГ. Однако переводчики с русского на французский язык нуждаются в специализированном русско-французском словаре терминов по нефтегазовой промышленности. Известными нам работами в данной сфере за последние 50 лет являются «Французско-русский и русско-французский терминологический словарь по нефтепромысловому делу» Т. Л. Агаяна¹, вышедший в 1968 г., насчитывающий 4297 терминов, и «Французско-русский словарь по нефти и газу» А. И. Булатова², вышедший в 2005 г., насчитывающий 23623 термина, поэтому назрела необходимость создания специального русско-французского словаря терминов для данной отрасли.

¹ Агаян Т. Л. Французско-русский и русско-французский терминологический словарь по нефтепромысловому делу. М.: Высшая школа, 1968. 239 с.

² Булатов А. И. Французско-русский словарь по нефти и газу. М.: Рущо, 2005. 445 с.

Обзор русско-французских словарей терминов нефтегазовой промышленности

Искусство создания терминологических словарей имеет давнюю и богатую историю. «Уже в конце XVIII в. начиналась активная работа русских исследователей по созданию русских терминологических словарей. Первым лексикографическим источником, зафиксировавшим русскую научную терминологическую лексику, стал «Дикционер или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произрашениях, т. е. древах, травах, цветах, семенах огородных и полевых, кореньях, и о прочих минералах», созданный коллежским асессором Императорской академии наук К. А. Кондратовичем. Выход в свет названного словаря послужил началом создания словарей терминологического типа в России» [6, с. 228].

Поскольку словарь Т. Л. Агаяна¹, содержащий ограниченное количество терминов по сравнению с другими словарями, был предназначен для специалистов нефтяной промышленности, нами было выявлено отсутствие в нём:

- терминов газовой промышленности, составляющих важную часть нефтегазовой терминологии, например: *бескомпрессорный газлифт* (*gas lift sans compresseur*), *газоанализатор непрерывного действия* (*analyseur de gaz en continu*), *влажностерение газа* (*teneur en humidité du gaz*), *вытеснение газом* (*balayage par le gaz*), *газоконденсатная скважина* (*puits de condensat, sondage au condensat*), *накопление газа (в подземных хранилищах)* (*emmagasinage de gaz*), *регистрирующий газоанализатор* (*détecteur de gaz à enregistrement automatique*);

- терминов, используемых при строительстве газовых сетей и сооружений, трубопроводного транспорта, например: *конденсатосборник газопровода* (*pot de purge*), *газогенераторная установка* (*usine à gaz*), *заглублённый трубопровод* (*pipeline*

enfoncé), *коррозия нефтепровода* (*corrosion dans les pipelines*), *подземный нефтепровод* (*conduite de pétrole souterraine*), *распределительный газопровод* (*gazoduc de distribution*), *впускной трубопровод* (*pipeline d'admission*), *выкидной трубопровод* (*pipeline de décharge*), *система заземления трубопровода* (*système de mise à la terre d'un pipeline*), *ответвление нефтегазопровода* (*branchement latéral d'un pipeline*), *газоотбензинивающая установка* (*tour de dégazolinage*), *прокладка трубопровода* (*pose de pipeline, pose de tuyauterie, installation d'une conduite*), *соединение участков нефтегазопровода* (*bridage*);

- терминов, обозначающих монтажные работы всех сооружений, оборудование и материалы, входящие в состав нефтегазовых объектов, например: *комплекс противовыбросового оборудования* (*tête de contrôle*), *монтажный зазор* (*jeu à froid*), *взрывобезопасное оборудование* (*équipement antidéflagrant*), *колебание всего сооружения* (*oscillation en masse*), *пυццолановый материал* (*matière pouzzolanique*), *обвязка наземного оборудования* (*Manifold de la surface*), *вышкомонтажный цех* (*atelier de montage des tours*), *оборудование взрывобезопасного исполнения* (*matériel blindé*), *волоконистый материал* (*matière fibreuse*), *компоновка сооружения (морского основания)* (*disposition des ouvrages*), *цельноблочное сооружение* (*ouvrage monobloc*), *лёгкое разведочное оборудование* (*équipement léger de recherches*), *мелкообломочный материал* (*matériaux détritiques fins*), *оборудование скважины стационарное* (*complétion permanente*), *обломочный материал* (*matière détritique*);

- терминов, обозначающих транспортные средства, техники, инструментарий, электрооборудование, аппаратуру контроля, строительные приспособления, используемые нефтегазовыми компаниями для строительства и монтажа объектов и сооружений стройплощадок, например: *трубоукладчик* (*Side Boom, camion pour le bardage des tubes, pipelayer, tracteur à grue latérale*), *баржа-трубоукладчик* (*barge de pose du pipeline*), *трубогибочная машина* (*cintrreuse*), *конденсатопровод* (*conduit de*

¹ Агаян Т. Л. Французско-русский и Русско-французский терминологический словарь по нефте-промысловому делу. М.: Высшая школа, 1968. 239 с.

condensat, pipe à condensat), трубовоз (*camin fardier*), траншекопатель (*excavateur de tranchées*), газовый редуциционный клапан (*valve de manodétendeur*), шинковый транспортёр (*convoyeur à vis sans fin*), турбобур (*foreuse à turbine*), инструмент канатного бурения (*outil pour sondage au câble*), радионавигационная аппаратура (*appareillage de radioguidage*), трубодержатель насосно-компрессорных труб (*mâchoire de suspension, table de tubing*), перфорационная аппаратура (*appareillage de perforation*), кольцевой фрезер (коронка для обурирования прихваченного инструмента) (*couronne de surforage, sabot denté, sabot de fraisage, sabot de surforage, sabot-fraise*), магнитный ловильный инструмент (*outil de repêchage magnétique*), каротажная аппаратура (*appareils de diagraphie*);

– терминов, обозначающих поставки, снабжение, таможенное оформление, установки, временные строительные площадки, необходимые для реализации нефтегазовых проектов, например: плановые поставки (*puissance souscrite*), снабжение промысла материалами (*ravitaillement du chantier en matériel*), поставка химических материалов (на буровую) (*apport chimique*), аварийное электроснабжение (*alimentation de secours*), таможенная пошлина (*droit de douane*), база снабжения (*base d'approvisionnement*), таможенное декларирование (*déclaration en douane*), балансир насосной установки (*balancier d'unité de pompage*), временная крепь (*revêtement provisoire*), таможенное оформление (*dédouanement*), временно установленный пакер (*Packer à rose instantanée*), канатная растяжка (морской буровой установки) (*câble de haubanage*), склад временного хранения (CBX) (*entrepôt sous douane*), обслуживание машинной установки (*conduite de la machinerie*), защита катодная временная (*protection cathodique provisoire*), временный заполнитель (*colmatant temporaire*);

– терминов, обозначающих погрузочно-разгрузочные работы, испытания и пуск объектов в эксплуатацию, например: разгрузка грунтовых вод (*tarissement de la nappe phréatique*), открытая погрузоч-

ная площадка (*dépôt découvert*), разгрузочная арка (*arc de décharge*), место погрузки (*embarcadère, endroit de chargement, lieu de chargement*), загрузочно-разгрузочный нефтяной порт (*port d'enlèvement du pétrole*), испытание на деэмульсацию (*essai de désémulsion*), область разгрузки (подземных вод) (*aire de décharge*), гидростатическое испытание (*essai hydrostatique*), испытание на набухание (глин) (*essai de gonflement*), испытание на прокачиваемость (цементного раствора) (*essai de pompabilité*), приёмочные испытания (*essai de qualification, réception*), метод испытания скважины (*méthode d'essai de puits*), обязательное торможение (при ходовых испытаниях) (*freinage imposé*), приёмочное испытание (*épreuve de réception*), пуск под нагрузкой (*démarrage en charge*), продолжительность работы скважины (при испытании) (*durée d'ouverture du puits*), пусковой вращающий момент (электродвигателя) (*couple initial de démarrage*), эксплуатационное испытание (*essai de l'utilisation*), испытание начальное на нефтеотдачу (*essai initial de production*), испытание предпусковое (*essai de précommissionning, essai de pré-lancement*), пуск вхолостую (*démarrage à vide*), пусковой газлифтный клапан (*clapet de démarrage à gas lift*);

– терминов по инжинирингу, по проекту оборудованию (изготовление, инспектирование, отгрузка, приёмка), по гигиене, безопасности и охране окружающей среды, например: проектная производительность (*rendement prévu*), ёмкость газопровода (*capacité de gazoduc*), плановая съёмка (по трубопроводу) (*planimétrage*), мёртвый объём резервуара (*tranche morte du réservoir*), проектное задание (*cahier des charges, avant-projet*), коэффициент дегазации (*coefficient de dégazage*), проект поисково-разведочных работ (*projet d'exploration*), общий план (без границ разведочных участков и концессий) (*plan de masse*), промышленная газоносность (*réserve exploitable de gaz*), конечная газонасыщенность (*saturation finale en gaz*), максимальная часовая нагрузка «газораспределения» (*pointe horaire*), план расположения (например, гор-

ных выработок) (*carte de situation*), схема установки (*schéma d'une installation, schéma de l'unité*), охрана окружающей среды (*protection d'environnement*), промышленная техника безопасности (*sécurité industrielle*), меры техники безопасности (*mesures préventives*), охрана труда (*protection du travail*), техника безопасности (*technique de sécurité*), загрязнение окружающей среды (*pollution de l'environnement*).

В ходе анализа «Французско-русского словаря по нефти и газу» А. И. Булатова¹ нами было обнаружено отсутствие терминов, примыкающих к транспортировке нефти и газа, а также терминов строительства трубопроводов вместе с терминами, касающимися земляных, общественных и сварочно-монтажных работ. Отметим, что эти термины составляют главную часть нефтегазовой промышленности.

В данном словаре отсутствуют термины, обозначающие работы и услуги, необходимые для полной реализации нефтегазовых объектов, например:

– термины сварки и ремонта сварочных швов: металл заполняющий «сварка» (*métal d'apport*), прожигание «сварка» (*perçage thermique*), журнал сварочный (*carnet de soudage*), проход горячий «сварка» (*passer chaude*), газосварочный автомат (*machine automatique à soudure autogène*), сборка стыка «сварка» (*alignement, assemblage du joint*), шлифовка (*meulage*), сварка двухтрубных секций (*opération de soudage double-jointing en ligne*), захлест (*raccordement*), автоматическая сварка CRC (*soudage automatique*), бобышка «сварка» (*bossage à souder*), трубосварочный агрегат (*machine à souder des tuyaux*), аттестация (*homologation*), раковина «сварка» (*soufflure*), дуговая сварка (*soudage à l'arc*), сварка в траншее (*soudure à fond de niche*), прочность сварного шва (*résistance de la soudure*), сварная обсадная колонна (*tubage soudé*), нагрев предварительный (*préchauffage*);

– термины радиографического контроля и контроля стыков: диаграмма радиоактивного каротажа (*diagramme de radioac-*

tivité, diagraphie de radioactivité), боковой нейтронный гамма-каротаж (*laterolog Gamma-rayons-neutron*), измерение радиоактивности (*mesure de radioactivité*), кривая радиоактивного каротажа (*log radioactif*), граничная плёнка (*film interfacial*), гамма-дефектоскопия (*contrôle au moyen de rayons-Gamma, examen radiographique*), рентгеноструктурный анализ (*analyse aux rayons X*), метод естественной радиоактивности (*méthode de radioactivité naturelle*), коррозионная плёнка (*film de corrosion*), испускание гамма-лучей (*émission de rayons-Gamma*), радиоактивное вещество (*corps radioactif*), рентгеновская плёнка (*film m à rayons X*), радиоактивный индикатор (*marqueur radioactif*), радиохимическая съёмка (*prospection radiochimique*), сцинтилляционный Гамма-спектрометр (*Gamma-spectromètre par scintillation*), рентгеновский спектрограф (*spectrographe à rayons X*), зазор между стыкуемыми крошками (*espacement entre les extrémités en about*);

– термины общестроительных работ: устройство полосы отвода (*ouverture de l'emprise*), полоса отвода (*emprise, piste*), полоса пропускания (*bande passante*), полоса рабочая (*piste d'exploitation*), съёмка полосы отвода (*levée de l'emprise*), дорога асфальтированная (*route goudronnée*), прокладывать трубопровод (*canaliser*), дорога грунтовая (*piste*), обратная засыпка (*pré-remblai, remblai*), рытье траншеи (*fouilles, ouverture de tranchée*), подсыпка и подготовка дна траншеи (*lit de préparation du fond de la fouille*), работы землеустроительные (*travaux de terrassement*), прокладка траншеи (*excavation des tranchées, exécution des tranchées*), коридор трубопроводов (*nappe de pipelines*), нитка трубопровода (*bretelle du pipeline*), прокладка трассы (*réalisation de la piste*), строительство подъездных путей (*construction de la piste de service*), постель мягкая (*lit de pose*);

– термины монтажа и регулировки оборудования: амортизация оборудования (*amortissement du matériel*), время монтажа вышки (*temps d'équipement 'de montage' du derrick*), вышкомонтажный цех (*atelier de montage des tours*), регулируемый обратный

¹ Булатов А. И. Французско-русский словарь по нефти и газу. М.: Руссо, 2005. 445 с.

клапан (*souape de réglage de la contre-pres-sion*), демонтаж буровой установки (*dé-montage d'un appareil de forage*), задвижка регулирования дебита (*vanne de réglage de débit*), нормирование добычи (*réglementation de la production*), регулирующий золотник (*tiroir du régulateur*), скорость регулирования (*rapidité de réglage*), устройство для регулирования (*organe de réglage*), постановка на консервацию (оборудования) (*désarmement*);

– термины строительства сооруже-ний из металлоконструкций: сборное строительство (*préfabrication*), метал-локерамика (*métallocéramique*), интерме-таллическая фаза (*phase intermétallique*), металлокерамический сплав (*alliage métal-locéramique*), коррозионностойкий сплав (*alliage résistant à la corrosion*), легированная сталь (*acier allié*), металлографическое ис-следование (*recherche métallographique*);

– термины бетонных сооружений: бе-тонный пригруз (*cavalier de lestage*), водо-носный горизонт (*couche imbibée par l'eau, nappe phréatique, zone inondable*), бетоно-мешалка (*bétonnière*), зацементированное кольцевое пространство (*espace annulaire cimenté*), железобетонная опора (*poteau en béton armé*), литое бетонное сооружение (*ouvrage coulé*), быстросхватывающийся портландцемент (*portland à durcissement rapide, prompt-portland*), массивное бетон-ное сооружение (*ouvrage en béton massif*), коксовая мелочь (добавка к тампонажным цементам) (*fines*), облицовочный бетон (*béton de parement*), фундаментная бетон-ная плита (*semelle en béton*), мерник цемента (*bac de jaugeage du ciment*), технология регенерации бетона (*regébéton*), ползучесть бетона (*déformation lente du béton, fluage du béton*), земли подтопляемые (*terrains inon-dables*), акустический контроль цементи-рования (*test acoustique de ciment*), начало схватывания (цементного раствора) (*prise initiale*), нефелин (минералвяжущая основа высокотемпературных тампонажных це-ментов) (*néphéline*);

– термины изоляции и покраски: очист-ка песчаных пробок (ремонтные работы в скважине) (*nettoyage des accumulations de sable*), изоляция сварных соединений (*revête-*

ment des joints soudés), нескоструйная обра-ботка (*sablage*), изоляционная намоточная машина (*enrobeuse*), аппарат нескоструй-ный (*sableuse*), изоляция трубопровода (*isolation du pipeline*), пробой (изоляции) (*disruption*), коэффициент теплоизоляции (*coefficient d'isolation thermique*), гидронеко-струйный аппарат (*appareil à jet de sable*), моноблок изолирующий (*joint isolant mono-bloc*), повреждённое место (изоляции) (*point vicieux*), шкала интерференционной окра-ски (*échelle des couleurs*), пескоочиститель-ный отстойник (*chambre de dessablage*);

– термины испытаний на герметичность и прочность, на производительность и вво-да в эксплуатацию: устройство очистки для трубопровода (*racleur*), седло пробки-скребка (*siège du bouchon-racleur*), поршень дисковой очистной (*piston racleur à disque*), ловушка для скребков (*gare de racleurs*), при-ёмочное испытание (*épreuve de réception*), остаточная разрывная прочность после усталости (*résistance résiduelle à la rupture après fatigue*), испытание на долговечность (*essai prolongé*), обязательное торможение (при ходовых испытаниях) (*freinage impro-sé*), продолжительность работы скважины (при испытании) (*durée d'ouverture du puits*);

– термины телеконтроля, телеуправле-ния, телекоммуникации, теленаблюдения и телеизмерения: радиотелеметрическая система (*radiotélémetre*), теледистанцион-ное измерение (*télémesure*), радионавигаци-онная аппаратура (*appareillage de radiogui-dage*), линия телеуправления (на нефтяных промыслах) (*ligne de télécommande*), система радиотелеконтроля (*chaîne de télécontrôle radioélectrique*), подводная телевизионная система (*caméra sous-marine*), телескопи-ческий газгольдер (*gazomètre télescopique*);

– термины катодной защиты: анод жертвенный (*anode sacrificielle*), катодный повторитель (*cathode suiveuse*), анодные поля (*champs des anodes*), питание анодное (*alimentation de plaque*), защита катодная временная (*protection cathodique provisoire*), защита катодная постоянная (*protection cathodique définitive*);

– термины по техническому обслужи-ванию: приведение в порядок территории

(*remise en état des lieux*), станция технического обслуживания (*station de service*), засыпка фильтра гравием (*mise en place du gravier*), площадка для обслуживания (*passerelle de service*), нормальный порядок напластования (*position normale des couches*), приводить в порядок (*arranger*);

– термины погрузочно-разгрузочных работ: опуск в траншею (*mise en fouille*), прокладка подводного трубопровода (*pose de pipeline sous-marin*), укладка трубопроводов в траншею (*mise en fouille*), присыпка дна «постель мягкая» (*lit de pose*), автопогрузчик-подъёмник (*chariot-élévateur*), приказ о погрузке (*ordre de chargement*), загрузочно-разгрузочный нефтяной порт (*port d'enlèvement du pétrole*), раскладка труб (*bardage*).

Проектирование нового русско-французского словаря терминов нефтегазовой промышленности

Автором данной публикации был подготовлен один из самых известных словарей терминов нефтегазовой промышленности в Алжире и во Франции¹, представляющий собой первую попытку создания в таком объёме русско-французского тематического словаря. В нём содержатся наиболее употребительные термины-понятия в области нефтегазовой промышленности. Первое издание данного словаря опубликовано в Париже в издательстве Publibook в 2014 г. Словарь доступен в электронном и бумажном форматах. Несомненным плюсом электронной версии словаря является возможность полнотекстового поиска любого термина при одновременном нажатии клавиш Ctrl+F в пределах открытого файла словаря. Важно отметить, что данная электронная версия легко индексируется в свободной системе Recoll под управлением операционной системы Linux.

Главным преимуществом и новизной данного словаря является включение в его состав корпуса терминов по строи-

тельству газопроводов и нефтепроводов, используемого в процедурах, технической документации и в контрактах по строительству трубопроводов в Алжире, выполненному российской компанией «Стройтрансгаз». Например, подъездные пути (*piste de service*), работы землеустроительные (*travaux de terrassement*), работы пусконаладочные (*précommissionning*), работы изыскательные (*études du tracé*), разбивка трассы (*piquetage de tracé*), разгонка конденсата фракционная (*distillation du condensat*), разгрузка грунтовых вод (*tariement de la nappe phréatique*), разработка полосы отвода (*ouverture de l'emprise*), разработка траншеи (*ouverture de la tranchée*), расчистка полосы отвода земли (*décapage; déblaiement de l'emprise*), русло сухое (*oued*), пункт трубопровода конечный (*terminal arrivée*), присыпка дна «постель мягкая» (*lit de pose*), присыпка трубы (*préremblais*), груз бетонный (*cavalier de lestage en béton*), поршень дисковой очистки (*piston racleur à disque*), поршень манжетный (*piston à manchon; vantoise*), плетъ трубная (*baïonnette*), подсыпка и подготовка дна траншеи (*lit et préparation du fond de la fouille*), бетонирование сплошное (*bétonnage complet; lestage continu*), аттестация (*homologation*), сварка полноразмерного отвода (*soudure de piquage pleine grandeur*), перемычка трубопровода (*interconnexion*), трубогибка (*cintrreuse*), грунтовка (*couche de fond*), подтопляемые земли (*zones inondables*), молот гидравлический (*brise-roche*), отвод земельного участка (*mise à disposition du terrain*), отводы горячие (*coudes chaudes*), кривые горячие (труб) (*coudes forgés*), сбой головки (*saut de bec*), скребок (*racleur*), станок кромкострогальный (*chanfreineuse*), станок трубогибочный (*cintrreuse*), транспортировка и переноска (*transport et bardage*), траншеекопатель (*trancheuse; creuse-tranchée*), трубовоз (*camion fardier*), узел крановый (*poste de sectionnement*), укрепление берега трубопровода (*gabionnage*), урегулирование технические (*modalités techniques; cahier des charges*), фланец герметизирующий (*bride d'étanchéité*), фланец ответный (*contre-bride*).

¹ Милуд М. Р. Русско-французский словарь терминов нефтегазовой промышленности. Париж: Publibook, 2014. 784 с.

«Русско-французский словарь терминов нефтегазовой промышленности»¹ преследует практическую, учебную или исследовательскую цель в зависимости от адресата. Это предполагает максимальный охват русских и французских терминов, уточнение семантики французских терминов, снятие языковых трудностей, передачу технологий и локализацию знаний.

С точки зрения практического применения адресатами нашего словаря являются франкоговорящие преподаватели и студенты высших учебных заведений, переводчики специальной литературы и квалифицированные специалисты, осуществляющие свою деятельность в области нефтегазовой отрасли, лица, владеющие русским языком, и работники нефтегазовых предприятий и промышленности.

Основные задачи нашего словаря заключаются в следующем: 1) определении корпуса нефтегазовых терминов; 2) разъяснении нефтегазовых терминов; 3) обеспечении доступности терминологических единиц с целью свободного распространения; 4) представлении структуры терминов нефтегазовой промышленности; 5) выявлении лексикографической специфики словарного состава нефтегазовой терминологии; 6) интерпретации встречающихся терминов межпредметных областей; 7) нормализации и стандартизации доступных словарей по свободным лицензиям; 8) активизации свободного программного обеспечения с открытым исходным кодом для создания словарей.

Согласно типологии словарей [12], наш словарь по своей структуре является двуязычным толково-переводным и входит в класс терминологических отраслевых словарей. По объёму он считается одним из самых крупных словарей нефтегазовых терминов (786 страниц). Словарь был подготовлен с использованием свободного программного обеспечения с открытым исходным кодом благодаря эффективной системе ArchLinux, мощному офисному

пакету LibreOffice, инструменту полнотекстового поиска Recoll, полноэкранному текстовому редактору FocusWriter и персональной облачной системе UbuntuOne.

Несмотря на то что мы добились максимальной точности и адекватности в переводе 18077 терминов, перечисленных в этом словаре, мы всё же не претендуем на исчерпывающую его полноту, поэтому «Русско-французский словарь терминов нефтегазовой промышленности» был опубликован под свободной лицензией Creative Commons (CC BY-NC-SA 4.0), что позволяет расширить круг его пользователей. Согласно данной лицензии, третье лицо может создавать и публиковать производную версию словаря при строгом соблюдении условий свободной лицензии.

Словарь содержит только те термины и понятия, которые часто употребляются в нефтегазовой промышленности. Слова и словосочетания, которые вызывали сомнения с точки зрения их семантики, чёткого раскрытия понятия, в словарь не вошли. Чётко сформировавшиеся терминологические сочетания и выражения, выдержавшие проверку временем, будут включены в последующие издания данного словаря.

При выборе терминологических единиц для нашего двуязычного словаря мы опирались на принцип разнонаправленной избирательности [11], что предполагает использование широкого круга источников: специальной технической литературы, энциклопедических и отраслевых словарей, учебных пособий, процедур строительства (газопроводов, нефтепроводов, бурения, скважин, добычи нефти), тендерной документации, регламентов, технических рекомендаций и международных стандартов по нефтегазовой промышленности, а также личного опыта профессиональной деятельности в среде представителей компаний в офисах и на нефтяных и газовых месторождениях в Алжире.

Кроме того, в ходе перевода русских терминов нашего словаря мы использовали свободный электронный словарь с

¹ Милуд М. Р. Русско-французский словарь терминов нефтегазовой промышленности. Париж: Publibook, 2014. 784 с.

открытым исходным кодом Goldendict¹, находящийся в открытом доступе и являющийся бесплатным и очень удобным для нашей операционной системы.

В предисловии «Русско-французского словаря терминов нефтегазовой промышленности» приводятся общие принципы построения его макроструктуры. Помимо этого, словарь содержит алфавитный указатель, облегчающий поиск терминов, поскольку он является алфавитным по способу расположения слов. Макроструктура каждой словарной статьи смоделирована двусторонним образом, где для каждого русского термина приводится французский(-ие) эквивалент(-ы) или описательный(-ые) перевод(-ы) или толкование. Отобранные термины состоят как из одного слова, например: *прилив (flux)*, *рекристаллизация (recrystallisation)*, *фланец (bride)*, *надрыв (déchirure)*, *карбид (carbure)*, так из словосочетаний, например: *лопатка турбины (ailette de turbine)*, *график плотности пород (diagramme de densité)*, *комбинированная буровая установка (для вращательного и канатного бурения) (installation de forage combinée)*, *окислительно-восстановительная среда (milieu oxydo-réducteur)*, *инертная часть бурового раствора (fraction inerte)*.

Основные этапы составления терминологических словарей детально описаны в специальной литературе по терминологии: «1) просмотр литературы; 2) составление картотеки предполагаемых терминов; 3) отбор терминов и их редактирование специалистами; 4) составление схемы понятий; 5) составление алфавитной картотеки; 6) подбор эквивалентов» [1, с. 149; 2, с. 91; 4, с. 12].

Не вызывает сомнения то, что достоинства научного языка создаются благодаря целенаправленным и целесообразным отбору и организации терминов в научном тексте. Отбор нефтегазовых терминов яв-

ляется наиболее важным и сложным моментом, включающим четыре этапа:

1. Отбор терминов каждой понятийной сферы согласно схемам понятий, представленным ниже (рис. 1, 2), которые обобщают появление и развитие терминологии нефтедобычи и этапы строительства трубопроводов. Данные схемы также иллюстрируют иерархию семантических полей терминов с учётом их концептов и семантических групп.

2. Проверка частотности употребления и практической значимости отобранных терминов на основе анализа специальной технической документации и словарей.

3. Уточнение наличия точного французского перевода у отфильтрованных терминов, выбор способа семантизации (перевод, описательный перевод, толкование в случае отсутствия эквивалента на французском языке), оценка частотности их употребления в нефтегазовой промышленности и регулярного появления в научно-технической документации.

4. Выбор подходящего эквивалента в случае обнаружения семантических (полисемантических, омонимичных и синонимичных) процессов у термина [8]. Переводы терминов требуют наличия прочных фоновых знаний. В случае полисемии и омонимии русскоязычного термина в скобках приводится его сфера употребления или контекст. Например, *нарушение связи (в горной породе) (solution de continuité)*, *нижний захват (шлангокабеля) (pince inférieure)*, *определение места поглощения (в скважине) (localisation des zones d'absorption)*, *нефтепровод с электроподогревом «для высоковязких нефтепродуктов» (pipe réchauffée électriquement)*. Значение терминов нефтегазовой промышленности часто меняется в зависимости от контекста, например, *первичные запасы (извлекаемые при естественном режиме пласта) (réserves primaires)*, *переходник (для соединения труб разного диаметра) (raccord réducteur)*, *повышение поверхности суши (вследствие приноса обломочного материала) (aggradation)*, *показатель притока*

¹ Goldendict Gnu-Linux Убунту версия электронный словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.ubuntu.com/cat/applications/precise/goldendict> (дата обращения: 29.10.2020).

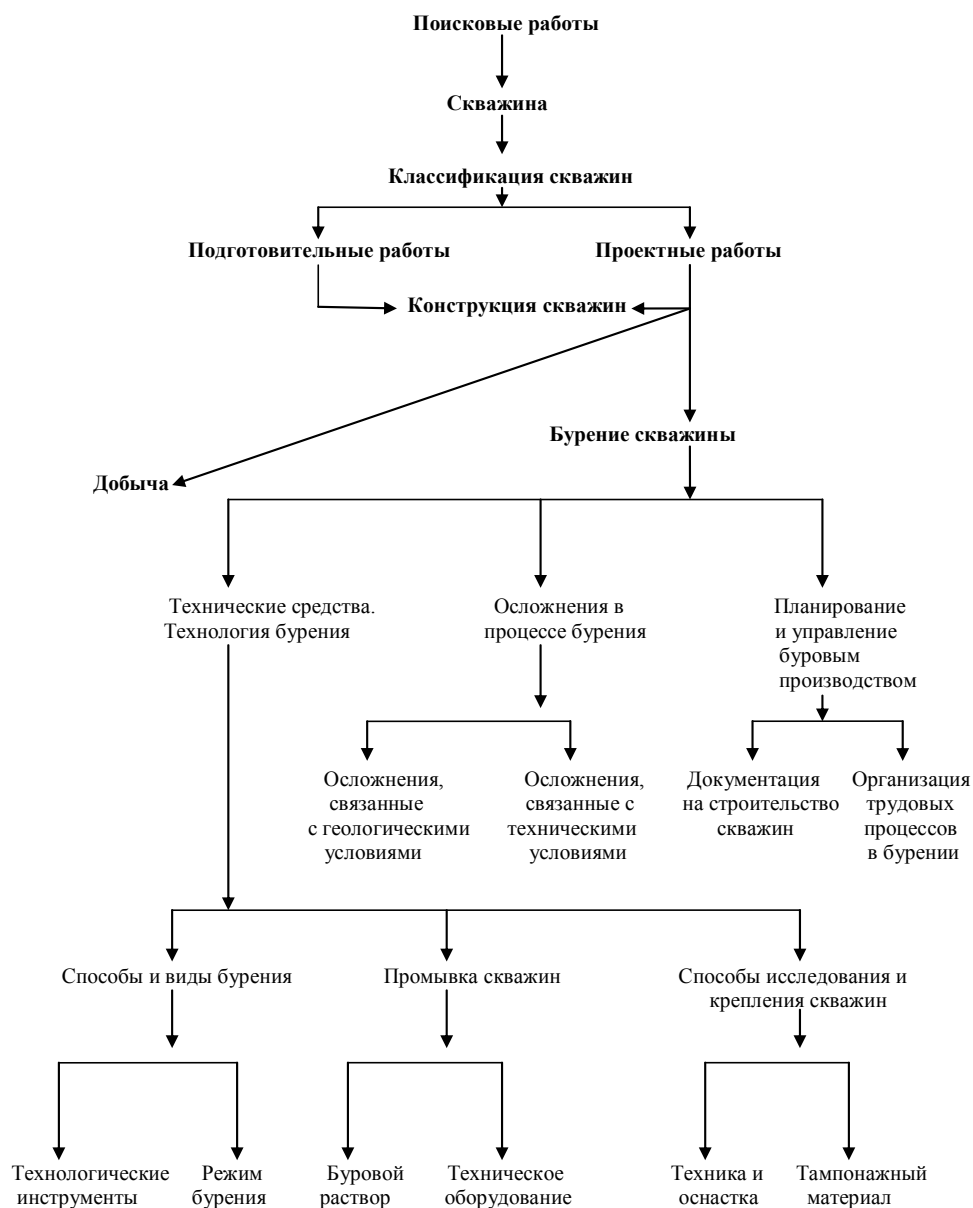

Рис. 1 / Fig. 1. Ядро терминологии нефтедобычи / Core of oil production terminology

(характеризующий эффективность перфорации) (*indice d'écoulement*).

В случае синонимии, если русскому термину соответствует несколько французских вариантов, они приводятся, следуя друг за другом через запятые, например: газонапорный режим (*poussée de gaz, régime par expansion du chapeau de gaz, drainage par*

poussée de gaz, expansion du gas-cap, expansion du gaz, extension de gas-cap, mode de production par gas-drive, refoulement par poussée du gaz), пластовое давление (*pression de couche, pression de formation, pression de gisement, pression de réservoir, pression statique de fond*), лебёдка (*bourriquet, treuil, dévidoir, palan, palanquée, tour*), расширитель

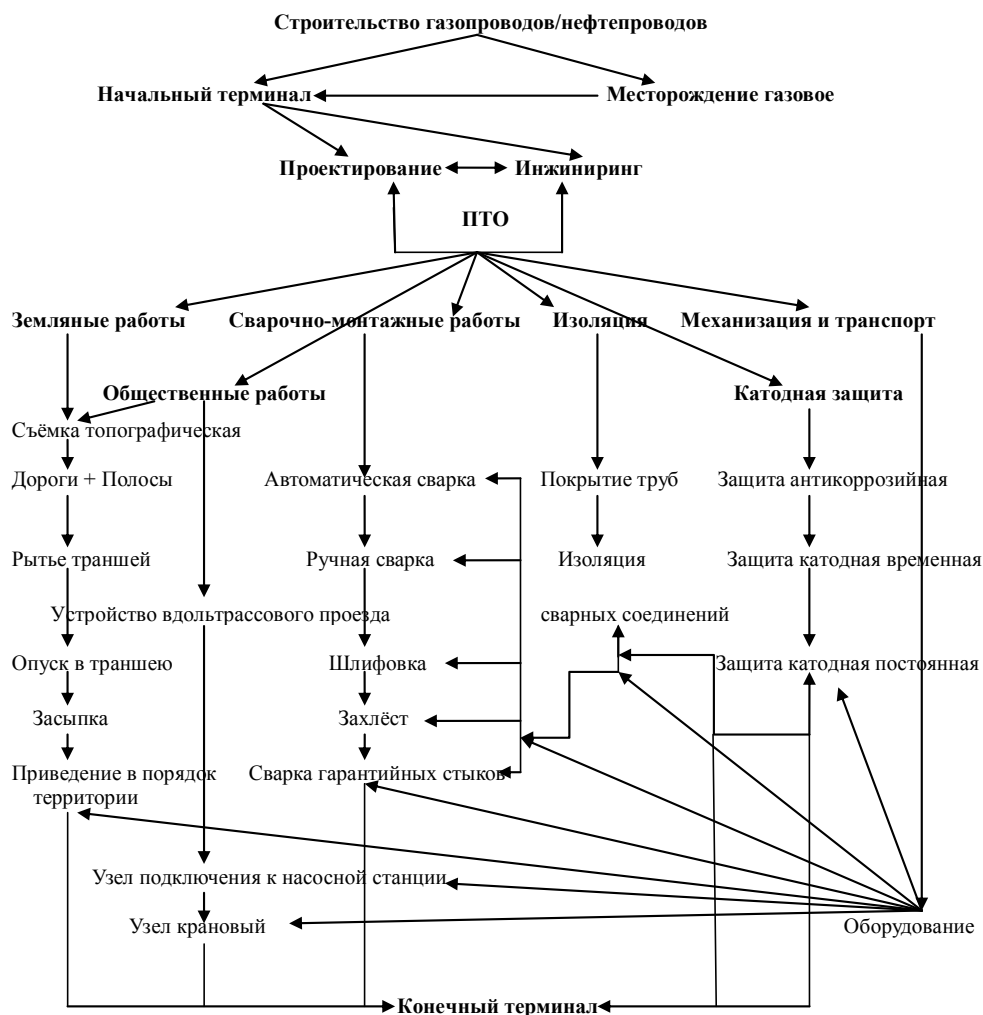

Рис. 2 / Fig. 2. Ядро терминологии газопроводов / нефтепроводов / Core of oil / gas pipeline terminology

(agrandisseur, aléueur, aléuese, trépan aléueur, trépan élargisseur, trépan à ressort, élargisseur, équarisseur, outil à chambrer), omбензиненный газ (gaz dégazoliné, gaz désessencié, gaz rectifié, gaz résiduaire).

По необходимости приводится пояснение термина на французском и русском языках для освещения понятия, например: предельное напряжение (*résistance du milieu au cisaillement*), устройство вдольтрассового проезда (*aménagement des passages le long du tracé*), градус АПИ (условная единица плотности жидкостей по шкале Американского нефтяного института) (*degré API*), блок вентильный (*Manifold*;

ensemble de vannes et de conduits orientant un fluide vers un réservoir ou des canalisations).

Поскольку в нефтегазовой промышленности часто встречаются сокращённые названия, они представлены в словаре в сокращённой и развёрнутой формах, особенно во французской версии, например: налог на совокупный доход (*I. R. G impôt sur le revenu global*), план обеспечения качества (*plan assurance qualité PAQ*), налог на доходы компаний (*I. B. S. impôt sur les bénéfices de la société*), ТТН – товарно-транспортная накладная (*lettre de transport*), СИФ – стоимость, страхование, фрахт (*C. A. F. cout, assurance, frais*), НДС – налог на добавлен-

ную стоимость (T.V.A. *taxe sur valeur additionnelle*), освобождение от уплаты НДС (*Attestation d'exonération de TVA*), налог на профессиональную деятельность (T.A.P. *taxe sur activité professionnelle*).

Представляется важным включить в наш словарь экономические и финансовые термины вместе с терминами тендерной документации, диктуемые современным состоянием алжирской экономики, например: финансовая служба (*service de financier*), прибыль без вычета налогов (*bénéfice hors taxe*), национальный доход (*revenu national*), затраты финансовые (*conséquences financières*), налоги на прибыль (*impôts sur bénéfices*), эксплуатационные затраты (*coût d'exploitation*), скользящие цены (*prix flottants*), смета расходов (*état de frais estimatifs*), контрактные урегулирования (*clauses contractuelles*), начальные урегулирования (*conditions initiales*), погашать арендную плату (*verser les redevances*), внесение банковских гарантий (*dépôt des cautions bancaires*), оплачивать по фактическим затратам (*payer sur les dépenses effectives*), очистка таможенная «таможенное оформление» (*dédouanement*), сумма заранее обусловленная (*montant forfaitaire*), сумма удержания (*montant détenu*), коммерческий счёт (*facture commerciale*), торги (*appels d'offres*), накладные расходы (*coûts complémentaires, frais accessoires*), расходы по обслуживанию (*coûts d'entretien*), банковский перевод (*virement bancaire*), сборы и пошлины (*droits et taxes*), пошлина таможенная (*droit de douane*), порядок оплаты (*modalité de paiement*), платёж в покрытие долговых обязательств (*règlement*).

Следует отметить, что в словарь были включены устаревшие термины, отражающие примитивные способы бурения и добычи нефти и газа, несмотря на то, что они редко употребляются в настоящее время, например: бадья «клеть» (*ciffat*), копанка (*fosse*), копаночная добыча (*extraction par forage*), колодезь (*puit*), колодезная добыча (*extraction de l'eau des puits*) и др.

При составлении словаря нам пришлось учитывать наличие терминов-дублетов, например: анкерный колодезь = закладной

раструб (*corps d'ancrage*), метод навесного бетонирования = подвесная опалубка (*encorbellement*), шабрить = шлифовать (*meuler*), присыпка дна = постель мягкая (*lit de pose*), *numéro d'enregistrement fiscale* = *certificat de résidence fiscale* (ИНН – идентификационный номер налогоплательщика), градуирование = калибровка = тартирование (*tarage, étalonnage*), балластировка сплошная = бетонирование сплошное (*les-tage continu*), решётка арматурная = сетка (*treillis soudé*). В данном случае выбирается наиболее регулярно употребляемый термин.

В приложении к словарю приводится краткий французско-русский словник наиболее употребляемых терминов в области нефтегазовой промышленности.

Заключение

Накопленный опыт позволяет констатировать факт, что тексты нефтегазовой отрасли являются наиболее сложными для перевода, т. к. в них одновременно сосредоточены узкоспециальные терминологические пласты нескольких наук. Нефтегазовая отрасль является одной из важнейших в алжирской и российской экономике. Она способствует активному развитию международного сотрудничества в этой сфере, что создаёт предпосылки для разработки специальной терминологической базы данных. Следовательно, «от переводчика технических текстов нефтегазовой тематики требуется понимание специфики терминологии. Он не только должен владеть обоими языками, но и хорошо разбираться в предмете. Только тогда он сможет справиться с трудностями перевода технических терминов, характерных для нефтегазовой отрасли» [7, с. 128].

Таким образом, впервые в истории русской лексикографии нами был издан словарь, в котором представлен наиболее полный перечень терминов-понятий по нефтегазовой промышленности. Главное преимущество словаря состоит в том, что он включает термины, отвечающие новым требованиям транспортировки углеводо-

родов, зафиксированным в международных стандартах. Предполагается, что наш словарь, который является первым доступным словарём под лицензией Creative Commons, окажет большую помощь всем, кто интересуется нефтегазовыми терминами.

Данная статья была подготовлена исключительно с использованием свободного программного обеспечения с открытым исходным кодом.

Статья поступила в редакцию 09.11.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 431 с.
2. Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография. Вена, Харьков: Харьковское лексикографическое общество, 1998. 160 с.
3. Думитру Е. Ш. Структурно-семантический анализ русской терминологии нефтедобычи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.
4. Лейчик В. М. Лексикографическая терминологическая деятельность // Терминология библиотечного дела: сборник научных трудов Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. М., 1975. С. 6–15.
5. Милуд М. Р. «Там внизу ещё очень много места» // Перспективы Алжирско-русских отношений в третьем тысячелетии: труды второй национальной конференции, Бузареа, 24 апреля. Алжир, 2015. С. 63–68.
6. Милуд М. Р. Становление языка русской науки и формирование русской терминологической лексики // Художественный текст: проблемы чтения и понимания в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Стерлитамак, 25–26 октября. Стерлитамак, 2018. С. 227–230.
7. Милуд М. Р. Структурно-семантический анализ лексики нефтегазовой промышленности. Саарбрюккен: Lap Lambert Academic Publishing, 2015. 141 с.
8. Милуд М. Р., Гезайли Н. Лексико-семантический способ образования русских терминов нефтегазовой промышленности // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2017. Вып. 1 (33). С. 171–180.
9. Смагулова А. С. Специфика терминологического поля в области нефти и газа (на материале английского и казахского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2010. 31 с.
10. Сулейманова А. К. Терминосистема нефтяного дела и её функционирование в профессиональном дискурсе специалиста: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Уфа, 2006. 47 с.
11. Супрун А. Е. Некоторые свойства учебного словаря и словарь для обучающего // Проблемы учебной лексикографии и обучение лексике. М.: Русский язык, 1978. С. 46–53.
12. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1958. С. 54–91.

REFERENCES

1. Dubichinskiy V. V. *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008. 431 p.
2. Dubichinskiy V. V. *Teoreticheskaya i prakticheskaya leksikografiya* [Theoretical and practical lexicography]. Vena, Kharkiv, KHar'kovskoe leksikograficheskoe obshchestvo Publ., 1998. 160 p.
3. Dumitru E. Sh. *Strukturno-semanticheskii analiz russkoi terminologii nefte dobychi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural and semantic analysis of Russian terminology of oil production: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2009. 25 p.
4. Leichik V. M. [Lexicographic terminological activity]. In: *Terminologiya bibliotchnogo dela* [Librarianship Terminology]. Moscow, 1975, pp. 6–15.
5. Milud M. R. ["There is still a lot of space below"]. In: *Perspektivy Alzhirsko-russkikh otnoshenii v tret'em tysyacheletii: trudy vtoroi natsional'noi konferentsii, Buzarea, 24 aprelya* [Prospects for Algerian-Russian Relations in the Third Millennium: Proceedings of the Second National Conference, Buzarea, April 24]. Algeria, 2015, pp. 63–68.

6. Milud M. R. [Formation of the language of Russian science and the formation of Russian terminological vocabulary]. In: *Khudozhestvennyi tekst: problemy chteniya i ponimaniya v sovremennom obshchestve: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Fiction text: problems of reading and understanding in modern society: materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation]. Sterlitamak, 2018, pp. 227–230.
7. Milud M. R. *Strukturno-semanticheskii analiz leksiki neftegazovoi promyshlennosti* [Structural and semantic analysis of the vocabulary of the oil and gas industry]. Saarbrücken, Lap Lambert Academic Publ., 2015. 141 p.
8. Milud M. R., Gezaili N. [Lexico-semantic way of forming Russian terms of the oil and gas industry]. In: *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Modern linguistic and methodological and didactic research], 2017, no. 1 (33), pp. 171–180.
9. Smagulova A. S. *Spetsifika terminologicheskogo polya v oblasti nefti i gaza (na materiale angliiskogo i kazakhskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Specificity of the terminological field in the field of oil and gas (based on the material of the English and Kazakh languages): PhD thesis in Philological sciences]. Almaty, 2010. 31 p.
10. Suleimanova A. K. *Terminosistema neftyanogo dela i ee funktsionirovanie v professional'nom diskurse spetsialista: avtoref. diss.... dokt. filol. nauk* [The terminology system of the oil business and its functioning in the professional discourse of a specialist: D. thesis in Philological sciences]. Ufa, 2006. 47 p.
11. Suprun A. E. [Some properties of the educational vocabulary and vocabulary for the teaching]. In: *Problemy uchebnoy leksikografii i obuchenie leksike* [Problems of educational lexicography and vocabulary teaching]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1978, pp. 46–53.
12. Shcherba L. V. [Experience of the general theory of lexicography]. In: Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike. T. 1.* [Selected works on linguistics and phonetics. Vol. 1]. Leningrad, Leningrad University Publishing House, 1958, pp. 54–91.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Милуд Мохамед Рашид – доктор филологических наук, доцент кафедры турецкого и русского языков, преподаватель русского языка как иностранного, член научного совета факультета арабской филологии и восточных языков университета Алжир 2; эксперт при министерстве высшего образования и научных исследований в Алжире;
e-mail: medrachid.miloud@univ-alger2.dz

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Miloud Mohamed Rachid – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Turkish and Russian Languages, Lecturer (Russian as a Foreign Language), Member of the Scientific Council, Faculty of Arabic Philology and Oriental Languages, Algiers University 2. Expert, Ministry of Higher Education and Scientific Research in Algeria;
e-mail: medrachid.miloud@univ-alger2.dz

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Милуд М. Р. Проектирование терминологических словарей по нефтегазовой промышленности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 25–38.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-25-38

FOR CITATION

Miloud M. R. Designing Terminological Dictionaries for the Oil and Gas Industry. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 1, pp. 25–38.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-25-38

УДК 81.373.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-39-50

ВОЕННАЯ ХРЕМАТОНИМИКА: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ КОРАБЛЕЙ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА РОССИИ

Родина Н. А.*Военный институт физической культуры**194044, г. Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр., д. 63, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Проанализировать лексико-семантические особенности названий кораблей военно-морского флота России, выявить мотивы и когнитивную специфику номинации, отражающие характерные черты языковой личности российского военнослужащего-ономатета.

Процедура и методы. Описана методика сбора языкового материала, включающая изучение открытых печатных и электронных источников, обобщение, интерпретацию результатов и дискурсивный анализ. Материал исследования, представляющий собой названия кораблей ВМФ России, содержащие ономастический компонент, расклассифицирован и проанализирован с точки зрения частеречной принадлежности и особенностей семантики.

Результаты. По итогам исследования выявлена необходимость изучения военных хрематономов, созданных военнослужащим-ономатетом, на ярких примерах из различных лексико-семантических групп названий кораблей ВМФ РФ, показано отражение в военных хрематономах значимых в профессиональном социуме фоновых знаний.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Результаты исследования могут найти применение как в военном образовании, так и в факультативном курсе ономастики в гражданском вузе.

Ключевые слова: языковая личность, военный социум, российский военнослужащий, военно-морской флот, ономастический компонент, хрематоним

MILITARY CHREMATONYMY: LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE NAMES OF SHIPS OF THE RUSSIAN NAVY

N. Rodina*Military Institute of Physical Culture**63 Bol'shoy Sampsoniyevskiy pr., Saint Petersburg 194044, Russian Federation*

Abstract.

Aim. The work aims to analyze the lexical and semantic features of the names of the ships of the Russian Navy, to identify the motives and cognitive specifics of the nomination, reflecting the outstanding characteristics of the language personality of the Russian serviceman-onomatet.

Methodology. The article describes a method for collecting language material, including the study of openly printed and electronic sources, generalization, interpretation of the results, and discourse analysis. The research material, which is the names of the Russian Navy ships containing the onomastic component, is classified and analyzed from the point of view of morphological affiliation and semantics.

Results. In the course of the work, the need to study military chrematonyms created by a serviceman-onomatet was identified, using vivid examples of various lexical-semantic groups of Russian Navy ship names, the reflection in military chrematonyms of background knowledge significant in the professional society was indicated.

Research implications. The research results can find application in military education and in the elective course of onomastics in a civilian university.

Keywords: language personality, military society, Russian serviceman, Navy, onomastic component, chrematonym

Как вы яхту назовёте, так она и поплывёт.

Приключения капитана Врунгеля

Введение

В настоящее время, когда в лингвистике главенствует антропоцентрический подход, в научных трудах много внимания уделяется проблеме изучения языковой личности. Это явление рассматривается в различных аспектах: дифференцируются групповая и индивидуальная языковые личности, национальная, профессиональная и т. д. [10; 11].

В связи с активизацией деятельности военного социума сегодня внимание исследователей привлекли лингвистические особенности коммуникации российского военнослужащего. Существуют работы, посвящённые военному жаргону, речевому портрету военнослужащего [2; 8; 9; 12; 15; 16].

Военная служба подразумевает продолжительное нахождение индивидуума в изоляции. На флоте подобный «отрыв» человека от гражданского общества наиболее заметен, поскольку в плавании моряк контактирует с техникой в равной степени, как и с сослуживцами. Такие обстоятельства способствуют отчётливому выявлению психолингвистических особенностей коммуникации языковой личности российского военнослужащего.

Помимо прочих специфических черт вербального взаимодействия между представителями социума, деятельность языковой личности предполагает наличие креативного начала, созидательности. Ощущая потребность в творчестве, российский военнослужащий может по-разному её эксплицировать, в том числе в языке. Одним из ярчайших примеров военного языкового творчества являются названия, данные военной технике, единицам вооружения и другим значимым объектам материального мира военного социума. Эксперты в Министерстве обороны РФ, дающие кораблям официальные названия, также явля-

ются частью военного социума, транслируя традиции специфического именования объектов. Таким образом, российский военнослужащий становится ономатетом – имянарекателем, отражающим черты своей языковой личности в хремотонимах.

На сегодняшний день военная хремотонимика исследована недостаточно [5; 6; 14]. Подобная лакуна позволяет направить изучение объектов военной материальной культуры как в сторону углубления, рассматривая не только мотивы номинации, но и её когнитивную основу, так и в сторону расширения, охватывая ономастикон вооружения и военной техники различных видов и родов войск ВС РФ.

Цель нашего исследования – проанализировать лексико-семантические особенности названий судов военно-морского флота России, выявляя мотивы и когнитивную специфику номинации, отражающие особенности языковой личности российского военнослужащего-ономатета.

Материалом исследования послужил официальный список названий кораблей ВМФ России в печатных изданиях [1; 3; 4; 7; 13] и интернете¹.

В соответствии с целью нашего исследования из 1114 единиц для анализа нами были отобраны 487 названий (43,7%), содержащих словесный компонент. Далее имена собственные были расклассифицированы в соответствии с частью речи, от которой они были образованы. Распределение хремотонимов по группам в зависимости от происхождения представлено в таблице 1.

¹ Список кораблей Военно-морского флота Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_кораблей_Военно-морского_флота_Российской_Федерации (дата обращения: 02.09.2020).

Таблица 1 / Table 1

Распределение хрематоимов по группам**в зависимости от происхождения / Distribution of chrematonyms by groups depending on origin**

Хрематоимы, образованные от антропонимов	Хрематоимы, образованные от топонимов	Хрематоимы, образованные от других онимов	Хрематоимы, образованные от нарицательных имён существительных	Хрематоимы, образованные от имён прилагательных
172	199	4	94	18

Из таблицы видно, что в картотеке преобладают хрематоимы, образованные от топонимов и антропонимов. Практически в два раза меньше именований, произошедших от апеллятивов. В наименьшем количестве представлены хрематоимы, образованные от других имён собственных, а также от прилагательных. Такое распределение обусловлено объективной тра-

дицией называть суда в честь знаменитых людей и городов России.

Далее именованья военных кораблей каждой из лексико-семантических групп по структурным особенностям были разделены на подгруппы. Количественное соотношение отантропонимических хрематоимов представлено в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Количественное соотношение отантропонимических хрематоимов / The quantitative ratio of anthroponymic chrematonyms

Хрематоимы, образованные от антропонимов				
звания, фамилии и имени	фамилии и имени	звания и фамилии / имени	имени	фамилии
3	117	46	5	1

Согласно данным таблицы, большинство единиц картотеки представляют собой названия, образованные от фамилии и имени. Хрематоимов, отражающих, помимо фамилии и/или имени, звание, а также именований, являющихся лишь именем либо фамилией, насчитывается в два раза меньше. Подобное соотношение структурных характеристик именований может быть объяснено официальностью номинации и соответствующей традиционностью антропонимической формулы «Имя Отчество» / «Фамилия Имя Отчество».

Среди отантропонимических хрематоимов, произошедших от фамилии и имени, присутствуют такие, как «Василий Татищев», «Валентин Пикуль», «Иван Голубец», «Владимир Котельников».

Примерами хрематоимов, образованных от комбинации «звание +

фамилия / имя» являются «Адмирал Григорович», «Маршал Устинов», «Адмирал флота Советского Союза Амелько», «Академик Семенихин».

Три названия кораблей представляют собой именованья, произошедшие от формулы «звание + фамилия + имя»: «Адмирал Фёдор Головин», «Профессор Николай Муру», «Герой Российской Федерации Алдар Цыденжапов».

Пять хрематоимов образованы от одиночных личных имён: «Аскольд», «Ослябя», «Пересвет», «Руслан», «Садко». Одно судно носит название «Сибиряков», которое этимологически связано с фамилией.

Обращаясь к семантическим особенностям отантропонимических хрематоимов, следует выделить несколько подгрупп именований в зависимости от сферы дея-

тельности знаменитых россиян, в честь которых были названы корабли ВМФ России. Количественное распределение отантро-

понимических хремотонимов с точки зрения когнитивной семантики представлено в таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

Количественное распределение отантропонимических хремотонимов с точки зрения когнитивной семантики / Quantitative distribution of anthroponymic chrematonyms in terms of cognitive semantics

Военная служба	Наука	Политика	Искусство	Религия	Спорт	Мифологическое сознание
101	39	12	9	4	3	4

Из таблицы видно, что в номинации по объективным причинам отдаётся предпочтение онимам, связанным с военной службой. Далее по значимости следует отметить хремотонимы, образованные от личных имён и фамилий учёных и политиков. Несколько реже встречаются названия, связанные с деятелями искусства. Наименьшее количество хремотонимов образовано от антропонимов, принадлежащих личностям, занятым в религии и спорте, а также мифическим персонажам.

Приведём самые яркие примеры названий, связанных с военной службой. Атомная подводная лодка стратегического назначения «Генералиссимус Суворов» носит имя великого русского полководца Александра Васильевича Суворова, основоположника русской военной теории. Фрегат «Адмирал Эссен», состоящий на вооружении Черноморского флота, назван в честь адмирала Российского императорского флота, героя Первой мировой войны Николая Оттовича фон Эссена. Хремотоним «Евгений Колесников», принадлежащий противодиверсионному катеру Балтийского флота, связан с именем Героя Российской Федерации, гвардии майора, командира разведывательной роты 336-й бригады морской пехоты Балтийского флота Евгения Николаевича Колесникова, который в 1995 г. трагически погиб при выполнении специального задания в Чеченской республике.

С наукой связаны такие хремотонимы, как «Михаил Ломоносов», «Сибиряков», «Николай Матусевич», «Академик Александров». Эти учёные внесли боль-

шой вклад в развитие отечественного естествознания, что позволило их имена присвоить кораблям ВМФ РФ. Так, Михаил Васильевич Ломоносов заложил основу российской физики и химии, в его честь названо судно контроля физических полей Северного флота. Александр Михайлович Сибиряков, помимо предпринимательской и меценатской деятельности, занимался исследованием Сибири, его имя носит океанографическое судно Балтийского флота. В честь профессора Николая Николаевича Матусевича, гидрографа и геодезиста, Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, названо гидрографическое судно Балтийского флота. В Тихоокеанском флоте океанографическое судно носит имя советского физика, академика АН СССР Анатолия Петровича Александрова. Однако в честь учёных названы лишь вспомогательные суда, но не основные боевые единицы.

Политическая деятельность также является популярным мотивом номинации военных кораблей. Так, например, в честь великого князя киевского, основателя Москвы, Юрия Долгорукова назван ракетный подводный крейсер стратегического назначения Северного флота, а в честь создателя регулярной армии и флота Петра Великого назван тяжёлый атомный ракетный крейсер. Имя Анатолия Петровича Гужвина, губернатора Астраханской области в 1991–2004 гг., носит гидрографическое судно Каспийской флотилии. Соответственно, чем весомее вклад политического деятеля в государственность

России, тем более значительное судно называется его именем.

Среди знаменитых деятелей искусства, имена которых послужили основой для создания военных хремотонимов, преобладают литераторы. Например, «Василий Быков» – название патрульного сторожевого корабля Балтийского флота, «Валентин Пиккуль» – морского тральщика Черноморского флота, «Николай Рубцов» – десантного катера Северного флота.

Деятельность религиозных личностей также стала мотивом номинации российских военных кораблей, поскольку издревле вооружённые силы нуждались в духовно-нравственной поддержке церкви. Так, именами монахов Пересвета и Осляби, которые участвовали в Куликовской битве, названы большие десантные корабли Тихоокеанского флота. В честь великого подвижника Русской церкви преподобного Серафима Саровского и Иоанна Кронштадтского, настоятеля Андреевского собора в Кронштадте, названы церемониальные катера Балтийского флота.

Имена персонажей литературы и личностей, существование которых представляется сомнительным, также носят корабли ВМФ РФ. Например, в честь святого, воина-праведника Георгия Победоносца

назван большой десантный корабль Северного флота. Два патрульных ледокола Северного флота и один Тихоокеанского носят имена литературных героев, поскольку былинный богатырь Илья Муромец является символом мощи русского человека, витязь Руслан, придуманный А. С. Пушкиным, воплощает в себе качества идеального мужчины: физическую силу, благородство, доблесть, – а молодой купец-гуслияр Садко демонстрирует христианский дух, высокую нравственность и патриотизм народа.

В наименьшей степени среди единиц картотеки представлены хремотонимы, соотносящиеся с антропонимами, принадлежащими спортсменам. Так, морское судно тылового обеспечения «Всеволод Бобров» Черноморского флота и морские буксиры «Анатолий Тарасов» и «Виктор Тихонов» Северного флота получили свои названия с целью увековечения заслуг знаменитых советских футбольных и хоккейных тренеров и вместе с тем демонстрации мощи вооружённых сил.

Далее необходимо рассмотреть специфику названий, образованных от топонимов. Распределение оттопонимных хремотонимов по семантическим подгруппам представлено в таблице 4.

Таблица 4 / Table 4

Распределение оттопонимных хремотонимов по семантическим подгруппам / Distribution of ottoponymous chrematonyms by semantic subgroups

Хремотонимы, образованные от топонимов					
ойконимов	хоронимов	гидронимов	инсулонимов	оронимов	урбанонимов
127	16	43	7	5	1

Как следует из соотношения единиц подгрупп, основным мотивом номинации военных кораблей являются названия российских городов и водных объектов. В меньшей степени используются именованья регионов, островов и полуостровов, гор и внутригородских объектов.

Например, от ойконимов образованы такие хремотонимы, как малые ракетные корабли «Советск» и «Охотск», базовый тральщик «Ельня», малый противолодоч-

ный корабль «Мончегорск», многоцелевая подводная атомная торпедная лодка с крылатыми ракетами «Красноярск», подводная атомная торпедная лодка «Магадан», многоцелевая атомная торпедная подводная лодка с крылатыми ракетами «Северодвинск», атомная подводная лодка с крылатыми ракетами «Смоленск», большая дизель-электрическая торпедо-ракетная подводная лодка «Санкт-Петербург», большой десантный корабль

«Калининград», научно-исследовательская атомная подводная лодка специального назначения «Оренбург». Среди ойконимов, от которых образованы названия этих судов, есть города-порты соответствующих флотов: Балтийский – Калининград, Санкт-Петербург, Северный – Северодвинск, Тихоокеанский – Охотск, Советск, Черноморский – Новороссийск. Внимание обращается также на российские города-герои и города воинской славы, например: Смоленск, Ельня. Кроме того, используются ойконимы, принадлежащие центрам субъектов федерации и городам – крупным промышленным центрам: Красноярск, Магадан, Оренбург, Мончегорск.

Далее обратимся к анализу хремотонимов, образованных от названий российских водных объектов. Самыми яркими примерами употребления гидронимов для создания названий кораблей ВМФ РФ являются следующие: морское госпитальное судно «Енисей», средний морской танкер «Лена», средний морской сухогрузный транспорт «Бира», опытовое судно «Селигер», большой десантный корабль «Азов». При этом для образования хремотонимов берутся названия как крупных рек, так и более мелких, а также озёр и морей. Однако следует отметить, что гидронимы используются вне зависимости от того, к бассейну какого океана они относятся. Так, например, река Волга впадает в Чёрное море, но одноимённое кабельное судно принадлежит Северному флоту.

Хоронимы, называющие географические области, местности, также являются источниками создания хремотонимов ВМФ РФ. Приведём примеры: научно-исследовательская атомная подводная лодка специального назначения «Подмосковье» Северного флота, большой разведывательный корабль «Прибалтика» Тихоокеанского флота, корвет «Татарстан» Каспийской флотилии, океанографическое судно «Антарктида» Тихоокеанского флота.

Отсылка к инсулонимам, оронимам и урбанонимам встречается гораздо реже,

однако эти имена собственные называют одни из наиболее значимых полу- и островов, гор и внутригородских объектов России в её настоящем и прошлом.

Так, например, океанографическое судно Балтийского флота имеет название «Вайгач» в честь острова на границе Баренцева и Карского морей. Кильдин – остров в Баренцевом море, в середине XX века служивший базой для противокорабельного берегового комплекса Северного флота. Так же назван средний разведывательный корабль Черноморского флота. Именем полуострова на севере Западной Сибири названы большой морской сухогрузный транспорт Балтийского флота и большой десантный корабль Каспийской флотилии. В честь Курильских островов именуется большой разведывательный корабль Тихоокеанского флота «Курилы».

Именем самой высокой точки России и Европы названо морское судно тылового обеспечения Северного флота «Эльбрус». Увековечены также оронимы Алтай, Саяны, Памир и Алатау в именовании спасательных, морских, буксирных судов.

Особое внимание следует уделить хремотониму «Смольный», принадлежащему учебному кораблю Балтийского флота. Смольный – это название здания в Санкт-Петербурге, имеющего ключевую роль в событиях Великой Октябрьской революции 1917 г. и сегодня служащего официальной резиденцией губернатора Петербурга.

Таким образом, хремотонимы, образованные от топонимов, не всегда соответствуют региональной принадлежности единиц ВМФ, однако отражают важную роль географических объектов России.

Далее рассмотрим названия российских военных кораблей, образованные от других типов имён собственных: космонимов и эргонимов. Их качественно-количественное распределение представлено в таблице 5.

Таблица 5 / Table 5

Качественно-количественное распределение космонимов и эргонимов/ Qualitative and quantitative distribution cosmonyms and ergonyms

Хремотонимы, образованные от космонимов	Хремотонимы, образованные от эргонимов
2	2
Андромеда	Алроса
Пегас	ЭПРОН

Из таблицы видно, что хремотонимы подобного происхождения в картотеке единичны. От названия соседствующих созвездий Андромеды и Пегаса в ближайшей к Земле галактике Андромеды образованы хремотонимы, принадлежащие гидрографическому судну Тихоокеанского флота. Многоцелевая дизель-электрическая подводная лодка «Алроса» Черноморского флота названа в честь российской компании «Алроса», занимающей лидирующую позицию в мире по объёму добычи алмазов.

Хремотоним, принадлежащий спасательному судну «ЭПРОН» Черноморского флота, образован от аббреэргонима, обозначающего «Экспедицию подводных работ особого назначения», осуществляющую в том числе спасательную деятельность.

Источником следующей категории названий российских военных кораблей являются апеллятивы. Количественное распределение хремотонимов, образованных от нарицательных имён существительных, представлено в таблице 6.

Таблица 6 / Table 6

Количественное распределение хремотонимов, образованных от нарицательных имён существительных / Quantitative distribution of chrematonyms, formed from common nouns

Хремотонимы, образованные от имён существительных, обозначающих						
явления природы	вещества	предметы	географические понятия, термины	другие понятия	людей	животных
26	3	13	3	3	30	16

Согласно данным таблицы, из всех апеллятивов в наибольшем количестве представлены существительные, обозначающие явления природы и людей. Такая тенденция в номинации может быть объяснена доминирующей ролью человека и стихии как факторов успешности жизнедеятельности моряков.

Рассмотрим примеры из каждой подгруппы данных хремотонимов.

Наибольшее количество составляют названия кораблей, произошедшие от наименований людей. При этом следует учитывать, что семантика этих апеллятивов варьируется. Распределение хремотонимов в зависимости от значения апеллятивов представлено в таблице 7.

Таблица 7 / Table 7

Распределение хремотонимов в зависимости от значения апеллятивов / Distribution of chrematonyms depending on the meaning of the appellatives

Место жительства	Место учёбы	Профессиональная деятельность
9	4	17

Специфическую советскую «почётную пролетарскую» деятельность отражает основная масса рассматриваемых еди-

ниц подгруппы. Это такие хремотонимы, как «Шахтёр», «Машинист», «Юнга», «Оленегорский горняк». Отражением со-

временной тенденции в военной номинации являются разнообразные комбинации со словом «юнармеец»: «Юнармеец Балтики», «Юнармеец Каспия», «Юнармеец Крыма» и т. п. Таким образом ассоциативно называют мелкие суда – катера ВМФ, поскольку по своему определению юнармейцами являются не взрослые патриоты, а ещё молодые люди: «юноши или девушки небезразличные к проблемам общества и страны, окружающей среды»¹. Выделяя перспективу ВМФ – будущих морских офицеров, среди названий кораблей присутствуют также единицы, соотносящиеся с местами военной учёбы. Их отражают хрематонимы «Нахимовец», «Кадет», «Суворовец», «Курсант-Кировец». Помимо профессиональной принадлежности, почитаемой в ВС РФ, по названиям судов ВМФ можно проследить и предпочтения в территориальной принадлежности, например: «Казанец», «Александровец», «Суздалец», «Ивановец», «Ковровец». Аналогично оттопонимной номинации приоритет отдаётся городам с историко-культурным значением.

Немного меньше именовании, образованных от существительных, которые обозначают явления природы. Приведём несколько примеров. Так, хрематоним «Вихрь» применяется по отношению к малому ракетному кораблю Балтийского флота, а «Штиль» – к малому ракетному кораблю Черноморского флота. В данном сопоставлении необходимо отметить, что из 26 единиц 7 восходят к апеллативам, обозначающим непогоду, что свидетельствует о своеобразной «ужасительной» коннотации, сопутствующей номинации кораблей. Возможно, она связана с нарочитым воздействием на потенциального неприятеля, что отражено и в других названиях вооружения и военной техники (ср.: РЗСО «Смерч», ЗРК «Ураган»). Поскольку до изобретения парового двигателя корабли ходили под парусами, для создания названий современных судов как дань

традиции активно используются апеллативы, обозначающие ветра: «Пассат» – именование малого ракетного корабля Балтийского флота, «Бриз» – ракетного катера Черноморского флота.

Далее рассмотрим хрематонимы, образованные от названий животных. Прежде всего необходимо отметить использование для номинации названий морских обитателей, что объясняется соседством военнослужащих ВМФ и животных. Например, именование «Краб» носит гидрографическое судно Черноморского флота, «Дельфин» – буксирный катер Северного флота, «Альбатрос» – церемониальный катер Каспийской флотилии. Для создания хрематонимов также используются названия, традиционно символизирующие скорость (подводная атомная торпедная лодка «Гепард»), силу (подводная атомная торпедная лодка «Тигр»), мужество, неустрашимость (подводная атомная торпедная лодка «Вепрь»), зоркость, внимательность (плавучий командный пункт «Сапсан»).

В качестве источника образования военных хрематонимов интересными для рассмотрения представляются апеллативы, обозначающие предметы. Следует отметить, что большинство из них обозначают предметы военно-морского обихода, например: *визир* – видоискатель; *секстант* – угломерный инструмент для геодезических и астрономических наблюдений; *угломер* – прибор для измерения геометрических углов в деталях, между поверхностями и между удалёнными объектами; *гидрометр* – прибор для определения влажности воздуха и других газов. Так, хрематоним «Секстант» принадлежит морскому буксиру Северного флота, «Гидрометр» – гидрографическое судно Балтийского флота.

Единицы следующей подгруппы хрематонимов образованы от существительных, обозначающих вещества. Например, *алмаз* является символом прочности, и именно такое именование носит океанографическое судно Тихоокеанского флота для демонстрации надёжности отечественных кораблей.

¹ О движении «Юнармия» [Электронный ресурс]. URL: <http://yunarmy.ru/headquarters/about> (дата обращения: 02.09.2020).

В номинации также используются географические понятия и термины, такие как *горизонт*, *север*, *экватор*. Например, судно связи Черноморского флота носит название «Экватор».

Соответственно, данные типы номинации являются логически обособленными, поскольку имеют явную профессиональную направленность.

Однако в картотеке присутствуют и именованья, образованные от понятий, не поддающихся какой-либо группировке. Так, «Коммуна» – спасательное морское судно Черноморского флота – ассоциируется с Парижской коммуной, первой пролетарской революцией. «Иман» – средний

морской танкер Черноморского флота; его название соотносится с заимствованным из арабского языка словом, обозначающим веру в Аллаха. Спасательный морской буксир Черноморского флота «Полярный конвой» назван в честь конвоев, доставлявших в СССР грузы по ленд-лизу из Англии и Шотландии в годы Великой Отечественной войны.

И, наконец, следует рассмотреть хремотонимы, образованные от имён прилагательных. Их качественно-количественное распределение в зависимости от первичной семантики имён прилагательных представлено в таблице 8.

Таблица 8 / Table 8

Качественно-количественное распределение хремотонимов в зависимости от первичной семантики имён прилагательных / Qualitative and quantitative distribution of chrematonyms depending on the primary semantics of adjectives

Качества, свойственные человеку	Качества, свойственные природе и технике
13	5
Неустрасимый	Мощный
Стерегающий	Ретивый
Сообразительный	Бурный
Бойкий	Громкий
Стойкий	Гремящий
Настойчивый	
Ладный	
Пытливый	
Строгий	
Быстрый	
Совершенный	
Резкий	
Проворный	

В соответствии с распределением в таблице названий можно говорить о практически трёхкратном преобладании именованья, образованных от прилагательных, обозначающих качества, присущие человеку. Такое соотношение обусловлено исторически сложившейся тенденцией к очеловечиванию «боевых друзей» военнослужащих – животных и техники – и, следовательно, перенесению на них качеств, свойственных людям. Ярчайшими примерами таких хремато-

нимов являются «Сообразительный» и «Настойчивый», принадлежащие корвету и эсминцу Балтийского флота соответственно. *Бурный*, *гремящий*, *громкий*, *мощный*, *ретивый* – характеристики природы (например, водного потока) или самой техники. Следовательно, в образовании хремотонимов не так очевиден метафорический перенос, как в случаях с олицетворением, описанных ранее. Тем не менее во всех прилагательных, послуживших источником происхождения названий

кораблей ВМФ, отражены одни из самых хороших признаков, позволяющих представить военную технику вооружённых сил с положительной стороны. Так, например, подобно боевому коню именуется корвет «Ретивый» Черноморского флота, а корвет «Гремящий» Тихоокеанского флота ассоциируется с устрашающими залпами и взрывами.

Заключение

Подведём итоги нашего исследования.

Прежде всего необходимо констатировать важность изучения военных хремотонимов, поскольку они представляют собой интересную и разнообразную по лексическому составу категорию именования единиц материальной культуры военного социума.

Нами установлено, что названия кораблей ВМФ РФ выступают яркими примерами хремотонимов, созданных военнослужащим-ономатетом, поскольку отражают фоновые знания, наиболее значимые в военном социуме: личности, послужившие во имя Родины и флота, географические объекты, известные на региональном, государственном и глобальном уровне, явления природы, представители фауны, а также предметы и научные термины, близкие морякам по роду деятельности.

Далее следует отметить факт доминирования хремотонимов, образованных от топонимов и антропонимов, причём отто-

понимные именованья кораблей чаще соотносятся с названиями городов, отантропонимические – с комбинацией «Фамилия Имя» знаменитого отечественного военнослужащего. Однако имена собственные, от которых произошли эти хремотонимы, не всегда напрямую коррелируют с территориальной принадлежностью судна.

Частотны именованья, образованные от апеллятивов. Среди них преобладают названия, соотносящиеся с обозначениями явлений природы, преимущественно неблагоприятных метеорологических условий, что может отражать силу, непреклонность и скорость как характеристики вооружённых сил. Что касается обозначений людей, от которых также образуются хремотонимы, они чаще коррелируют с профессиональной принадлежностью граждан России, пользующихся наибольшим уважением.

Названия военных кораблей могут отражать черты, наиболее характерные для военного социума: неустранимость, настойчивость, мощь и т. п.

Единичны хремотонимы, образованные от прочих онимов – космонимов и эргонимов, поскольку именованья небесных тел и организаций в настоящее время не представляют интереса, достойного для их увековечивания в названиях кораблей Военно-морского флота России.

Статья поступила в редакцию 24.09.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апальков Ю. В. ВМФ СССР и России. Корабли противоминной обороны: в 2 ч. Ч. 2. М.: Морское наследие, 2019. 224 с.
2. Бойко Б. Л. Социально-речевой портрет человека на войне (на материале дневниковых записей) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. № 2. С. 49–52.
3. Васюнькин В. В. Ракетные крейсера ВМФ СССР и России. М.: Морское наследие, 2019. 272 с.
4. Военная авиация и флот России. М.: Владис, 2017. 64 с.
5. Волкова С. Н. Проблемы классификации периферийных онимов в художественном тексте (на примере романа С. Н. Ермакова «Знак зверя») // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2010. № 6. С. 8–15.
6. Воронина Л. В., Бондарев А. В. Лингвистические и экстралингвистические факторы, обуславливающие номинацию российского вооружения и техники // Actual Problems of the Theory and Practice of Philological Researches. 2018. С. 30–32.
7. Жданов Л. В. Полная энциклопедия кораблей и судов. М.: Моркнига, 2009. 312 с.

8. Жукова Л. В. Речевой портрет курсанта военного вуза // Теория и практика актуальных исследований. 2016. № 13. С. 26–39.
9. Захарчук О. А. Универсальные характеристики и национально-культурная специфика военного жаргона: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 23 с.
10. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4 (12). С. 24–31.
11. Кичева И. В. К вопросу о профессиональной языковой личности // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 1. С. 193–196.
12. Лупанова Е. В. Фразеологизмы военной тематики как эмоциональная составляющая речевого портрета военнослужащего // Общественные науки. 2016. № 6-2. С. 173–181.
13. Пospelов А. С. Российский военно-морской флот. От Петра Великого до современности. М.: Бомбора, 2019. 256 с.
14. Родина Н. А. Лексико-семантическая характеристика ассоциативных хремотонимов в российской армии (на материале названий военной техники) // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. С. 64–72.
15. Романов А. С. Военный сленг в контексте этнической стереотипизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 134–144.
16. Соболева О. В., Попова О. А. Использование приёмов языковой игры в военном жаргоне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60): в 3 ч. Ч. 1. С. 162–164.

REFERENCES

1. Apal'kov Yu. V. *VMF SSSR i Rossii. Korabli protivominnoi oborony: Ch. 2* [Navy of the USSR and Russia. Mine defense ships. P. 2]. Moscow, Morskoe nasledie Publ., 2019. 224 p.
2. Boiko B. L. [Socio-speech portrait of a man in war (based on diary entries)]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology], 2008, no. 2, pp. 49–52.
3. Vasyun'kin V. V. *Raketnye kreisera VMF SSSR i Rossii* [Missile cruisers of the Soviet and Russian Navy]. Moscow, Morskoe nasledie Publ., 2019. 272 p.
4. *Voennaya aviatsiya i flot Rossii* [Military aviation and the Russian fleet]. Moscow, Vladis Publ., 2017. 64 p.
5. Volkova S. N. [Problems of classification of peripheral onyms in a literary text (on the example of the novel by S. N. Ermakov "The Sign of the Beast")]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev], 2010, no. 6, pp. 8–15.
6. Voronina L. V., Bondarev A. V. [Linguistic and extralinguistic factors determining the nomination of Russian weapons and equipment]. In: *Actual Problems of the Theory and Practice of Philological Researches*, 2018, pp. 30–32.
7. Zhdanov L. V. *Polnaya entsiklopediya korablei i sudov* [The Complete Encyclopedia of Ships and Ships]. Moscow, Morkniga Publ., 2009. 312 p.
8. Zhukova L. V. [Speech portrait of a cadet of a military university]. In: *Teoriya i praktika aktual'nykh issledovaniy* [Theory and practice of current research], 2016, no. 13, pp. 26–39.
9. Zakharchuk O. A. *Universal'nye kharakteristiki i natsional'no-kul'turnaya spetsifika voennogo zhargona: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Universal characteristics and national-cultural specificity of military jargon: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Chelyabinsk, 2007. 23 p.
10. Ivantsova E. V. [On the term "linguistic personality": origins, problems, prospects of use]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2010, no. 4 (12), pp. 24–31.
11. Kicheva I. V. [On the question of a professional language personality]. In: *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University], 2012, no. 1, pp. 193–196.
12. Lupanova E. V. [Phraseologisms of military subjects as an emotional component of a speech portrait of a serviceman]. In: *Obshchestvennye nauki* [Social Sciences], 2016, no. 6–2, pp. 173–181.
13. Pospelov A. S. *Rossiiskii voenno-morskoi flot. Ot Petra Velikogo do sovremennosti* [Russian navy. From Peter the Great to the present]. Moscow, Bombora Publ., 2019. 256 p.
14. Rodina N. A. [Lexico-semantic characteristics of associative chremonyms in the Russian army (based on the names of military equipment)] In: *Onomastika v Smolenske i Vitebske: problemy i perspektivy issle-*

dovaniya [Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and research prospects]. Smolensk, Smolensk State University Publ., 2019, pp. 64–72.

15. Romanov A. S. [Military slang in the context of ethnic stereotyping]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics], 2014, no. 2, pp. 134–144.
16. Soboleva O. V., Popova O. A. [Using the techniques of the language game in military jargon]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2016, no. 6 (60), vol. 3, pp. 162–164.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Родина Надежда Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Военного института физической культуры;
e-mail: esperance84@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda A. Rodina – Cand. Sci. (Philology), Associate Prof., Department of Russian Language, Military Institute of Physical Culture;
e-mail: esperance84@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Родина Н. А. Военная хремотонимика: лексико-семантические особенности названий кораблей военно-морского флота России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 39–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-39-50

FOR CITATION

Rodina N. A. Military Chrematonymy: Lexical and Semantic Features of the Names of Ships of the Russian Navy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021. no. 1. pp. 39–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-39-50

УДК 81.367.7

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-51-63

СОСТАВНОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ В УСЛОВИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»)

Сатина Т. В.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Проанализировать составное глагольное сказуемое в тексте романа А. Белого «Петербург».

Процедура и методы. Обобщён практический опыт. Методология состоит в попытке объединить языковой и речевой аспекты. Источник речевых фактов – художественное произведение, а именно отобранные из текста путём сплошной выборки составные глагольные сказуемые. Выделенный методом наблюдения материал подвергается как качественной, так и количественной обработке. Приёмы описательного метода в сочетании с элементами сопоставительной методики приводят в итоге исследования к созданию текста статьи. Для достижения цели и задач работы привлекается широкий круг источников, материалом для анализа выбран экспериментаторский роман А. Белого «Петербург». Особое внимание уделяется не только структурно-семантическим характеристикам указанного типа сказуемого, но и особенностям его функционирования в символистском произведении, конструирующем миф о Петербурге.

Результаты. Выявлено, что в проанализированном тексте данная конструкция проявляет все свойства составного глагольного сказуемого; выявлено, что в произведении она не относится к числу частотных, но предстаёт как стилистически весомая. В основных чертах раскрыты формальная характеристика, роль и структуральная функция этого типа сказуемого.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая рамка традиционного учения о сказуемом сравнивается с полученным из текста материалом, что позволяет уточнить представления о сказуемом вообще и одном его типе в частности, а также накопить сведения о синтаксисе художественного текста (на материале романа, отразившего реалии русской революции во всей их фантастичности). Научная значимость состоит в возможности закрепить полученные материалы в Национальном корпусе русского языка, а также использовать в научных работах о стиле А. Белого. Результаты работы могут быть использованы при изучении курса синтаксиса русского языка, а также предметов, касающихся языка и стиля писателя.

Ключевые слова: роман «Петербург», синтаксис текста, предикативность, сказуемое, словосочетание, составное глагольное сказуемое, цельное словосочетание

COMPOUND VERBAL PREDICATE IN THE CONDITIONS OF THE ARTISTIC TEXT (ON THE MATERIAL OF A. BELY'S NOVEL "PETERSBURG")

T. Satina

*Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Av., Moscow 125993, Russian Federation*

Abstract.

Aim. The article is devoted to the relevant and poorly studied in the modern linguistics problem of convergence of the linguistic and speech aspects of syntax. Its purpose is to analyze the compound verbal predicate in A. Bely's novel "Petersburg" in the text.

Methodology. The methodology is an attempt to combine language and speech aspects. The source of speech facts is the artistic text, namely, compound verbal predicates selected from the text by continu-

ous sampling. The material selected by the observation method is subjected to both qualitative and quantitative processing. Techniques of the descriptive method combined with elements of the comparative method lead to creating the article text as a result of the research. To achieve the goal and objectives of the work, a wide range of sources is involved, and the experimental novel "Petersburg" by A. Bely is chosen as the material for analysis. Special attention is paid not only to the structural and semantic characteristics of this type of predicate but also to the peculiarities of its functioning in the symbolist work that constructs the myth of St. Petersburg.

Results. It is established that in the analyzed text, this construction shows all the properties of a compound verbal predicate; it is revealed that it does not belong to the number of frequency in work but appears as stylistically significant. The formal characteristic, role, and structural functions of this type of predicate are revealed in the main features.

Research implications. The theoretical framework of the traditional predicate teaching is compared with the material obtained from the text, which allows us to clarify the ideas about the predicate in general and one of its types in particular, as well as to accumulate information about the syntax of the literary text (based on the material of the novel that reflected the realities of the Russian revolution). The scientific significance lies in the possibility to consolidate the materials obtained in the national corpus of the Russian language and use them in scientific works about the style of A. Bely. The results of the work can be used in the course of the Russian language syntax, as well as subjects related to the language and style of the writer.

Keywords: the novel «Petersburg», text syntax, predicativity, predicate, compound verb predicate, phrase, whole phrase

Введение

Тема нашей статьи непосредственно связана, с одной стороны, с проблемой морфосинтаксической типологии, а с другой – с языком и стилем художественного текста, в частности, с экспериментами А. Белого в области ритмической прозы.

Подход к сказуемому как компоненту предложения, в значительной мере порождённому и обусловленному собственно структурой предложения, в настоящее время возобладал в отечественной синтаксической науке [3; 4; 7; 10], хотя вопрос о соотношении структуры предложения с грамматической и семантической природой сказуемого продолжает оставаться актуальным: нет единого подхода к принципам систематизации сказуемого, к формальным разновидностям и вариантам сказуемого, к обязательности его соотносённости с другим главным членом предложения – подлежащим; отсутствует единая терминология, отражающая современную систему форм и типов сказуемых [2; 5; 9].

Несмотря на то что существующие классификации предлагают дополнительные

типы сказуемых: второстепенное, вторичное, сложное, осложнённое, смешанное, двойное, глагольно-именное, составное глагольно-именное, простое именное, модально-оценочное, эмоционально-волевое, тем не менее, они обнаруживают одинаковые типы сказуемых и дублируют традиционные классификации. Кроме того, сложные и многообразные проявления предикативного признака в полной мере разворачивают и выявляют свои возможности лишь в пределах целостного текста. Поэтому поставленная в данной работе задача выявить во всём многообразии, проанализировать и описать один из видов сказуемого (а именно составное глагольное) решается нами с привлечением текста – романа А. Белого «Петербург»¹.

С понятием сказуемого связан ряд проблем, главный круг которых мы очертили выше. Отношение к некоторым из них проясняет позицию исследователя по конкретным вопросам, решаемым в пределах данной статьи. К таким вопросам отно-

¹ Цитаты и примеры из романа А. Белого «Петербург» приводятся по: Белый А. Петербург: роман в восьми главах с прологом и эпилогом. М.: Наука, 1981. 696 с.

сится, например, статус главного члена в односоставном предложении, в частности, следует ли учитывать эти конструкции при описании сказуемого.

Глагольные главные члены, а также главные члены с глагольной связкой (материально выраженной или нулевой) в односоставном и двусоставном предложении имеют аналогичную семантико-синтаксическую природу, сходные возможности отражения предикативного значения; они обнаруживают одинаковые типы конструкций и укладываются в одну и ту же классификацию сказуемых, что свидетельствует о выполнении ими аналогичной синтаксической функции – сказуемого. Таким образом, по нашему мнению, понятие сказуемого не следует неразрывно связывать с понятием подлежащего и избегать термина «сказуемое» в отношении глагольного главного члена односоставного предложения или главного члена с глагольной связкой, а это значит, что в поле нашего исследования попадают и односоставные предложения с таким главным членом. (В этих параметрах отнесение главного члена односоставного номинативного предложения к подлежащему также не будет ошибочным.)

Современная система типов сказуемого

Система типов сказуемого представляется простой и логичной, если все многочисленные разновидности сказуемого рассматривать как варианты двух основных, исходных – глагольного и именного, которые допускают разного рода преобразования и порождают разнообразные формы сочетающихся элементов. Сложившаяся к настоящему времени в отечественной синтаксической науке классификация типов сказуемого в общих чертах достаточно правильно отражает языковую действительность [1; 6; 8], т. е. всё многообразие сказуемых, наблюдаемое в современном русском языке и, по нашим наблюдениям, в изучаемом тексте, может быть сведено в конечном счёте к двум основным типам: сказуемому глагольному противостоит

именное. Ср.: *И носил Липпанченко жёлто-красный атласный галстук*¹ (глагольное сказуемое) – **Галстук Липпанченко был атласным и жёлто-красным* (именное сказуемое). Несомненна реальность синкретического вида непростого сказуемого комбинированного типа, называемого иногда сложным [8]: *После того, что вы мне сказали, понимаете ли вы, что видаться нельзя нам?*²; *видаться нельзя* – сказуемое комбинированное, сочетающее признаки составного именного (*нельзя* – *было, будет*) и составного глагольного (вспомогательная часть *нельзя* и основная – инфинитив *видаться*).

Существенно, что глагольное сказуемое в русском языке, обладающем развитой системой морфологических классов, выражает значение динамического признака в морфологических категориях и семантических пределах, свойственных глаголу как части речи. Наклонение, время и лицо, составляющие сущность глагола и одновременно опору основного синтаксического значения предложения – предикативности, получают идеальные условия воплощения именно в глагольном сказуемом. Требование относительной семантической полноценности, предъявляемое к сказуемому, создаёт трудности при определении его объёма, что порождает очередную проблему, не нашедшую единого решения: распространяется ли на глагольное сказуемое присущая системе оппозиция сказуемых по составу.

Противоречивость и недостаточная ясность общей теории сказуемого обусловлены тем, что в лингвистической традиции сложились разные подходы к пониманию самой сущности сказуемого. Это наложило отпечаток на восприятие и интерпретацию форм одного типа сказуемого – глагольного и, в свою очередь, привело в действие два разных подхода к статусу в предложении сочетания глагола с субъектным инфинитивом. В соответствии с одним подходом в качестве сказуемого может выступать только стержневой глагол, а если с

¹ Белый А. Петербург. С. 76.

² Там же. С. 136.

ним связан инфинитив, то он может представлять собой дополнительный глагольный член; согласно другой интерпретации сказуемое включает в себя всё глагольно-инфинитивное словосочетание.

При реализации первого подхода на сказуемое не распространяется оппозиция сказуемых по структуре, и оно может быть лишь простым (в соответствии с этим выделяют глагольные и составные именные сказуемые); следование второму подходу приводит к признанию реальности составного глагольного сказуемого (тогда система сказуемых представлена двумя типами сказуемых, противопоставленных по структуре – простым и составным, и двумя типами сказуемых, противопоставленных по морфологическому выражению – глагольным и именным, т. е. реально существуют простое глагольное, составное глагольное и составное именное сказуемое). Ср.: *Николай Аполлонович хотел извозчика задержать, чтобы дать время фигурке отдалиться настолько, чтоб... – было уж поздно: и голова повернулась к извозчику*¹; *хотел задержать* – составное глагольное сказуемое; в роли связочного компонента выступает глагол с модальным значением, ставший вспомогательным; инфинитив является носителем основной информации предиката. В тексте романа подобные сказуемые не относятся к числу частотных, но, употребившись раз, притягивают к себе другие подобные формы: *После был он в Китае: Аполлон Аполлонович, богдыхан, повелел Николаю Аполлоновичу перерезать многие тысячи (что и было исполнено); и в сравнительно недавнее время, как на Русь повалили тысячи тамерлановых всадников, Николай Аполлонович прискакал в ту Русь на своём степном скакуне; после он воплотился в кровь русского дворянина; и принялся за старое: и как некогда он перерезал там тысячи, так он нынче хотел разорвать: бросить бомбу в отца; бросить бомбу в самое быстротекущее время*²; составное глагольное сказуемое – *хотел разорвать*; отрывается от сказуемого ин-

финитивная конструкция с характерным для автора парцелированным повтором: *бросить бомбу в отца, бросить в самое быстротекущее время*.

Дифференциальные признаки составного сказуемого

В предложении сказуемое имеет предназначенное одновременно выражать два значения: вещественное и грамматическое. Соотношение вещественного и грамматического значений в слове или сочетании слов, выступающих в качестве сказуемого, определяет различия в грамматической форме сказуемого. Эти различия служат основой выделения двух типов сказуемого по структуре – простого и непростого, которое накладывается на указанную выше оппозицию глагольного сказуемого – именного, при этом именное, не имея возможности обходиться без связки, принципиально может быть лишь непростым.

В простом сказуемом оба значения заключены в одном слове или в сочетании, равнозначном слову: в спрягаемых формах глагола (*И без всякого шума лакей удался*³ – сказуемое *удался*), глагольного фразеологизма или описательного глагольно-именного оборота (ср. *Но Аполлон Аполлонович не глядел на любимую свою фигуру: квадрат; не предавался бездумному созерцанию каменных параллелепипедов, кубов*⁴ – сказуемое *не предавался созерцанию*).

В то время как простое глагольное сказуемое выражает оба значения нерасчленённо (вещественное значение сосредоточено преимущественно в корне, а грамматическое значение сказуемого складывается из наклонения, времени, лица и числа, которые выражаются в соответствующих формах глагола), непростое (составное) является двучленным прежде всего по составу: вещественное и грамматическое значения выражаются в нём отдельно, посредством двух частей – основной и вспомогательной. Именно соотношение вещественного и грамматического значений в сказуемом

¹ Белый А. Петербург. С. 153.

² Там же. С. 293.

³ Там же. С. 388.

⁴ Там же. С. 396.

определяет различия в его грамматической форме: основная часть выступает носителем категориального лексического значения глагола и выражается субъектным инфинитивом, вспомогательная же часть отвечает за оформление всего сказуемого для его встраивания в ту или иную схему, в то или иное высказывание, поэтому передаёт необходимые грамматические значения в доступных глаголу формах, по-своему представленных в двусоставном и односоставном предложении.

Непростое сказуемое (как именное, так и глагольное) является двучленным (даже при большем количестве компонентов): вещественное и грамматическое значения выражаются в нём различными словами или сочетаниями, равнозначными слову. Основная часть в составном глагольном сказуемом обозначает действие-состояние, как это делает простое глагольное сказуемое, вспомогательная же часть аналогична простому глагольному сказуемому по форме и по способности передавать предикативные значения в виде определённого наклонения, времени, лица, числа: *Незнакомый, упитанный голос продолжал возглашать*¹; *Что могла подумать тут изумлённая Маврушка*²; *Аполлон Аполлонович обеспокоенно стал озираться: эти стены*³; *Губы Липпанченко продолжали дрожать...*⁴; *продолжал возглашать, могла подумать, стал озираться, продолжали дрожать* – составные глагольные сказуемые.

В конкретных формах составного глагольного сказуемого, внутри которого происходит поляризация грамматических значений, сосредоточенных в формально главенствующем, но семантически ослабленном вершинном глаголе, и лексических значений, структурно представленных как периферийные, указанные общие грамматические значения выражаются различными средствами. При всём многообразии средств наблюдается устойчивая

бинарность состава составного глагольного сказуемого: к стержневому глаголу (главному компоненту) примыкает инфинитив (зависимый компонент). Таким образом, многообразие складывается внутри этих двух оппозитивных составных частей, не выходя наружу и не разрушая специализации основной части в выражении лексического значения, а вспомогательной – в выражении преимущественно грамматического значения. Основной компонент представлен инфинитивом (реже – глагольным фразеологизмом в неопределённой форме): *Затем, закрыв дверь, медленно стал незнакомец спускаться*⁵; *А сознание, отделяясь от тела, будто ручка машинного рычага, начинает вертеться вокруг всего организма*⁶; *Либеральный профессор во имя общего блага первый взялся перешагнуть, так сказать, для себя роковой порог*⁷. Инфинитив употребляется исключительно субъектный: только он позволяет выразить действие одного лица по двум глаголам одновременно. В роли вспомогательной части выступают глаголы двух групп: фазисные и модальные (к которым относят и эмоциональные).

Специфика вспомогательного компонента в составном глагольном сказуемом

В тексте романа А. Белого «Петербург» сопоставимо частотны глаголы двух групп: и фазисные, и модальные. И те, и другие прочно связаны с темой рефлексии нерешительного главного героя, перипетиями «мозговой игры».

Разнообразные жизненные, производственные процессы отражаются в глаголах начала-продолжения-конца действия: *Но всего удивительнее была пёстрая клетка, в которой от времени до времени начинали бить крыльями зелёные попугайчики*⁸; *Николай Аполлонович ещё более посинел; он сидел и выщипывал диванную пуговку;*

¹ Белый А. Петербург. С. 358.

² Там же. С. 359.

³ Там же. С. 361.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Там же. С. 198.

⁸ Там же. С. 73.

и не выщипнув пуговики, принялся выщипывать из дивана конские волосы¹; Пахари давно перестали скрести трухлявые земли²; А оно, обещание, продолжало жить в коллективном сознании одного необдуманного кружка³.

Для обозначения возможности, вероятности, необходимости определённого события в романе, поступка Николая Аполлоновича или других персонажей, их способности к чему-либо активно привлекаются модальные глаголы (наиболее употребительны глаголы *мочь* и *хотеть*): *Зигзагообразной же линии он не мог выносить*⁴; *Кто мог нарядиться в красное домино?*⁵; *Аполлон Аполлонович не хотел думать* далее: *непокойные острова – раздавить, раздавить!*⁶; *Ах, да нет же: я хотел сказать, что люблю запах табачного дыма, и в особенности сигар*⁷. Модальное значение способно также выражаться глагольно-именным сочетанием (преимущественно со словами *право*, *возможность*): *Они имеют право свободно сидеться в Империи*⁸; *Сергей Сергеевич Лихутин и потеряет возможность состоять на государственной службе*⁹.

Вспомогательный синтаксический компонент выражается глаголом с более или менее ослабленным лексическим значением, однако его лексическое значение никогда не обесценивается полностью, и вспомогательный глагол не понижает своего статуса до полусвязочного или связочного компонента. В то же время присутствие связочных значений в семантической структуре глагольных слов и в их синтаксических потенциях несомненно, что реализуется при встраивании глагольно-инфинитивного словосочетания в предложение и приобретении глаголом продиктованной условиями предложения,

но в то же время реально обеспеченной его морфологическими возможностями формы.

Можно было бы говорить об эволюционном пути глагола от полнозначного к вспомогательному и связке, если бы один и тот же глагол не употреблялся одновременно в нескольких значениях: как полнозначный, как вспомогательный, как связка (подлинной связкой глагол выступает в составном именном сказуемом): *Николай Аполлонович стал над грудой предметов, соображая мучительно: «Где же это такое...»*¹⁰; *В точке пересечения линий стал городской*¹¹: *стал* полнозначный глагол; *Предварительно с какою-то неприятной настойчивостью стал допрашивать он камердинера старика*¹²; *Юношеским каким-то движением стал себе переперчивать суп*¹³: *стал* вспомогательный глагол; *Уж муж, Сергей Сергеевич, стал отчётливо ей неприятен*¹⁴; *И хочется, чтобы я – стало я...* *А тут мы*¹⁵: *стал* и *стало* связки. Ср.: *Аполлон Аполлонович думал: о звёздах, о невнятности пролетавшего грозового потока*¹⁶: *думал* – полнозначный глагол; *Николаевский Мост полиция и не думала разводить*¹⁷: *не думала* – вспомогательный глагол; *Более всего он любил прямолинейный проспект*¹⁸: *любил* – полнозначный глагол; *Вот почему он любил запираяться*¹⁹: *любил* – вспомогательный глагол.

Вероятно, подобного рода расслоение позволяет увидеть в семантической структуре этих глаголов начальный этап распада полисемии и зарождение омонимии. Хотя вопрос о семантических метаморфозах глагола считается бесспорным, возможно, нелишнее исследовать, не находит ли отражение трансформация семантики вспомогательного глагола в других грам-

¹ Белый А. Петербург. С. 70.

² Там же. С. 75.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Там же. С. 70.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ Там же. С. 73.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Там же. С. 284.

¹⁰ Там же. С. 406.

¹¹ Там же. С. 21.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Там же. С. 407.

¹⁴ Там же. С. 134.

¹⁵ Там же. С. 89.

¹⁶ Там же. С. 25.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ Там же. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 45.

матических категориях. Если мы поставим перед собой подобный вопрос, сможем найти положительный ответ: мы отметим появление и смену некоторых грамматических категорий как следствие подобных трансформаций в семантике глагола. Внимательно проследив возникновение связочных значений в глаголе, а затем трансформацию в его значении, можно увидеть условия оформления спрягаемого глагола – сигнализатора сказуемого как вспомогательного: в него переносятся все показатели общеграмматических значений, что, видимо, ослабляет его способность обозначать конкретные действия.

Можем, однако, указать на важное отличие вспомогательного компонента от связки: вспомогательный компонент не может быть нулевым, как это свойственно связке. На наш взгляд, необходимость заострить значение действия, выраженного инфинитивом, через ретуширование даже минимальных лексических значений, свойственных вспомогательному глаголу, порождает предложения иного типа – инфинитивные. Ср.: *Ну, откуда же в этой тепличке завестись перспективе?*¹ – **Ну откуда же в этой тепличке может завестись перспектива?* Видимо, закон сохранения конструктивных свойств и структурной самобытности предложения стимулирует сохранение двухкомпонентности составного сказуемого, пусть даже при условии минимальной лексической наполненности вспомогательного компонента.

Самого крайнего приближения к чисто связочным значениям способен достигать глагол *стать*, но даже этот глагол не допускает полного опустошения, а окончательный сдвиг на позицию связки наблюдается лишь в составном именном сказуемом. Например: *С утра ещё стали бить, стре-котать, прищипывать капельки*²; *Аблеухов заметил тот жест; в свой черёд стал с испугом присматриваться он к своему товарищу детства*³ – сдвиг глагола на позиции связки не достигает максиму-

ма. Это лишь очередная степень приближения к связочным функциям в сравнении с синонимическим глаголом *начать* (ср. толкование лексического значения глагола *стать* через глагол *начать*: «входит в состав ... сказуемого, указывая на начало действия, в значении: н а ч а т ь»⁴). Замена глаголов подтверждает их синонимичность (ставшую тут фактом грамматической синонимии): *Затем, закрыв дверь, медленно стал незнакомец спускаться*⁵ – **Затем, закрыв дверь, медленно начал незнакомец спускаться*. Ср.: *Тихо сел, как палец, прямой, Сергей Сергеевич Лихутин, неестественно тихим голосом начал он говорить*⁶ – **Тихо сел, как палец, прямой, Сергей Сергеевич Лихутин, неестественным голосом стал он говорить* (ср. также *заговорил*); *Наконец, возмущённый шумом сосед начал сверху бить в пол полотёрную щёткой*⁷ – **Наконец, возмущённый шумом сосед стал сверху бить в пол полотёрной щёткой* (ср. *забил*). Значение начала во вспомогательном глаголе *стать* ослаблено, оно лишь сигнализирует о начале действия, о переходе к иному действию или следующему этапу действия. На фоне этого глагола глагол *начать* (представленный в тексте единичными случаями), а особенно его видовая пара *начинать*, выглядит более весомым в плане передаваемой им лексической семантики.

В других случаях лексическая полноценность вспомогательного глагола может приближаться к максимуму. Показательно, что наибольшую семантическую весомость приобретают нечастотные глаголы, обычно стилистически окрашенные, отрывающиеся в контексте при непривычном для них соединении с инфинитивом новые перспективы синтаксической выразительности. Например, *Под согбенной спиной всё тицилась фигурка укрыть свою потную голову*⁸ – *тицилась укрыть*; *Но если бы ты,*

¹ Белый А. Петербург. С. 61.

² Там же. С. 348.

³ Там же. С. 355.

⁴ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М.: Русский язык, 1984. С. 254.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 136.

⁷ Белый А. Петербург. С. 136.

⁸ Там же. С. 365.

безумец, дерзнул пойти навстречу Геенне, ярко-кровавый, издали тебя ужаснувший блеск медленно растворился бы¹ – дерзнул пойти; И значительно ранее сына изволил откушивать кофе Аполлон Аполлонович² – изволил откушивать.

Конструкция цельного словосочетания как форма составного глагольного сказуемого

Закрепившись в статусе вспомогательного, глагол утрачивает самостоятельность отдельного члена предложения, сужает синтаксическую и лексическую семантику, отодвигается в этом смысле на второй план, уступая в аналогичных параметрах семантике приглагольного инфинитива. Формально полноценный компонент, организующий в качестве вершинного слова глагольно-инфинитивное словосочетание и только благодаря своим формальным способностям вводящий его в предложение, получает возможность функционировать лишь в соединении с примыкающим компонентом, который становится предикативным. Возникает статусное противоречие: формально главенствующий компонент обречён оставаться на вспомогательных позициях в составе сказуемого. Такого рода отношения свойственны, в частности, цельному словосочетанию, в данном случае глагольно-инфинитивному (глагольно-глагольному): грамматически главенствует компонент, отодвинутый в семантическом плане на позиции вспомогательного. В результате образуется словосочетание с двунаправленными связями: энергия грамматического господства исходит от стержневого глагола, притягивающего к себе инфинитив способом подчинительной связи примыкания, семантически же главенствует неопределённая форма глагола.

С целью предотвращения расслоения конструкции по линии соединения функционально неравнозначных компонентов цельность словосочетания в условиях

предложения спасает ситуацию: глагольно-инфинитивное словосочетание выступает в качестве единого члена предложения. Ср.: Тогда незнакомец с чёрными усиками эти чёрные усики стал огорчённо выщипывать³: цельное словосочетание стал выщипывать – один член предложения; Ангел Пери зубками начинал теревить и кромсать засыревший платочек и потом бежал надевать свою чёрную шубку из плюша и такую же шапочку⁴: начинал теревить, начинал кромсать – цельное словосочетание в роли составного глагольного сказуемого, бежал надевать – свободное словосочетание, где инфинитив функционирует как самостоятельный член предложения. Аналогично в цепочке предложений Маврушке тут же она приказала молчать: в маскарад же поехала; и тайком от кроткого мужа: в первый раз она поехала в маскарад. Дело в том, что Сергей Сергеич Лихутин строго-настрого запретил ей бывать в маскарадах⁵: приказала молчать, запретил бывать – свободные словосочетания с объектным инфинитивом в роли отдельного члена предложения (дополнения).

Это противоречие нивелируется в рамках синтаксически неделимого несвободного глагольно-инфинитивного словосочетания с высокой степенью спаянности компонентов, выступающего единым членом предложения, где главное слово не имеет достаточной семантической полноты, но всё же частично семантически значимо, а полнозначный инфинитив является семантическим конкретизатором, при этом вспомогательное слово выполняет роль структурного компонента, способного репрезентировать в предложении всё цельное словосочетание – в условиях минимизации структурной роли зависимого инфинитива. Именно этим объясняется широкая распространённость как в обыденной речи, так и в художественном тексте усечённых составных глагольных сказуемых (инфинитив может восприни-

¹ Белый А. Петербург. С. 49.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 70.

маться как нулевая форма), когда более или менее широкий предтекст позволяет опустить инфинитив, но представительство сказуемого в предложении при этом не страдает. Например: *Чего изволите?¹; Не желаете ли рюмочку?²; О домино я сам начал в подъезде³ – ср.: *изволите приказать, *желаете выпить, *начал говорить. С другой стороны, семантическая весомость инфинитива настолько велика, что созданное в тексте зияние на месте инфинитива получает расширение в ближайшем контексте или даже во всём тексте произведения: *Вся жизнь – только морок. Так стоит ли? Нет, не стоит⁴; стоит (не стоит) – что делать? Ср. также: «Следует...» – «Так?» – «Быстро проевентривать комнату»⁵; «Всё, что могу», – выкрикнул Николай Аполлонович и при этом подумал, что он – болван окончательно»⁶; Из открытой двери приёмной выглянул теперь незнакомец, посмотрел испуганно и опять спрятался: «Нет – не могу...»⁷.**

Подобная незаполненность позиции прилагательного инфинитива в тексте романа «Петербург» образует своего рода синтаксическое изобразительное средство, позволяющее создать напряжённость сюжета, обострить ожидание развязки. Цепь высказываний с подобными пустотами разворачивается с самого начала романа: – «Собираются...» – «Что?» – «Бросить...»⁸; – «Собираются?» – «Бросить?» – «В Абл...»⁹ – «Нет же: не собираются...»¹⁰; – «Пора...» – «Собираются бросить...» – «В Абл...» – «Прав...»¹¹. В средней части романа эта микротема исчезает (возникает иная пустота – смысловая), затем снова заявляет о себе в последней части произведения: *Николай*

Аполлонович подумал: «Пора»¹²; «Восстание, гибель России... И уже – собираются: покусились...»¹³; «А теперь он его – Аблеухова – собираются...» – «Что собираются?»¹⁴; «Она-таки, меня собирается...»¹⁵. Характерно, что смысловой и конструктивный пробелы по-разному восполняются к концу романа: действие, скрытое за фигурой умолчания, всё-таки произошло – бомба, которую всё время собирались взорвать, взорвалась, т. е. формальная и смысловая полнота конструкции восстановилась. «Бомба...» – «Ай!» – «Она самая... разорвалась...» – «?» – «У Аполлона Аполлоновича... в кабинете...»¹⁶.

Но взрыв произошёл не в то время, не в том месте, да и вообще главного не произошло: сын не взорвал отца-сенатора, как ему было поручено. Ко всему во время взрыва, произошедшего в кабинете, сенатор был не там, а в туалете, и на помощь ему первым пришёл сын, посланный его взорвать. Итак, нагнетаемое на протяжении всего романа напряжение реально не разрешается: действие, скрытое за многоточиями на месте пропущенного инфинитива, не стирает противоречий; произошедший взрыв, по сути, фиктивный, а намеченная ожиданиями цепь не соединяется: не выстроен миф о сыне, восставшем против отца. Вместо высокого мифа возникает комическая ситуация. Подобный эффект готовится заранее именно описанными усечёнными конструкциями.

В рассматриваемом нами составном глагольном сказуемом реализуются взаимная грамматическая зависимость и сложная семантическая целостность – особое сочетание с отношениями взаимообусловленности, образующее неделимое семантическое и грамматическое единство как действие определённых синтаксических процессов. Связь двух компонентов настолько сильна, что глагольно-инфинитивное словосочетание консолидируется, сплавляется за счёт грамматической специализации

¹ Белый А. Петербург. С. 30.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 369.

⁴ Там же. С. 353.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Там же. С. 75.

⁷ Там же. С. 80.

⁸ Там же. С. 27.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 28.

¹¹ Там же. С. 130.

¹² Там же. С. 123.

¹³ Там же. С. 342.

¹⁴ Там же. С. 364.

¹⁵ Там же. С. 370.

¹⁶ Там же. С. 414.

стержневых глаголов, имеющих широкую сочетаемость с другими глаголами в форме инфинитива. Сложившееся в цельном словосочетании координированное взаимодействие даёт силу для нейтрализации противоречий между высоким грамматическим и низким семантическим статусом стержневого глагола.

Однако полного сращения вспомогательного глагола и инфинитива не происходит: цельность несвободного глагольно-инфинитивного словосочетания может быть разрушена ситуацией выражения предикативности в высказывании.

Подтверждением нашего наблюдения служат многочисленные случаи инверсии, меняющей обычное расположение слов состава сказуемого: *Всё бывало под ним и всё под ним быть перестало¹* (вместо обычного *перестало быть*); *Не подтаскивайте: я ходить умею²* (вместо обычного *умею ходить*). Об относительной свободе компонентов составного глагольного сказуемого свидетельствует возможность паузы, разрывающей их в устной речи и зафиксированной на письме многоточиями: *Трепыхались красные светочи пламени, от которого... могла... загореться... Россия!...*³; составное глагольное сказуемое *могла загореться*.

Подобный эффект производят также конструкции с разрывом компонентов составного сказуемого, которые, по нашим наблюдениям, активны в тексте романа: *Тут увидел разночинца он; и стал спокойно рассматривать⁴*; *Тогда незнакомец с чёрными усиками эти чёрные усики стал огорчённо выщипывать⁵*; *Затем, закрыв дверь, медленно стал незнакомец спускаться⁶*; *А мозговая игра, ограничивая поле сенаторского зрения, продолжала там воздвигать свои туманные плоскости⁷*.

На наш взгляд, наличие некоторой внутренней самостоятельности компонентов

составного глагольного сказуемого подтверждается не только дистантным расположением составляющих этого типа сказуемого, но и возможностью парцелляции, границы которой проходят через бинарный состав сказуемого и которая может быть отнесена к синтаксическим особенностям стиля А. Белого. Например: *Придётся мне... Гм!.. Пожелать теперь вам успеха...*⁸; составное сказуемое *придётся пожелать*; *И там-то, и там-то забастовка готовилась, потому-то следует бастовать – здесь и здесь: бастовать на этом вот месте; и – ни с места!*⁹; составное сказуемое *следует бастовать*. Описанные факты разведения компонентов можно, видимо, отнести к элементам визуальной поэтики, характерной для творчества Андрея Белого [13].

Семантико-грамматическое единство указанных глагольных сказуемых создаётся как действие определённых синтаксических процессов, для которых естественной является неохваченность, исключительность: известны случаи синтаксического преобразования сказуемого в процессе, например, метафоризации модального глагола [12]. В целом же текстообразующая роль составных глагольных сказуемых с присущим им ярко выраженным модально-фазисным началом актуализируется в модальности всего текста, воплотившего не события, а скорее «мозговую игру», в рамках которой действующими лицами выступают не только люди, но и «тени», «улица», «сознание»...

В тексте А. Белого обращают на себя внимание случаи нарочитого сталкивания по-разному построенных сказуемых, что позволяет углубить тайные ходы хитросплетений мыслей и намерений героев и сюжетные ходы, задуманные автором. Например: *Тогда подпоручик Лихутин, спокойно и улыбаясь на масочку, щёлкнул ипорами; и почтительно стал с меховой её шубкой в руке; с ещё большей почтительностью на плечи накинул он шубу, раскрыл настежь дверь и любезно рукой показал ей*

¹ Белый А. Петербург. С. 351.

² Там же. С. 358.

³ Там же. С. 343.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Там же. С. 73.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Там же. С. 33.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ Там же. С. 98.

туда – в тёмноцветную темень, когда она в темень, шуриша, проходила, покорный слуга, щёлкнул шпорами; темень хлынула отовсюду, а выходная дверь – хлопнула; Сергей Сергеевич Лихутин всё с теми же резкими жестами стал повсюду ходить и повсюду гасить электричество¹. Ср.: стал – почтительно, с меховой шубкой (простое глагольное сказуемое) и стал ходить и гасить – составное глагольное сказуемое со словом стал (в значении начал) в роли вспомогательного глагола.

Заключение

Функционирование составного глагольного сказуемого в тексте в полной мере выявляет его структурно-семантические свойства и системные способности. Анализируемый тип предикативного члена предложения, проходя своеобразную апробацию в условиях экспериментаторского символистского романа, демонстрирует разнообразие наполнения главной части при объяснимой стабильности парадигмы вспомогательной части. Присущая языковому факту структурная дихотомия состоит, с одной стороны, в цельности данного члена предложения и в сохранении характеристик словосочетания – с другой. Примыкание как слабый способ подчинительной связи даёт зависимому инфинитиву

известную долю самостоятельности и обеспечивает эластичность связи (инверсия, дистантное положение компонентов), а в некоторых случаях разрыв (парцелляция) и умолчание, нулевую форму зависимого компонента. Семантическая неполноценность грамматически господствующего глагола компенсируется богатством и разнообразием прикрепляемого инфинитива. В контексте романа корифей русского символизма особый механизм взаимодействия внешнего и внутреннего, определяющий своеобразие его творчества [11], работает благодаря всем составляющим его системы, в том числе и исследуемому нами способу выражения сказуемого.

Ввиду слабой изученности языка А. Белого, а особенно синтаксиса его произведений, мы не имеем возможности осознать описываемое явление в системе изобразительных синтаксических средств автора, однако фрагментарное описание отдельных конструкций может со временем сложиться в целостную картину. В современной лингвистической науке мало изучены стилистические и текстовые возможности составного глагольного сказуемого, поэтому дальнейшие исследования в этом направлении представляются весьма перспективными.

Статья поступила в редакцию 05.10.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Синтаксис русского языка. М.: Флинта, 2015. 576 с.
2. Бегенева Е. И. Вторые и второстепенные сказуемые в составе русского предложения. Милан: MG print on demand, 2001. 112 с.
3. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М.: Агар, 2000. 416 с.
4. Герасименко Н. А. Проблемы разграничения типов сказуемого в русском языке // Теоретические и методологические проблемы обучения современному русскому языку: сборник материалов Межрегиональной конференции / отв. ред., сост. Н. Б. Самсонов. 2017. С. 29–33.
5. Герасименко Н. А. Отражение человека в языке: связочно-субстантивное сказуемое // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 14–20.
6. Головин Б. Н. Основы теории синтаксиса современного русского языка. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1994. 170 с.
7. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: URSS, 2010. 368 с.
8. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: ИИУ МГОУ, 2017. 132 с.
9. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: понятийный словарь-справочник. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. 400 с.

¹ Белый А. Петербург. С. 115.

10. Ломтев Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка. М.: Комкнига, 2019. 166 с.
11. Разумова А. О. Гносеологическая основа событийности в романе А. Белого «Петербург» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных, 22–23 апреля 2005 г. Вып. 6. Ч. 2. Томск: ТГУ, 2005. С. 152–155.
12. Сатина Т. В. Тенденции динамики в структуре словосочетаний в русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 406–409.
13. Федорова Е. В. Визуальная поэтика романа «Петербург» А. Белого // Гуманитарный вектор. Серия: Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11. № 3. С. 25–30.

REFERENCES

1. Babaitseva V. V. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., 2015. 576 p.
2. Begeneva E. I. *Vtorye i vtorostepennye skazuemye v sostave russkogo predlozheniya* [Second and minor predicates in the Russian sentence]. Milan, MG print on demand Publ., 2001. 112 p.
3. Valgina N. S. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of modern Russian language]. Moscow, Agar Publ., 2000. 416 p.
4. Gerasimenko N. A. [Problems of distinguishing between predicate types in Russian]. In: *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy obucheniya sovremennomu russkomu yazyku: sbornik materialov Mezhrregional'noi konferentsii* [Theoretical and methodological problems of teaching the modern Russian language: collection of materials of the Interregional conference], 2017, pp. 29–33.
5. Gerasimenko N. A. [Reflection of a person in language: ligamentous-substantive predicate]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2017, no. 1, pp. 14–20.
6. Golovin B. N. *Osnovy teorii sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Basics of the theory of syntax of the modern Russian language]. Nizhny Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo un-ta Publ., 1994. 170 p.
7. Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow, URSS Publ., 2010. 368 p.
8. Lekant P. A. *Tipy i formy skazuemogo v sovremenном русском языке* [Types and forms of the predicate in modern Russian]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017. 132 p.
9. Lomov A. M. *Russkii sintaksis v alfavitnom poryadke* [Russian syntax in alphabetical order]. Voronezh, Voronezh State University Publishing House Publ., 2004. 400 p.
10. Lomtev T. P. *Osnovy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Basics of the syntax of the modern Russian language]. Moscow, Komkniga Publ., 2019. 166 p.
11. Razumova A. O. [The epistemological basis of eventfulness in the novel by A. Bely “Petersburg”]. In: *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, 22–23 aprelya 2005 g. Vyp. 6. Ch. 2* [Actual problems of linguistics and literary criticism. Materials VI All-Russian scientific and practical conferences young scientists, April 22–23, 2005, no. 6. iss. 2]. Tomsk: TSU Publ., 2005, pp. 152–155.
12. Satina T. V. [Dynamics trends in the structure of word combinations in Russian]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2020, no. 2 (81), pp. 406–409.
13. Fedorova E. V. [Visual poetics of the novel “Petersburg” by A. Bely]. In: *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Filologiya. Vostokovedenie* [Humanitarian vector. Series: Philology. Oriental studies], 2016, vol. 11, no. 3, pp. 25–30.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сатина Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: sattv.75@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Satina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of foreign languages and intercultural communication, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: *sattv.75@mail.ru*

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сатина Т. В. Составное глагольное сказуемое в условиях художественного текста (на материале романа А. Белого «Петербург») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 51–63.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-51-63

FOR CITATION

Satina T. V. Compound Verbal Predicate in the Context of a Literary Text (Based on A. Bely's Novel "Petersburg". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 1. pp. 51–63.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-51-63

УДК 811.161.1'0

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-64-77

ОБРАЗЦЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКЗЕГЕЗЫ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ «ЦЕРКОВНОГО СЛОВАРЯ» ПРОТОИЕРЕЯ П. А. АЛЕКСЕЕВА)

Феликсов С. В.*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет**115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23, стр. 5а, Российская Федерация**Перервинская духовная семинария**109383, г. Москва, Шоссейная ул., д. 82, с. 1, Российская Федерация.*

Аннотация.

Цель. Проанализировать представленные в «Церковном словаре» (1773–1794 гг.) протоиерея П. А. Алексеева образцы филологической экзегезы текстов Священного Писания.

Процедура и методы. Использованы лингвотекстологический метод, описательный и аналитический методы.

Результаты. Анализ показал, что «Церковный словарь» П. А. Алексеева является первым в истории отечественной лексикографии и единственным в XVIII в. в России фундаментальным филолого-экзегетическим словарным изданием. Новаторство П. А. Алексеева как лексикографа-библеиста состоит в том, что он в своей лексикографической практике, руководствуясь идеями религиозного Просвещения и наставлениями отцов Православной Церкви, при комментировании текстов Священного Писания использовал в «Церковном словаре» различные приёмы филологического метода (этимологический, контекстуальный, текстологический), подкрепляя полученные с их помощью результаты сведениями из области других наук.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование вносит вклад в изучение истории русской лексикографии и библейской филологии XVIII в. Результаты исследования могут найти применение в вузовской практике преподавания филологических и теологических дисциплин.

Ключевые слова: Церковный словарь, русская лексикография, XVIII век, Библия, экзегетика

EXAMPLES OF PHILOLOGICAL EXEGESIS OF THE SACRED WRITINGS IN THE WORKS OF RUSSIAN LEXICOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE CHURCH DICTIONARY OF ARCHPRIEST P. ALEKSEEV)

S. Feliksov*Saint Tikhon's Orthodox University**23-5A Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russian Federation**Perervinsky Theological Seminary**82 Bld. 1 Shosseynaya St., Moscow 109383,**Russian Federation*

Abstract.

Aim. The article aims to analyze the samples of philological exegesis of the Holy Scriptures' texts presented in the *Church Dictionary* (1773-1794) by Archpriest P. Alekseev..

Methodology. The study Used the linguotextological method, descriptive and analytical methods.

Results. The study revealed that P. Alekseev's Church Dictionary is the first in the history of Russian lexicography and the only fundamental philological and exegetic dictionary publication in Russia in the 18th century. The innovation of P. Alekseev as a lexicographer-biblical scholar is that in his lexicographic practice, guided by the ideas of the religious Enlightenment and the instructions of the fathers of the Orthodox Church when commenting on the texts of the Holy Scriptures, he used various techniques of the philological method in the Church Dictionary (etymological, contextual, textual), supporting the results obtained with information from other fields of knowledge.

Research implications. The article contributes to studying the history of Russian lexicography and biblical philology of the 18th century. The results of the study could be used in the university practice of teaching philological and theological disciplines.

Keywords: Church dictionary, Russian lexicography, 18th century, Bible, exegetics

Введение

Важнейшим и, по словам профессора С. М. Сольского, «дорогимъ явлениѣмъ» «въ жизни русской церкви» [8, с. 564] XVIII в. в целом и в области отечественной библеистики в частности стала подготовка и издание в 1751 г. при императрице Елизавете Петровне славянской Библии, текст которой был согласован «до копизма» с греческим переводом LXX [15, с. 549] и «сдѣланъ доступнѣе для народнаго пониманія» [8, с. 564]. Издания Библии 1751 г., а также последующих лет¹, став в определённой мере общедоступными [10, с. 48–49]², вызвали большой интерес в российском обществе, во многом положив начало традиции домашнего чтения Священного Писания и стимулировав его научное исследование и изучение в образовательных учреждениях.

Несмотря на положительную сторону дела, изданный труд не был вполне совершенен [13, с. 260]. По словам митрополита Филарета (Дроздова), он нуждался в отдельных своих частях в очищении «отъ чтеній сомнительныхъ» путём проведения более тщательного лингвотекстологического анализа, связанного со «сличеніемъ» «славянскаго текста по ветхому завѣту съ еврейскимъ и греческимъ седмицесати толковниковъ, а по новому съ оригинальнымъ греческимъ текстомъ» [цит. по: 8,

с. 564]. Помимо этого, «за длительным стараниям привести славянский текст в соответствие переводу Семидесяти» переводчиками Елизаветинской Библии «совершенно упущена была проблема понимания самого славянского языка, который к XVIII в. уже окончательно утратил свою коммуникативную функцию» [10, с. 49] в связи с образованием «гражданского наречия» [3, с. 954, 1087; 11, с. 90–91].

Наличие не прояснённых Елизаветинским изданием «тёмных мест» и языковые противоречия в обществе создавали объективные сложности для понимания славянского текста Священного Писания, ставя вопрос о необходимости создания толковательных руководств по изучению библейских текстов.

Одним из наиболее заметных отзывов на подобное положение дел стал выход в свет во второй половине XVIII в. «Церковнаго словаря, или истолкованія реченій славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Священномъ Писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ»³ (далее ЦС) протоиерея Петра Алексеевича Алексеева⁴.

³ В работе к исследованию привлечены издания ЦС, вышедшие при жизни его автора: первое (Алексѣевъ П. А. Церковный словарь. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1773. 396 с.; Алексѣевъ П. А. Дополненіе къ Церковному словарю. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1776. 324 с.; Алексѣевъ П. А. Продолженіе Церковнаго словаря. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1779. 299 с.) и второе (Алексѣевъ П. А. Церковный словарь: в 3 т. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1794) издания.

⁴ П. А. Алексеев (1727–1801 гг.) – священнослужитель Русской Православной Церкви, ключарь

¹ В период с 1755 по 1800 гг. Елизаветинская Библия многократно переиздавалась в Москве и Санкт-Петербурге.

² До этого времени чтение Библии фактически ограничивалось рамками общественного богослужения.

Данный труд, будучи плодом 42-летнего преподавания П. А. Алексеевым курса катехизиса в гимназиях при Императорском Московском университете, явился первым в истории русской культуры фундаментальным лексикографическим руководством как филологического, так и историко-экзегетического характера [2, с. 398]¹.

Несмотря на его значимость для русской культуры, необходимо констатировать, что ЦС вплоть до настоящего времени не был объектом специального научного анализа как труд экзегетический. Учитывая данное положение дел, в предлагаемой статье делается попытка заполнить в определённой мере существующую в науке лакуну, проанализировав представленные на страницах ЦС образцы филологической экзегезы текстов Священного Писания.

К вопросу о положении дел в библейской науке в России во второй половине XVIII в.

Вторая половина XVIII в. в Европе и в России, по словам А. В. Михайлова, является временем «наибольшего оживления в изучении библейского текста». При этом «подъ влиянием протестантизма и философии английских мыслителей ... догматическое отношение к тексту св. Писания уступило место критическому» [4, с. CLII]. Как следствие, «в богословской науке мало по малу установилось мнение, что хотя Библия и заключает в себя Божественное Откровение, но она в то же время является и произведением еврейской литературы, что в ней, вследствие

этого, в течение веков образовалось много примесей и наслоений, исторических и местных, и что правильное понимание ее текста возможно только при научном освещении его» [4, с. CLII]. Закономерным результатом подобной рефлексии стали возникновение и развитие новой научной дисциплины – «библейской филологии и библейской критики» [4, с. CLII]. При этом библейская критика «со всем кругом вошедших в нее со второй половины XVIII-го столетия научных предметов (языкознание, археология, история и пр.)» стала «лучшей по тому времени историко-филологической школой» [4, с. CLV].

Отмеченные обстоятельства оказали благотворное влияние на отечественную катехизаторско-педагогическую мысль XVIII в.. По словам протоиерея Георгия Флоровского, «положительной стороной нового богословского преподавания» того времени «был его библейский реализм, стремление взять и понять священный текст в его конкретной связи и даже в исторической перспективе» [12, с. 106]. Подобный подход в преподавании «суметь живо заинтересовать учащихся своими задачами, развить, расширить их познания, познакомить с научными приемами филологической критики и, наконец – что всего важнее – внушить им любовь к самостоятельным исследованиям в области историко-филологических наук вообще» [4, с. CLV].

В русле передовой научно-педагогической мысли находились и гимназии при Императорском Московском университете, где П. А. Алексеев преподавал «Катихизис». В этом можно убедиться, обратившись к анализу сохранившихся исторических материалов, отражающих содержание учебного процесса и метод его организации в университетских гимназиях в то время [6, с. 214–215]². Кроме того, об этом свидетельствует и письменное наследие изучаемого нами автора, который в предисловии к одному из своих сочинений ясно определил идеал христианской учёно-

Успенского собора Московского Кремля, профессор и член Вольного русского общества Императорского Московского университета, член Российской Императорской Академии.

¹ Анализ содержания ЦС П. А. Алексеева, подтверждая сказанное, показывает, что в среднем каждая третья словарная статья словника ЦС содержит указание на текст Библии. При этом большинство ссылок приходится на законоположительные и учительные книги Ветхого и Нового Завета. Самое большое количество ссылок из числа книг ветхозаветных (и библейских в целом) в ЦС содержится на Псалтирь (более 500) и синоптическое Евангелие от Матфея (более 400).

² См.: Способъ учения. М.: Унив. тип., 1771. 4 с.

сти, в частности, он писал: «Учёность, полезна для Христіанъ вообще, а богослову и священнопроповѣднику необходимо нужна есть. Какая жъ учёность? Не всякая: но избранная, напримеръ знаніе языковъ, особливо Еллиногреческаго, дабы толковникъ слова божія могъ понять силу писанія изъ самаго источника, и разсуждать о переводе онаго. Знаніе исторіи біблейной, и церковной, обрядовъ, и древностей, наипаче іудейской, священной географіи, особливо ученія Православнаго своей церкви, к сему придавъ ученіе любомудрія здраваго, служащаго непорочною богословію»¹.

Ко времени, когда П. А. Алексеев решил начать работу над ЦС, библеистика и лексикография в России находились в начальной стадии своего становления, в то же время во многом благодаря работе по переводу Библии на славянский язык как отечественным богословием, так и филологией был прочно освоен определённый научный опыт. Воспользовался ли П. А. Алексеев этим опытом, обращаясь к филологическому комментированию текстов Священного Писания, оказался ли он на высоте положения – всё это будет предметом рассмотрения в статье далее.

Филологический метод толкования Священного Писания в лексикографической практике П. А. Алексеева

В своей лексикографической практике при составлении ЦС П. А. Алексеев, придерживаясь сформулированной им позиции относительно идеала христианской учёности, при комментировании текстов Священного Писания последовательно использует различные приёмы филологического метода: этимологический, контекстуальный, текстологический.

Этимологический приём. Катехизаторско-лексикографическая деятельность П. А. Алексеева проходила на фоне активного развития сравнительно-исторического языкознания, стимулом к которому послужили многочисленные попытки

реконструкции «райского языка Адама» [1, с. 232]. Увлечения русских учёных XVIII в. изысканиями в области этимологии находили воплощение как в создававшихся ими исследованиях, посвящённых изучению текста Библии, в связи с его подготовкой к изданию на славянском языке, так и в словарях [14, с. 21–23]. ЦС в этом отношении не стал исключением. П. А. Алексеев при рассмотрении библийских текстов активно привлекает сведения из области этимологии, солидаризируясь тем самым с мнением святителя Иоанна Златоуста, который полагал, что «этимология, как аспект грамматики, должна быть особенно используема для установления полного богословского значения текста» [7, с. 90].

В ЦС ко многим славянским, а также заимствованным словам, употреблённым в Библии, приводятся соответствующие им греческие, латинские, еврейские эквиваленты (*Авгуры*, лат. *Augurium*, евр. *Менахеш*, греч. *οἰωνός*; *Гаввава*, евр. по гречески *Лиѡостронъ*; *Мерзость*, греч. *βδέλυγμα*, лат. *Adominatio*; *Купель*, еврейски именуется *Виѡезда*),² при этом иностранные слова в большинстве случаев содержат толкование значения, которое они имеют в языке-источнике (*Акелдама*, еврейское реченіе толкуется село крове; *Маликъ*, с Евр: толкуется народъ лижущій, а съ Сврскаго народъ ударяющій; *Анѡракъ*, греч., толкуется камень яхонтъ червчатый; *Аминь*, Евр. толк. истинно, крѣпко, вѣрно). Приводя к заглавным словам иностранные эквиваленты, П. А. Алексеев преследовал цель познакомить читателей не только с текстами славянской Библии, но и с соответствующими текстами на языках, на которых впервые было зафиксировано Священное Писание. Лингвотекстологический анализ показал, что главными источниками подобных этимологических сведений для П. А. Алексеева стали «*Деѣїконъ трехъязычный свръхъ Реченій славянскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ*» Фёдора Поликарпова, а также произведения западноевропейской лексикографии – греко-ла-

¹ ОР РГБ. Ф. 557. Д. 90. Л. 150.

² Здесь и далее в работе иллюстративный материал из ЦС П. А. Алексеева приводится по его изданию 1794 г.

тинские словари Иоанна Скавулы, Георгия Пазора и Корнелия Шревели. Более расширенные сведения этимологического характера автор ЦС заимствовал из «Каталога Собственных Еврейских, Греческих, и не-собственных безъ перевода во всей Библии составленных именъ, по алфавиту собранных и толкованных», помещённого к изданию Елизаветинской Библии.

Особый интерес представляет ряд словарных статей ЦС, которые содержат комментарий и предположения П. А. Алексеева, связанные с происхождением того или иного лексикографируемого слова, с целью прояснить смысл толкуемого библейского фрагмента (см.: *Илектръ, Исполнѣ, Знаменѣ и чудеса*). Так, например, в словарной статье *Илектръ*, истолковывая одноимённое слово, употреблённое в 5 стихе 1 главы Книги пророка Иезекииля, П. А. Алексеев отвергает этимологические версии, указывающие на то, что «илектрь» обозначает янтарь или хрусталь, поскольку «янтарь во огнѣ чернеетъ, курится, горя как смола», а «хрусталь» «въ огнѣ закоптѣваетъ». «Вѣроятнѣе кажется, – пишет он, – и со истиннословіемъ (etymologia) Еврейскаго *хазмалъ* сходнѣе, что илектръ есть ... горная мѣдь». Несмотря на то что приведённая П. А. Алексеевым этимологическая версия не нашла отражение в церковнославянском и русском переводах рассматриваемого библейского фрагмента¹, она вполне согласуется с ма-

соретским текстом Библии, где в рассматриваемом месте стоит слово «khash-mal», которое может иметь значение не только «янтарь», но и «медь»².

В целом сопоставление этимологических справок, помещённых в ЦС, с соответствующими современными научными данными по этимологии свидетельствует в большинстве случаев об их достоверности. При этом со стороны полноты и научности их содержания труд П. А. Алексеева выгодно отличается от предшествующих ему отечественных лексикографических сочинений, описывающих библейскую лексику (табл. 1).

Контекстуальный приём. Исследуя Священное Писание, П. А. Алексеев соотносится ещё с одним правилом экзегетики представителей антиохийской богословской школы, согласно которому толкуемое слово или фрагмент текста Библии должны быть рассматриваемы с учётом «тесного» контекста (или микроконтекста). При этом правило контекстуальной зависимости применяется П. А. Алексеевым на уровнях как отдельных слов, так и фраз, которые также в большом количестве представлены в ЦС в качестве заголовочных³.

Так, например, в словарной статье *Срамота* П. А. Алексеев описывает семантику одноимённого слова с учётом его ближайшего контекста, в котором оно употреблено в Послании к Евреям 12:4 (*Срамота* – «<...> состояніе отъ людей презираемое, безславное и безчестное»)) и далее (с учётом приведённого определения) переходит в целом к толкованию

¹ См. переводы Иез. 1:5: а) церковнославянский («И погредѣ ѿгво ѿакво видѣнѣ илектра погредѣ ѿгво, и свѣтъ къ немъ: и погредѣ ѿакво подобіе чѣтырехъ животнохъ. и сіе видѣнѣ ѿхъ, ѿакво подобіе чѣка къ нѣхъ») и б) синодальный русский («а из середины его как бы свет пламени из середины огня; и из середины его видно было подобие четырех животных, – и таков был вид их: облик их был, как у человека»). Здесь и далее в работе: 1) церковнославянский перевод на книги Священного Писания приводится по изданию Елизаветинской Библии (Библия свѣтъ кѣи кѣи писаниа кѣтъгво и нокаго закътъ. М.: Синодальная тип., 1762); 2) русский синодальный перевод, а также греческий (Септуагинта) и латинский (Вульгата) переводы Библии цитируются по их публикации на сайте «Экзеget. Ру» (Экзеget. Ру. URL: <https://ekzeget.ru/> (дата обращения: 20.11.2020)); 3) ссылки на масоретский текст Библии приводятся по его публикации на сайте «Biblezoom»

(Biblezoom [Электронный ресурс]. URL: <http://biblezoom.ru> (дата обращения: 20.11.2020)).

² См. масоретский текст Иез. 1:5.

³ С учётом педагогических целей, нередко библейские слова и выражения вносились в ЦС в той форме, в которой зафиксированы по связи в речи в приводимом месте текста Библии, а далее получали соответствующее толкование по ближайшему контексту (см., например, словарные статьи: *Извѣсти въ побѣду судѣ, Что намъ и тебѣ, По Христѣ ити, Вчера днесъ и во вѣки, Жадати правды ради* и др.).

⁴ Евр. 12:2 (Елизаветинская Библия): «Взирающе на начальника вѣры, и совершителя нѣса, иже вѣруетъ и предлежащаго сѣмъ радостн претерпѣ крѣтъ, ѿ срамотѣхъ не радѣнѣ, ѿдвѣнѣ же прѣбѣла бѣжа сѣде».

слов, П. А. Алексеев опирался на симфонию на книги Священного Писания отечественных авторов, изданные в XVIII в.: «*Сѹмфѡніѹ или согласіе на богодѹхновеннѹю книгѹ ѱалмѡвѹ црѣи и пророка дѣда*» А. Д. Кантемира; «*Сѹмфѡніѹ или согласіе на сщѣнное четвероевангеліе и дѣланіа стѹхѹ апѣтѡлѹ*» И. И. Ильинского и «*Сѹмфѡніѹ, или конкорданціа, что естъ согласіе на чѹтыренадесять посланій еѹагѡ апѣла павла. Тѹже и на всѣ говѡрнаѣ посланія и апокалѹѣіѹ*» А. И. Богданова. В связи с этим важно заметить, что полной симфонии на славянском языке, которая охватывала бы все книги Библии, к моменту написания П. А. Алексеевым ЦС не существовало.

Текстологический приём. Для прояснения толкования наиболее трудных мест Библии П. А. Алексеев обращается к использованию текстологического приёма, сравнивая разноязычные версии перевода библейского текста. Автор ЦС знакомит своих читателей как с древними греческими и латинскими переводами Священного Писания (Септуагинтой, переводами Акилы, Симмаха, Феодотиона, Вульгатой), так и с новыми (западноевропейскими и славянским), помимо этого, он нередко ссылается на еврейский текст Священного Писания, а также приводит указания на одну из древнейших и главных рукописей Нового Завета на греческом и латинском языках, датируемую началом V в., – «Кодекс Безы».

Наиболее авторитетным из переводов Ветхого Завета П. А. Алексеев вслед за издателями Елизаветинской Библии признаёт греческий перевод LXX, о чём свидетельствует, например, содержание словарных статей *Седмдесять толковников* и *Вулгата*, где со ссылкой на предисловие к Елизаветинской Библии он характеризует-ся как «лучший» среди всех других. В то же время необходимо отметить, что помимо многочисленных ссылок на перевод LXX в ЦС содержится большое количество указаний и на переводческий труд блаженно-го Иеронима.

Сопоставляя перевод «тёмных мест» Библии, сделанный 70-ю толковниками, с переводом Вульгаты, П. А. Алексеев в большинстве случаев отдаёт предпочтение первому. При этом в отдельных статьях автор ЦС приводит объяснение принятым греческими толковниками переводческим решениям. Например, в словарной статье *Тайная сына* П. А. Алексеев сообщает, что подобная одноимённая надпись 9-го псалма приводится в Септуагинте, чтобы «страданіе и Воскресеніе Христово» осталось до времени неведомо для язычников (также см.: *Труды плодовъ, Хребетъ*).

Однако, несмотря на это, П. А. Алексеев не догматизирует перевод LXX, а также другие древние греческие переводы, под-вергая их в некоторых случаях критике. Так, например, в статье *Іаминь*, толкуя 24 стих 36 главы книги Бытие¹, он обращает внимание читателей на то, что в Септуагинте переводчики «преминувъ всѣ знаменованія рѣчи, положили іаминь» без толкования², в связи с чем без перевода это слово вошло и в Елизаветинскую Библию. Отвергая мнение еврейских раввинов о том, что «іаминь» есть «муль», а также перевод с халдеского, согласно которому это «исполины, или богатыри», автор ЦС вслед за Вульгатой³ полагает, что данное слово обозначает «тепицы, т. е. тёплыми воды цѣлебныя». Эти воды, пишет П. А. Алексеев, первым нашёл Ана, «приметив, что въ нихъ естъ лѣчебная сила, опытомъ дознавъ поправленіе чрезъ нихъ тѣлеснаго здравія, и другимъ о томъ даль-знать, по чему и называется изобрѣтатель оныхъ, яко новыя вещи». Перевод данного места Священного Писания в качестве

¹ Быт. 36:24 (Елизаветинская Библия): «И ѿ сынѡвѹ бѣ Сѣвѣгѡнн: Аіе и Ана: сій естъ Ана, иже ѡбрѣтѣ *іаминь* въ пѣстынн, егда пасаше подѣремникѹ Сѣвѣгѡна ѡтца своего».

² Септуагинта: «καὶ οὗτοι οἱ οὐὶ Σεβευῶν· Ἀϊέ καὶ Ἀνά· οὗτός ἐστιν Ἀνά, ὃς εὗρε τὸν Ἰαμείν ἐν τῇ ἐρήμῳ, ὅτε ἔνεμε τὰ ὑποζύγια Σεβευῶν τοῦ πατρὸς αὐτοῦ».

³ Вульгата: «Et hi filii Sebeon: Aja et Ana. Iste est Ana qui invenit *aquas calidas* in solitudine, cum pasceret asinos Sebeon patris sui».

«тѣплыхъ водѣ» нашёл отражение впоследствии и в русской синодальной Библии¹.

П. А. Алексеев, руководствуясь идеями религиозного Просвещения, активно знакомит своих читателей при анализе библейских текстов и с опытом их переводов и толкований, существующих к тому времени в католической и протестантской традициях². Например, в статье *Вскипѣти жезлу* текст славянской Библии сравнивается с текстом, содержащимся в её западных изданиях: «Вскипѣти жезлу, Іезек. 21. 21. Якоже вскипѣти жезлу. Въ Латинской библии sebast. castel. стих: 24. expedit sagittas. А у Еммануила Тремеллія, и Франциска Іуния, terget cultros. У Іакова же Тіріна, commiscens sagittas ...» (также см.: *Звѣріе тростнии, Архімагирѣ, Власть, Ревновати, Фараонѣ* и др.).

Обращение к новым переводам Священного Писания имеет своей целью не только знакомство российской «публики» с западноевропейской библейской переводческой мыслью, но и предостережение читателей от неверного понимания смысла Священного Писания. Нередко П. А. Алексеев отвергает предлагаемое издателями новых версий Библии переводческое решение, вступая с ними в полемику. Так, например, в словарной статье *Звѣріе тростнии*, комментирующей одноимённое словосочетание, употреблённое

в 31 стихе 67 псалма³, П. А. Алексеев приводит разные переводческие мнения и толкования на данное место. В частности, он пишет: евреи переводят данное место как «толпа или стадо въ тростникѣ»; Э. Тремеллий перевёл как «толпа тростноносная», т. е. «вооруженная стрѣлами»; Ф. Иуний полагает, что речь здесь идёт о «спирѣ копейщиковъ» (т. е. отряде воинов, вооружённых копьями). Далее автор ЦС отмечает, что поскольку весь «сей стихъ взять в переносительномъ смыслѣ, то и следуетъ подѣ именемъ зверей тростныхъ разумѣть юнцевъ, т. е. свирепыхъ и ярыхъ быковъ, кои предводительствуютъ кривами и юницами». Вследствие этого, отмечает П. А. Алексеев, выйдет такой смысл: «запрети Господи, и распуди стада тѣхъ дивныхъ буйволовъ, кои живутъ в тростникахъ, т. е. дикие варварскіе народы, враги Израильскіе, старающіеся затворить искушенные сребромъ, сирѣчь согнать со свѣту, и лишитъ наслѣдія такихъ людей, которые искушены тобою такъ, какъ сребро хорошей доброты»⁴.

Среди существующих переводов Библии на славянский язык П. А. Алексеев, отдавая дань учёно-литературному труду своих современников, оказывает предпочтение переводу, изданному в 1751 г., о чём, в частности, свидетельствует предисловие к ЦС. В то же время он не считает этот перевод вполне совершенным: об этом говорят как сам факт создания ЦС, целью которого является прояснение «тёмных мест» нового славянского библейского перевода, так и отдельные комментарии положенные им к словам, лексикографируемым в ЦС.

Так, в статье *Звѣріе*, анализируя 10 стих 40 главы Книги Иова⁵, П. А. Алексеев от-

¹ Синодальный русский перевод: «Сии сыновья Цивеона: Аиа и Ана. Это тот Ана, который нашёл теплые воды в пустыне, когда пас ослов Цивеона, отца своего».

² В частности, он ссылается на издателей Библии: французского протестантского теолога Себастьяна Кастеллио (XVI в.), протестантских богословов Еммануила Тремеллия и Иакова Тирина (XVI в.), немецкого теолога Франциска Иуния (XVI в.), испанского богослова, гуманиста-теолога Бенито Монтано (XVI в.); эрудитов школы французского гуманиста-филолога Жозефа Скалигера (XVI–XVII вв.): французского протестантского библейского учёного Самуэля Бохарта (XVI–XVII в.), немецкого библейского географа Филиппа Клувера (XVI–XVII вв.), голландского библеиста Кампегийуса Витринга (XVI–XVII вв.); а также протестантского теолога Дэвида Читру (XVI в.), немецкого лютеранского теолога Августа Пфейфера (XVI в.), английских теологов Джона Лайтфута (XVI в.) и Джона Брауна (XVIII в.), католических теологов Дионисия Картузианца (XVI в.) и Урфина (XVIII в.) и др.

³ Пс. 67:31 (Елизаветинская Библия): «Запрети свѣрѣмъ тростнымъ: бонихъ юнѣцъ въ юнѣцѣхъ людскихъ, еже затворити искушѣннымъ сребромъ: разгони языки хотѣющихъ крадема».

⁴ Подобное толковательное решение Пс. 67:31 содержится в трудах и у более поздних отечественных библеистов – протоиерея Григория Разумовского, А. П. Лопухина (см. Экзегет. Ру. URL: <https://ekzeget.ru> (дата обращения: 20.11.2020)).

⁵ Иов. 40:10 (Елизаветинская Библия): «Но оуѣкъ еѣ, свѣрѣе оуѣ чѣкѣ, гравѣ ѣки волоѣе ѣдѣтѣ».

мечает, что в греческом переводе LXX в этом месте стоит слово «Θηρίον» (т. е. зверь), в связи с этим и в славянской Библии «положено звѣрие», однако ближайший контекст употребления данного слова показывает, что, во-первых, «въ послѣдующихъ стихахъ склоненіе рѣчей къ единственному лицу служить», а во-вторых, в данном месте имеется в виду «великотѣлесный» зверь, поэтому в «другихъ переводахъ стоитъ въ семь мѣстъ elephas, или behemoth»¹. В связи с этим П. А. Алексеев считает, ссылаясь на французского гебраиста С. Бохарта и швейцарского естествоиспытателя И. Шейхцера, что в данном месте в славянской Библии лучше употребить слово «іппопотамъ», обозначающее «коня рѣчного, который въ Египетскихъ странахъ бываетъ больше слона тѣломъ». Зафиксированный П. А. Алексеевым в ЦС перевод рассматриваемого места Священного Писания нашёл впоследствии отражение в русской синодальной Библии².

Историческая критика как вспомогательный метод при филологической экзегезе Священного Писания в лексикографической практике П. А. Алексеева

Несомненным достоинством ЦС является тот факт, что во многих случаях П. А. Алексеев стремится подкрепить результаты филологического рассмотрения текста Священного Писания данными из других областей научного знания. Более половины словарных статей ЦС, как отмечал ещё в XIX в. М. И. Сухомлинов, содержат сведения о различных «понятіяхъ и предметахъ, находящихся въ большей или меньшей связи съ библейскими... повѣствованіями» [9, с. 312]. Ориентируясь на указание «Способа учения» (1771 г.) о многопредметности в учебном процессе, П. А. Алексеев вводит в ЦС энциклопеди-

ческие сведения из истории, географии, астрономии, музыки, биологии, медицины, политики и др., сопоставляя исторические сведения Библии с внебиблейскими данными из области материальной и духовной культуры. В качестве источников для подобного рода комментариев к толкуемым библейским понятиям П. А. Алексеев использует широкий круг сочинений светских писателей, учёных-естественников (как античных, средневековых, так и периода Нового времени)³.

Яркими примерами, содержащими образец историко-филологического подхода к анализу текстов Священного Писания, являются рассмотренная выше словарная статья *Звѣрие*, а также такие словарные статьи, как *Знаменія на лицахъ мужей*, *Смерчіе*, *Горница*, *Бесѣда*, *Заяць* и др.

В словарной статье *Знаменія на лицахъ мужей* П. А. Алексеев не соглашается с греческим и славянским переводами 4 стиха 9 главы Книги пророка Иезекииля⁴, полагая, что слова «σημεῖον» и «знаменіе» должны

³ В ЦС содержатся ссылки на философов Платона и Аристотеля, древнегреческого историка Диодора Сицилийского (I в. н. э.), римского историка Гая Саллустия Криспа (I в. до н. э. – I в. н. э.), еврейского историка Иосифа Флавия (I в. н. э.), римского учёного-энциклопедиста Марка Теренция Варрона (II–I вв. до н. э.), древнегреческого историка Геродота (V в. до н. э.), византийских историков Никиту Хонанита (XII–XIII вв.) и Георгия Кодина (XV в.), французского историка Ролена, историка и географа Страбона (I в. до н. э. – I в. н. э.), одного из основателей ботаники Педания Diosкорида (I в.), автора «Естественной истории» Плиния Старшего (I в. н. э.), христианского гебраиста и комментатора Священного Писания Павла Фагия (XVI в.), немецкого географа и историка Филиппа Клуверия (XVI–XVII вв.), автора знаменитой «Священной Физики» (1731 г.) И. Я. Шейхцера (XVII–XVIII вв.), итальянского историка Баронио (XV–XVII вв.), французского эллиниста Гоара (XVII в.), голландского филолога Меурсиса (XV–XVII в.), немецкого учёного Кирхера (XVII в.), автора «Иерозикона» Самуила Бохарта (XVI–XVII вв.) и др.

⁴ Иез. 9:4: «И рече Гдъ къ немъ: пройди среди градъ ѿрліма и даждь знаменіа на лица мѣжеи стѣнѣицихъ и комѣзиюицихъ ѡ вѣрхъ беззаконіицихъ выкаюицихъ среди ѿхъ» (Елизаветинская Библия); «καὶ εἶπε πρὸς αὐτόν· διέλθε μέσθην τὴν Ἱερουσαλὴμ καὶ δὸς τὸ σημεῖον ἐπὶ τὰ μέτωπα τῶν ἀνδρῶν τῶν καταστεναζόντων καὶ τῶν κατωδυνωμένων ἐπὶ πάσαις ταῖς ἀνομίαις ταῖς γινόμεναις ἐν μέσθι αὐτῆς» (Септуагинта).

¹ Речь идёт о переводе данного места Священного Писания, положенном в Вульгате: «Ecce behemoth quem feci tecum, foenum quasi bos comedit».

² Синодальный русский перевод: «Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол».

Таблица 3 / Table 3

Примеры энциклопедических справок

в лексикографических произведениях XVI–XVIII вв. / Examples of encyclopedic references in lexicographic works of the XVI–XVIII centuries

Азбуковник ¹	ЦС П. А. Алексеева
Неясыть, есть птица подобна журавлю, а творить собѣ гнѣздо на высокихъ древѣхъ, или камнѣхъ, или столбѣхъ, а клюетъ змій, и того ради змій враждуютъ на ню. И егда узрѣть ея отлетѣвшу отъ гнѣзда, тогда возлзе на древо и убиваютъ дѣти ея смертоноснымъ ядомъ. Она же видѣвши дѣти своя мертва, ставши надъ ними, проклюкавъ ребра своя, испущаетъ на нихъ кровь свою, и кровію ея паки оживляются птенцы.	Неясыть, съ Греч. пелеканъ, индѣ онокроталь, Псал 101. 7, а Бохартъ. кн 2. гл 26 горлицею именуется, хотя Иеронимъ Августинъ, Исидоръ и Албертъ повѣствуетъ о неясыти, что въ Египтѣ есть такая птица въ пустыни, около Нила водворяющаяся, которая птенцевъ своихъ отъ змія угрызенныхъ оживляетъ кровію, нарочно источенною отъ утробы своей; но другіе ученые люди сего повѣствованія не приемлютъ за истину.

быть переведены в соответствии с масоретским текстом словом «Тавъ», обозначающим в «древнемъ еврейскомъ почеркѣ» «букву Т», начертание которой было похоже на «крестъ Господень». В доказательство своей точки зрения П. А. Алексеев ссылается не только на авторитетное мнение блаженного Иеронима Стридонского, но и на исторические факты, сообщаемые как древними церковными историками (Евсеем Кессарийским, Эрмием Созоменом, Сократом Схоластиком и др.), так и учёными-гуманистами (Липисием Юстом, Жозефом Скалигером), о том, что «у Римлянъ и у Грековъ бывало въ употребленіи» подобное начертание на лбу оправданных осуждённых.

В словарной статье *Смерчіе* П. А. Алексеев поясняет событие, описанное в 4–5 стихах 19 главы Третьей книги Царств², а именно то, почему пророк Илия, оказавшись в тени под можжевельным кустом, смог уснуть. Опираясь на «Священную Физику» И. Я. Шейхцера, он

пишет, что «по свидетельству естествослововъ смерчіе въ восточныхъ странахъ не низкое растение, а возрастающее «великимъ и толстымъ древомъ», так что в Испании из него делают «брусья и стропила кровельные», а сами пни «можжевеловые бываютъ толщиною въ человѣческое тѣло».

Будучи сыном своего времени и не являясь специалистом в естественно-научной области, П. А. Алексеев в некоторых случаях, как на то справедливо указывал ещё С. А. Венгеров [2, с. 401], вносит в ЦС данные из «баснословія, которым богаты наши древніе и средневековые «физиологи» и иные сочинения по естествознанию». Анализируя эти сведения, необходимо отметить, что чаще всего они приведены в педагогических целях, а именно – «для забавы» читателей. Сам автор ЦС после изложения «баснословія», как правило, даёт ему критическую оценку (табл. 3).

Важно отметить, что П. А. Алексеев, несмотря на приверженность идеям религиозного Просвещения, не абсолютизирует приёмов библейской критики и ограничивает возможное проявление неумеренного любопытства своих читателей при изучении Библии. Так, в словарной статье *Ненадписанъ у еврей* составитель ЦС касается вопроса авторства ряда псалмов, имеющих одноимённую надпись. Основываясь на мнении блаженного Иеронима Стридонского, он пишет, что

¹ В работе было использовано подготовленное И. П. Сахаровым издание «Азбуковника», основу которого составили списки XVI и XVII вв.: Сахаровъ И. П. Сказанія русскаго народа. Т. 2. Кн. 5. СПб.: Тип. Сахарова, 1849. 224 с.

² 3 Цар. 19:4–5 (Елизаветинская Библия): «сѣмъ же ѿде въ пѣчѣмъ днѣ пѣчь, и прійде, и сѣде подъ сѣмѣрїемъ, и прогнѣ дѣшнѣ своѣмъ сѣмѣрчїю, и рече: до-влѣетъ нѣтъ (мнѣ), возмнѣ ѡубо ѿ менѣ дѣшнѣ моѣ, Гдѣ, ѡко нѣмъ ѡзѣ дѣшнѣмъ сѣмѣрчїю моѣмъ. И ѡже, и ѡубо подъ сѣдомъ: и сѣ, ѡгнѣмъ Гдѣмъ когнѣмъ сѣмъ и рече сѣмъ: когнѣмъ, ѡждѣ, и пѣмъ».

данные псалмы имеют тех же авторов, что и те, которые предшествуют им, т. е. были «сочинены царемъ и прокомъ Давидомъ». Далее П. А. Алексеев, опираясь на мнение св. Григория Великого, назидает своих читателей: «болѣе же любопытствовать о псалмописателяхъ ни что иное есть, какъ читаючи письмо тщиться провѣдать, какимъ перомъ писано».

Заключение

Анализ содержания ЦС в рамках заявленной темы исследования позволяет сделать вывод, что, следуя традиции, заложенной святым Максимом Греком, П. А. Алексеев рассматривает филологию как «лестницу къ предивному и не приступному богословію» [цит. по: 5, с. 182].

В опытах толкования текстов Священного Писания, представленных в ЦС, П. А. Алексеев последовательно сочетал различные приёмы филологической экзегезы, используемые представителями древней антиохийской богословской школы и приверженцами католических и протестантских религиозных взглядов, знакомя своих читателей с результатами исследований, накопленных к XVIII в. в области изучения языка Библии. Помимо этого, он стремился подкрепить эти данные сведениями, известными к тому времени, из области других наук. Таким об-

разом, автор ЦС руководствовался как идеями религиозного Просвещения, так и наставлениями отцов Православной Церкви, заповедавших подобно пчеле отовсюду извлекать для себя пользу. В этом проявилось новаторство П. А. Алексеева не только как лексикографа-библеиста, но и как религиозного мыслителя России XVIII в.

В ряде словарных статей составитель ЦС предстаёт перед нами не только как грамотный компилятор и редактор, но и в определённой степени как самостоятельный исследователь, результаты научных трудов которого были учтены более поздними отечественными библеистами и впоследствии частично нашли отражение в русском синодальном переводе Библии и в учебных толковательных руководствах по изучению Священного Писания.

Экзегетические штудии, нашедшие отражение в ЦС, стали непосредственным продолжением тех библейских исследований русских учёных, которые были начаты в связи с подготовкой к изданию Елизаветинской Библии, при этом сам труд П. А. Алексеева явился своеобразным справочным дополнением к этому изданию и единственным фундаментальным филолого-экзегетическим словарным произведением в России в XVIII в.

Статья поступила в редакцию 09.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буличъ С. К. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. 1. Петербург: Тип. М. Меркушева, 1904. 1248 с.
2. Венгеровъ С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней): в 6 т. Т. 1. Петербург: Семеновская Типо-литография, 1889. 992 с.
3. Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. Т. 2. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 1285 с.
4. Михайловъ А. В. Опытъ изученія текста книги Бытія пророка Моисея въ древне-славянскомъ переводѣ. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1912. 310 с.
5. Пекарскій П. Наука и литература Россіи при Петрѣ Великомъ: в 2 т. Т. 1. Петербург: Общественная польза, 1862. 596 с.
6. Перевозный А. В. Дифференциация в начальном и среднем образовании России в XVIII веке // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 212–225.
7. Пирогов О. К. Экзегетические методы свт. Иоанна Златоуста в его толковании на Послание св. апостола Павла к Римлянам // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 68–99.

8. Сольский С. М. Обзоръ трудовъ по изученію Библіи въ Россіи съ XV вѣка до настоящаго времени // Православное обозрѣніе. 1869. № 1. С. 190–221, 538–577, 797–822.
9. Сухомлиновъ М. И. Исторія російской академіи. Вып. 1. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1874. 427 с.
10. Тихомиров Б. А. К истории отечественной Библии // Церковь и время: научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2016. № 3 (76). С. 43–87.
11. Феликсов С. В. Особенности графико-орфографической кодификации религиозной лексики в «Церковном словаре» П. А. Алексеева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 4. С. 89–99.
12. Флоровский Георгій, прот. Пути русскаго богословія. Париж: Богословскій институт, 1937. 574 с.
13. Хухуні Г. Т. Бытовые реалии в сакральном тексте: проблемы межъязыковой передачи // Вестник Московскаго государственнаго лингвистическаго университета. Гуманитарныя науки. 2018. № 14. С. 257–267.
14. Цейтлин Р. М. Краткій очерк истории русской лексикографии. М.: Учпедгиз, 1958. 136 с.
15. Юнгеровъ П. А. Общее историко-критическое введеніе въ Священныя ветхозавѣтныя книги. Казань: Типо-литогр. Имп. Ун-та, 1902. 592 с.

REFERENCES

1. Bulich S. K. *Ocherki istorii yazykoznaniya v Rossii*. T. 1. [Essay on the history of linguistics in Russia. Vol 1]. Petersburg, Type M. Merkushev Publ., 1904, 1248 p.
2. Vengerov S. A. *Kritiko-biograficheskii slovar russkikh pisatelei i uchenykh (ot nachala russkoi obrazovanosti do nashikh dnei)*. T. 1 [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists (from the beginning of Russian education to the present day). Vol. 1]. Petersburg, Semenovskaya Typo-lithography, 1889. 992 p.
3. Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoi pismennosti*. T. 2 [History of the language of Russian. Vol. 2]. Moscow, Dmitry Pozharsky University Publ., 2017. 1285 p.
4. Mikhailov A. V. *Opyt izucheniya teksta knigi Bytiya proroka Moi-seya v drevne-slavyanskom perevode* [The experience of studying the text of the book of Genesis of the Prophet My-sowing in ancient Slavic translation]. Warsaw, Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga Publ., 1912. 310 p.
5. Pekarskii P. *Nauka i literatura Rossii pri Petre Velikom*. T. 1 [Science and Literature of Russia under Peter the Great. Vol. 1]. Petersburg. Publication of the Public Benefit Partnership, 1862. 596 p.
6. Perevoznyi A. V. [Differentiation in primary and secondary education in Russia in the 18th century]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2015, no. 4, pp. 212–225.
7. Pirogov O. K. [Exegetical methods of St. John Chrysostom in his interpretation of the Epistle of St. apostle Paul to the Romans]. In: *KHri-stianskoe chtenie* [Christian reading], 2009, no. 9–10, pp. 68–99.
8. Sol'skiy S. M. [Review of the work on the study of the Bible in Russia from the 15th century to the present]. In: *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review], 1869, no. 1, pp. 190–221, 538–577, 797–822.
9. Sukhomlinov M. I. *Istoriya Rossijskoj akademii* [History of the Russian Academy]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoj akad. Nauk Publ., 1874. 427 p.
10. Tikhomirov B. A. [To the history of the Russian Bible]. In: *Tserkov i vremya: nauchno-bogoslovskii i tserkovno-obshchestvennyi zhurnal* [Church and time. Scientific theological and church-social journal], 2016, no. 3 (76), pp. 43–87.
11. Feliksov S. V. [Features of the graphic and spelling codification of religious vocabulary in the “Church Dictionary” by P. A. Alekseev]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Episode 2: Linguistics]. 2017. vol. 16, no. 4, pp. 89–99.
12. Florovskii Georgii, prot. *Puti russkogo bogosloviya* [The paths of Russian theology]. Paris, Bogoslovskii institut Publ., 1937. 574 p.
13. Khukhuni G. T. [Everyday realities in the sacred text: problems of inter-linguistic transmission]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 2018, no. 14, pp. 257–267.
14. Tseitlin R. M. *Kratkii ocherk istorii russkoi leksikografii* [A brief outline of the history of Russian lexicography]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1958. 136 p.
15. Yungеров P. A. *Obshchee istoriko-kriticheskoe vvedenie v Svyashchennyya vetkhozavetnaya knigi* [General historical and critical introduction to the Sacred Old Testament books]. Kazan: Typo-lithograph. Imp. University Publ., 1902. 592 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Феликсов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, заведующий кафедрой филологии Перервинской духовной семинарии;
e-mail: svfeliksov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Feliksov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Pedagogy, Saint Tikhon's Orthodox University, Departmental Head, Philology, Perervinsky Theological Seminary;
e-mail: svfeliksov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Феликсов С. В. Образцы филологической экзегезы Священного Писания в произведениях русской лексикографии второй половины XVIII века (на примере «Церковного словаря» протоиерея П. А. Алексеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 64–77.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-64-77

FOR CITATION

Feliksov S. V. Samples of the Philological Exegesis of Sacred Scripture in the Works of Russian Lexicoography of the Second Half of the 18th Century (On the Example of Archpriest P. A. Alekseev's "Church Dictionary"). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 1, pp. 64–77.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-64-77

УДК (82–312.1)

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-78-87

МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

Алешина Л. Н., Зайцева И. А., Торосян А. С.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Исследовать мифопоэтическую картину мира романа Е. Водолазкина «Лавр».

Процедура и методы. Содержание исследования составляет анализ сюжетной схемы обряда инициации, организации мифопоэтического хронотопа, мифологемы гибели / воскресения, мотива сна и видения. При анализе текста используются структурно-семиотический и историко-литературный методы, а также метод мотивного анализа.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о роли мифологических образов, сюжетов и мотивов, включённых в художественную структуру романа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в расширении представлений о творчестве Е. Водолазкина, выявлении мифологических компонентов, структурирующих художественный мир писателя. Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы и выводы данной научной работы могут быть использованы при разработке общих курсов по истории новейшей русской литературы, а также в процессе подготовки и чтения спецкурсов, посвящённых изучению творчества Е. Водолазкина.

Ключевые слова: миф, время, пространство, мотив пути, обряд инициации, мотив сна

THE MYTHOPOETIC PICTURE OF THE WORLD IN THE NOVEL BY E. VODOLAZKIN «LAURUS»

L. Aleshina, I. Zaytseva, A. Torosyan

Financial University under the Government of the Russian Federation 49 Leningradsky prosp.,

Moscow 125993, Russian Federation

Abstract.

Aim. The purpose of this article is to study the mythopoetic picture of the world of the novel E. Vodolazkin "Laurus".

Methodology. The article analyzes the plot scheme of the initiation rite, the organization of the mythopoetic chronotope, the mythologeme of death/resurrection, the motif of sleep and vision. The text is analyzed using structural-semiotic and historical-literary methods, as well as the method of motivic analysis.

Results. The research results allowed us to draw a conclusion about the role of mythological images, plots, and motives included in the artistic structure of the novel.

Research implications. The theoretical significance of the study is to expand the understanding of the work of E. Vodolazkin, identifying the mythological components that structure the writer's artistic world. The practical significance of the research is that the materials and conclusions of this research work can be used in the development of General courses on the history of modern Russian literature, as well as in the process of preparing and reading special courses devoted to the study of the work of E. Vodolazkin.

Keywords: myth, time, space, path motive, initiation rite, dream motive

Введение

Роман Е. Водолазкина «Лавр» представляет собой яркий пример того, как в художественном произведении скрывается миф. В исследовательских работах, посвящённых творчеству русского писателя, авторы отмечают его стремление к упразднению времени и постижению вечности [2; 3; 4]. Сам Е. Водолазкин обозначил жанр своего произведения «Лавр» как неисторический роман. В этой связи особый интерес вызывает исследование художественного произведения писателя в рамках мифопоэтического подхода, так как именно миф стал для писателей XX–XXI вв. «средством к тому, чтобы преодолеть малый, «локальный» историзм и перейти к макроисторическим и даже метаисторическим масштабам» [3, с. 8].

В качестве мифологической основы повествования могут выступать как отдельные архетипы, древнейшие тексты, античные и библейские мифы, так и сюжеты, образы истории и мировой литературы, которые стали в сознании современного человека универсальными обобщениями. По мнению российского филолога, специалиста в области семиотики культуры В. Н. Топорова, универсальные мифопоэтические схемы максимально полно реализуются в архаических текстах космологического содержания, которые описывают решение некоей задачи (или сверхзадачи), «от которой зависит всё остальное». Подчёркивается, что необходимо решать эту задачу особенно в ситуации кризиса, «когда организованному, предсказуемому («видимому») космическому началу угрожает превращение в деструктивное, непредсказуемое («невидимое»), хаотическое состояние». В. Н. Топоров утверждает, что решить подобного рода задачу можно

только в сакральном центре пространства, «противостоящего профаническому пространству» [8, с. 194].

Мифологическая реальность проявляется в организации времени и пространства, в системе персонажей и образов. Для дальнейшего исследования важными элементами, организующими мифопоэтическое пространство, будут являться мифологема пути и основополагающие для мифологической картины мира оппозиции внешнего – внутреннего, центра – периферии, верха – низа, левого – правого, далёкого – близкого, живого – мёртвого, личного – народного, мгновенного – вечного, вертикали – горизонтали. Особенностью организации пространства в романе «Лавр» является его сакрализация: герой движется от периферии к центру, вертикально – снизу вверх.

Осмысление мифопоэтической структуры художественного произведения невозможно без рассмотрения категории времени. Как отмечает Е. М. Мелетинский, «первичное мифическое время – очень важная категория мифологической мысли. ... Это время предков, культурных героев, от которых все зависит, время *первых* вещей, установления космического и социального порядка. В более поздних мифах и в эпосе мифическое время превращается в *золотой век* или героическое время» (курсив автора) [6].

Исследователи в области мифологии подчёркивают двойственную природу времени в архаическом сознании. С одной стороны, время сакрально и является основой возникновения космогонических мифов, в центре которых идея о происхождении космоса (время начала мира) из хаоса (отсутствие времени); с возникновением мира появляется время, опре-

деляющее судьбу мира и человеческую историю. С другой стороны, существовало представление о природном, календарном времени, необходимом в повседневности и обеспечивающем историческую память. Ещё одной важнейшей особенностью мифологического времени является персонификация его свойств. В греческой мифологии главенствующим божеством является именно бог времени Кронос (в римской мифологии – Сатурн).

Сакральность мифологического времени проявлялась в его повторяемости, цикличности. В архаическом сознании время воспринималось через регулярное чередование явлений природы: дня и ночи, лета и зимы, рождения и смерти. Природный и человеческий миры при этом отождествлялись.

С представлением о времени связаны и эсхатологические мифы, т. е. сюжеты о конце мира, опустошении и сокращении пространства, исчезновении и гибели человечества. Космогония и эсхатология, борьба Космоса и Хаоса являются основными мотивами мифологической картины мира.

Мифологические истоки художественной картины мира романа Е. Водолазкина «Лавр»

Наряду с перечисленными особенностями архаического сознания стоит выделить важнейшие структурообразующие элементы мифопоэтических текстов – это мотив перевоплощения и обряд инициации.

Перевоплощение является важнейшей особенностью первобытного мышления: времена Метаморфоз представляют собой эпоху архаического мировоззрения, которое основано на представлениях о «нечётких» множествах. Их членами могут быть как боги, люди, животные, так и неодушевлённые предметы, при этом метаморфоза даёт возможность осуществлять переход из одной ипостаси в другую.

Инициация, или посвящение выступает в качестве необходимого условия для вхождения в миф. Инициация – духовное рождение и становление героя. В. И. Тюпа

выделяет четыре фазы, из которых складывается сюжетная схема обряда инициации: фаза ухода (расторжение прежних родовых связей индивида) – фаза символической смерти – фаза символического пребывания в стране мёртвых (умудрение, приобретение знаний и навыков взрослой жизни, накопленных предками) – фаза возвращения (символическое воскресение в новом качестве). При этом исследователь отмечает, что не каждый сюжет строится по эксплицированной модели, однако применение анализа в рассмотрении сюжетно необычного текста через призму «мирового сюжета» о воцарении пришельца даёт возможность глубже понять конструктивное и смысловое своеобразие оригинального сюжета [9, с. 58].

Сюжет романа организуют также мифологема мирового древа, сюжетная схема гибели/воскресения, мотив сна (видения), а также городская мифология.

Образ дерева является центральной мифологемой в архаическом сознании и символизирует мироздание. В мифопоэтическую эпоху мировое древо имело значение посредствующего звена между Вселенной и человеком, между макрокосмом и микрокосмом. Оно также отделяло космос от хаоса, вводя в космос меру, организацию.

Дальнейшее исследование позволит говорить о том, что Е. Водолазкин обращается к мифу не как к выдумке или части языческого культа, а как к особой форме сознания, которая наполняет предметы и понятия более сложным и глубоким мифологическим смыслом: каждый цвет, звук, вкус имеют мифические свойства [7].

Анализ романа Е. Водолазкина «Лавр»

Роман «Лавр» состоит из четырёх частей: «Книги познания», «Книги отречения», «Книги пути», «Книги покоя». Эти книги предваряются предисловием – Прологом.

Главным сюжетообразующим элементом в произведении Е. Водолазкина является мотив пути. Роман повествует о средневековом враче Арсении, который

после смерти любимой отправляется в путешествие по миру в поисках ответов на вопросы и искупления вины. Путь Арсения начнется в «Книге отречения» и будет иметь два вектора: вертикальный и горизонтальный. Вертикальное движение героя выражает силу его любви и духовное преображение. Путь по вертикали пролегает от периферии к центру, от земли к небу. Символом этого вектора станет мировое древо. Горизонтальное направление выражает земной опыт и земное познание, а также отношение личности и народа.

О. М. Фрейденберг в своём известном труде «Миф и литература древности» пишет о том, что мотив пути необходимо трактовать не абстрактно, а конкретно, в качестве одного из древних мифологических мотивов, где 'путь', 'дорога' будут означать смерть или перемещение в преисподнюю. Путь к смерти человек должен пройти самостоятельно, ведь именно это даст ему возможность выйти обновлённым, вновь ожить и «спастись» от смерти [10]. Для героя путь – это длительный процесс инициации, каждый этап которого играет важную роль в прохождении человеком главнейших периодов его существования. Каждая стадия инициации имеет сложную пространственную и временную структуру.

Согласно мифологическим представлениям, решение задачи для героя может произойти только в сакральном центре пространства, противостоящем профаническому пространству. Именно это движение к сакральному центру – от гибели (духовной и физической) к воскресению (духовному и физическому) – составляет основу мифологического пути Арсения.

Первая стадия (подобно мифологической фазе ухода) начинается в Книге отречения. История, описанная в предыдущей части романа, говорит о том, что «уход» – это единственный способ для Арсения справиться с потерей Устины. Арсений не просто физически покидает Рукину слободку – место, где он родился, – но как бы исчезает из этого пространства: «Никаких следов Арсения – живого или мёртвого –

слободские не нашли. Может статья, он растаял, яко тает воск от лица огня, подумали они»¹.

Далее начинаются перемещения героя по средневековой Руси. Вместе с Арсением перемещается главная вражеская сила, которой будет противодействовать Арсений, – мор. Эта часть пути связана с активным врачеванием и нахождением героя в пограничном пространстве между миром живых и миром мёртвых: Арсений, воспитав помощников для поддержки живых, начинает заниматься мёртвыми. Покойников со стыдливими гримасами отвозят в скудельницу, с пространством которой связана тема неупокоенности. Она возникает и в эпизоде с захоронением Устины. В скудельнице погребали непокаянных мертвецов, хоронили их без традиционных обрядов, и души их оставались без пристанища.

Постепенно путь Арсения усложняется. Больных становится больше, и Арсению приходится справляться не только с телесными болезнями людей, но и с душевными.

Путь Арсения проходит в неразрывном единстве времени и пространства: наступление нового времени года сопряжено с новым местом пребывания героя.

Первый отрезок пути до прибытия в Белозёрск, где он остановится на определённое время, можно охарактеризовать как переход в символическую смерть – время символического пребывания в стране мёртвых, где он обретает новые знания о лечении больных.

Постепенно усложняются не только образ Арсения, но и организация времени и пространства вокруг него. Он попадает в княжеский город Белозёрск. Описание перехода в новое место насыщено пространственными оппозициями, характерными для мифологического сознания, такими, как левый – правый, близкий – далёкий, расширение – сужение: Арсений видит, как ледяное пространство расширяется, а озеро плавно переходит в город².

¹ Водолазкин Е. Г. Лавр. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 8.

² Там же. С. 31.

События, произошедшие в княжеских палатах, становятся отправной точкой возвышения Арсения, сакрализации его пути. Арсений обретает новые силы. Его лечение всё больше происходит за счёт его собственных сил, обнаружение в себе которых свидетельствует о погружении в собственное бессознательное ради открытия там сверхсознания, Царствия Божия – священного мифа о самом себе и о мире.

В Белозёрске Арсений сталкивается со сложнейшим духовным испытанием. Герой попадает в ситуацию, где у него вновь появляется возможность обрести дом и семью. Закономерно, что автор, описывая пространство дома Ксении, изображает его как место покоя («хороший дом», в котором не было «сиротства и оставленности»¹), где обитает Мать (Ксения) и ангел (Сильвестр): «После перенесенной болезни мальчик был бледен и худ. Прозрачен, почти призрачен. Ангельским крылом из-за его спины торчала складка рубахи. Он улыбался Арсению, не делая попытки приблизиться. Пропуская вперёд свою мать»². Арсению предстоит сделать выбор между любовью к Устине и желанием обрести семейное счастье с Ксенией и Сильвестром.

В описанном выше эпизоде обнаруживается важная особенность романа: события, мотивы и образы в «Лавре» взаимосвязаны друг с другом. Эпизод с принятием родов у Устины Арсением перекликается с принятием родов Лавром у Анастасии. Истории Христофора и его жены, Устины и Арсения, Строева и Александры Мюллер имеют схожую сюжетную структуру. Пространственные образы также взаимосвязаны: жилище Ксении находится у самой границы города, т. е. на периферии, как и дом Христофора, расположенный у кладбищенской ограды. Кроме того, символической деталью является лавка: в обоих жилищах она важная часть домашнего пространства. Образ Арсения, в свою очередь, сливается с образом Христофора: большие

видят в главном герое Христофора, в то же время и Арсений начинает чувствовать себя им.

Следующий этап инициации героя связан с преодолением трудностей и преград во время переправы из Белозёрска в Псков. Е. Водолазкин описывает пограничное пространство, разделённое городскими воротами. Переход из одного места в другое насыщен таинственными и зловеющими образами, один из которых всадник. С его помощью Арсений пересекает границу не только пространственную, но и временную: в данном эпизоде Средневековые и события конца XX в. взаимопроникают друг в друга. В образе Спутника, спасшего Арсения, узнаётся не его современник, а человек совершенно другой эпохи: лексика, которую использует незнакомец (*пададь, кореш*), свидетельствует о том, что он представитель эпохи 90-х гг. XX в. М. М. Бахтин писал: «Чтобы понять мир, нужно сопоставить всё в одном времени, то есть в разрезе одного момента, нужно видеть весь мир как одновременный» [1]. Синтезируя разные жанровые формы (роман-жизне и приключенческий роман), смешивая дискурсы различных периодов истории, помещая героев и события, принадлежащие разным эпохам, в одно пространство, Е. Водолазкин стремится к универсализации картины мира, демонстрации «одновременного мира».

Известно, что многие народы представляли переправу как перемещение в мир мёртвых. Однако мотив переправы имеет и другое значение: он также «символизирует переход в иной социальный статус» [6], т. е. в определённом смысле не смерть физическую, а смерть прежнего человека и возрождение его обновлённого, что, как правило, сопровождается сменой имени. Арсений, находясь в пограничном пространстве между Белозёрском и Псковом, перевоплощается в Устину: «Яко в чуждем телеси пребываю, подумал Арсений»³. Он больше не чувствует холода, потому что

¹ Водолазкин Е. Г. Лавр. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 137.

² Там же. С. 143–144.

³ Там же. С. 169.

«пребывающему в чужом теле» не может быть холодно.

Переход в новое состояние обозначен рядом ритуальных действий: герой теряет одежду и находит новую, соответствующую его новому видению себя в мире; определяет свой новый статус – становится юродивым; принимает обет молчания и впервые говорит о правильности выбранного пути. Арсений лишает себя всяческих удобств, тепла, еды. Приютом юродивого Устина становится кладбище Иоанно-Предтеченского девичьего монастыря, у стен которого стоят два сросшихся дуба.

Такое превращение врача Арсения в юродивого Устина означает, что он снова гибнет, отрекается от мира, чтобы затем возвратиться к жизни. Таким образом, в Пскове реализуется мифологическая схема гибели – воскресения.

Герой пребывает в потустороннем мире, который становится всё более явным и привычным для него. Арсений беседует с душами умерших и приближается к миру мёртвых как никогда. Он видит душу усопшего ребёнка и обращается к ней: *«Послушай, хочу тебя попросить. Если встретишь там мальчика, он еще меньше тебя... Ты его легко узнаешь, у него даже имени нет. Это мой сын»*¹. Арсению необходимо находиться по обе стороны миров. Так он сохраняет связь с Устиной и сыном и в то же время продолжает свой путь.

В Пскове Арсений осуществляет переход от гибели к воскресению несколько раз. Герой подвергается жестокому избиению, что может трактоваться как его гибель. В другом эпизоде Арсений практически замерзает. Этот этап можно соотносить с мифологической фазой инициации героя, которую в соответствии с установленной в этнографии терминологией А. ван Геннепа и В. Тэрнера следует обозначить как *лиминальную* (пороговую) фазу испытания смертью. По мнению В. И. Тюпы, фаза может быть представлена в архаических формах ритуально символической смерти героя, а также в виде по-

сечения им потусторонней «страны мёртвых» [9].

Вместе с героем трансформируется пространство города, оно сакрализуется. Город, изначально разделённый на три части (Завеличье, Запсковье и неназванная третья часть) и не имевший единого центра, с замерзанием рек становится единым пространством. Центром этого пространства становится Иоаннов монастырь – сакральное место. Согласно мифологическим представлениям там находится алтарь, храм, крест, мировое древо, мировая ось, пуп земли, камень, мировая гора или другая высшая персонафицированная сакральная ценность. Для Арсения открывается доступ к любой части города.

В период юродства героя восприятие времени окончательно мифологизируется: для Арсения время останавливается, пребывает в покое и в конце концов упраздняется. Он не видит связи между происходящими событиями и конкретным временем, которое служит для упорядочивания истории: события движутся одно за другим, иногда – в обратном порядке, реже наступают беспорядочно, *«бессовестно путая очередность»*. Время не справляется с таким потоком событий: *«Руководить такими событиями оно отказывалось»*².

В Пскове возникает противопоставление героя и народа. Взрослые жители смеются над ним – дети издеваются. Этот конфликт усилится в конце романа, когда люди, узнав, что Арсений укрывает беременную девушку, потребуют его изгнания. Однако герой не прогоняет Анастасию, а заступается за неё. Его называют грешником и перестают обращаться к нему за помощью. В конфликтных ситуациях Арсений не спорит с народом, не пытается убедить его в своей невиновности. Он ведёт диалог с отдельными людьми, а не с толпой. Для него личное важнее общего.

В «Книге Пути» появляется важная фигура – провидец и преданный друг Арсения итальянец Амброджо Флеккиа. Появление этого персонажа связано с вплетением в

¹ Водолазкин Е. Г. Лавр. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 187–188.

² Там же. С. 205.

художественную канву романа мотива видения и сна. Амброджо видит прошлое, настоящее и будущее. Для него нет временных и пространственных границ. Истории людей, которых он видит в будущем, не понятны ему, но он осознаёт причину этих видений: Амброджо понимает, что события, свидетелем которых он становится, не просто касаются историй отдельных людей, но и в итоге составляют всеобщую историю¹. Мотив видения мифологизирует время в романе: видения Амброджо подобно мифическому времени объединяют прошлое, настоящее, будущее в единый цикл повторяющихся событий.

После 14-летнего пребывания в Пскове Арсений вместе с Амброджо отправляется в конечную точку своего путешествия – Иерусалим. На этом этапе сюжетные линии обоих персонажей соединяются, две части становятся целым: несмотря на то, что Арсений и Амброджо – представители разных конфессий (православие и католицизм), Фома выбирает именно их для поездки в Иерусалим, так как «оба *настоящие*» и стремятся к одному Господу. По мнению Фомы, именно несходство героев поможет им осуществить их миссию. Сквозь весь роман проходит мысль о недостающей части целого в жизни героев. В этом кроется причина их несчастья. В Амброджо Арсений обретает эту целостность.

Арсений проходит очередной самый насыщенный этап инициации – путешествие по реке Великой, искушение женой корчмаря, пребывание в киевском замке, пребывание в Венеции, морское путешествие, испытание смертью в городе Зары и, наконец, прибытие на восток.

Подробнее остановимся на пребывании героев в Венеции. В этом эпизоде реализуется миф о городе-призраке. Пространство города насыщено мотивами миражности, зеркальности, которые связаны с природными и архитектурно-ландшафтными особенностями Венеции: «*Призрачный город был создан для того, чтобы в нём исче-*

зать. Растворяться в дожде»². Венеция – город, в котором легко потеряться. Арсений не чувствует не только времени, но и пространства.

Блуждая по городу, главный герой сравнивает свои ощущения с пребыванием в Белозёрске и в Пскове, противопоставляет родное «ощутимое пространство» (леса, поля, ледяная пустыня Белоозера, деревянные улицы Пскова) с «неощутимым безвременным пространством» воды и камня Венеции. Чувство миражности пропадает лишь с появлением дождя, материализующим города.

Стоит отметить, что пространство Венеции схоже с петербургским пространством, которому посвящена фундаментальная работа В. Н. Топорова «Петербург и "Петербургский текст русской литературы"». Вот что пишет о городе исследователь: «И призрачный миражный Петербург («фантастический вымысел», «сонная грёза»), и его (или о нём) текст, своего рода «грёза о грёзе», тем не менее принадлежат к числу тех сверхнасыщенных реальностей, которые немислимы без стоящего за ними целого и, следовательно, уже неотделимы от мифа и всей сферы символического» [8, с. 259].

Существенную часть времени в Венеции герои проводят во сне. Сны сняты Арсению, Амброджо, Гуго. Во сне Амброджо видит одновременно происходящие в городе Орле события 1951 и 2012 гг. Во время путешествия по морям перед ним откроется картина проплывающего парохода Соловецкого монастыря «*Вера*». Очередное видение появится на Востоке, где он увидит колокольню Петропавловского собора и промышленного альпиниста Альберта Михайловича Тюнккюнена, который в тот же миг увидит Амброджо. Видения Амброджо и других персонажей актуализуют мифологическое время, в котором любой объект и любое событие существовали одновременно в прошлом и будущем: «...с высоты 122 метров Альберту Михайловичу было видно

¹ Водолазкин Е. Г. Лавр. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 233.

² Там же. С. 313.

многое – Заячий остров, Петербург и даже страна в целом. Ему было видно и то, как в далекой Палестине не позолоченный, а вполне реальный ангел возносил к небу душу итальянца Амброджо»¹.

Последний этап пути к Иерусалиму – путешествие по Иоппии, которое заканчивается описанием смерти Амброджо. Завершается очередной цикл инициации Арсения.

Заключительная часть романа – «Книга покоя» – повествует о возвращении героя в Псков, а затем в Кириллов монастырь. Путь Арсения закольцовывается – он видит места, в которых бывал много лет назад, и вспоминает скорбные события своей юности. Арсений проходит последнюю стадию инициации, в которой вновь меняет свой статус – постригается в монахи, получая имя Амвросия, и затем входит в конечную фазу преображения, становясь в схиме Лавром. «Второе рождение» (постриг) сопровождается возвращением героя к прежним местам, к покою, где утверждается его новое жизненное качество. Он заканчивает вертикальный путь: *«Я долго познавал мир и накопил его в себе столько, что дальше могу познавать его внутри себя»*².

Время воспринимается героем циклично, подобно представлениям о природном, календарном времени в архаическом сознании: Лавр теряет счёт времени, которое устремлено вперёд. *«Теперь он чувствовал только время круговое, замкнутое на себе, – время дня, недели и года»*³. Таким образом, он стремится к преодолению исторического времени.

В конце романа Арсений (получивший имя Лавра⁴) символизирует мировое древо – важнейший архетип, встречающийся во

многих культурах, соотносящийся с небом (ветви) и с земным миром (кора). Мировое древо обозначает сакральный центр мира и круговорот жизни. Герой в романе не раз уподобляется дереву: *«Он прорастает сквозь Устину ... слезы летят с его щёк в разные стороны, прорастая на обочинах разными неброскими растениями ... »*, а его смерть «знаменует вечную жизнь» и окончание пути духовного совершенствования. Лавр умирает, прислонившись к сосне. Все вокруг умиротворено: тело Лавра пронесут сквозь толпу в абсолютной тишине, после чего *«на краю зеленого луга его кладут в траву. Трава мягко обтекает Лавра, выражая готовность принять его целиком, поскольку они друг другу не чужие»*⁵.

Смерть Лавра окончательно закольцовывает события, происходящие в романе. Финальный эпизод, в котором он принимает роды у Анастасии, и последующая смерть героя сюжетно повторяет его встречу с Устиной, но в то же время имеет важные отличия: замкнутое пространство дома противопоставлено открытому пространству природы. Чувства и переживания, которые он испытывает в момент приближения родов Анастасии, имеют теперь совершенно иную природу: он готов сделать всё для сохранения жизни Анастасии и ребёнка, в отличие от ситуации с Устиной, когда он побоялся позвать повитуху, что стало причиной её гибели.

Заключение

Обнаружение и интерпретация особенностей мифологического мышления, анализ отдельных мифологем и архетипичных сюжетов позволяют говорить об особом типе авторского видения, свободного от рамок рационального, исторического, реалистичного повествования.

Особенностью организации пространства в романе «Лавр» является его сакрализация: герой движется от периферии к центру, вертикально – снизу вверх.

¹ Водолазкин Е. Г. Лавр. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 352.

² Там же. С. 398.

³ Там же. С. 412.

⁴ В раннем христианстве вечнозеленые листья лавра считались символом вечной жизни или новой жизни, которая наступит благодаря искупительным деяниям Христа, а венок из лавра символизировал мученичество; в древнегреческой культуре лавр олицетворял победу и мир и был посвящён Аполлону и Дионису.

⁵ Водолазкин Е. Г. Лавр. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 208, 439.

Мифологемы мирового древа, гибели / рождения, сна (видения), а также городская мифология организуют сюжет «Лавра». Одной из сторон реализации мифологической схемы гибели / воскресения становится отсутствие чёткой границы между миром живых и мёртвых.

Сюжет романа имеет циклический характер, являющийся неотъемлемой чертой

мифологической последовательности событий.

Ключевое значение в «Лавре» имеет инициационный аспект, так как весь жизненный путь Арсения представляет собой сплошную инициацию и посвящение, которыми пронизаны все основные элементы повествования.

Статья поступила в редакцию 01.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике [Электронный ресурс]. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (дата обращения: 27.11.2020).
2. Бочкина М. В. Отражение средневековой концепции времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 3. С. 475–483.
3. Максимов Д. Е. О мифопоэтическом начале в лирике Блока (Предварительные замечания): Блоковский сборник III // Учёные записки Тартуского государственного университета. 1979. Вып. 459. С. 3–34.
4. Махинина Н. Г., Сидорова М. М. Историческое время в романе Е. Водолазкина «Лавр» (к постановке проблемы) // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 271–274.
5. Махинина Н. Г., Сидорова М. М. Мифологема смерти / рождения в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Филология и культура. 2017. № 2 (48). С. 174–178.
6. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=250789&p=1> (дата обращения: 27.11.2020).
7. Лосев А. Ф. Диалектика мифа [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/dialektika-mifa> (дата обращения: 27.11.2020).
8. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс: Культура, 1995. 624 с.
9. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. 336 с.
10. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности [Электронный ресурс]. URL: <https://bookree.org/reader?file=1346000> (дата обращения: 27.11.2020).

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane: Ocherki po istoricheskoi poetike* [Forms of time and chronotope in the novel: Essays on historical poetics]. Available at: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (accessed: 11.27.2020).
2. Bochkina M. V. [Reflection of the medieval concept of time in the novels by E. Vodolazkin “Laurus” and “Aviator”]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN journal of studies in literature and journalism], 2017, no. 3, pp. 475–483.
3. Maksimov D. E. [On the mythopoetic beginning in Blok]. In: *Ucheenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly Notes of the Tartu State University], 1979, no. 459, pp. 3–34.
4. Makhinina N. G., Sidorova M. M. [Historical time in the novel “Laurel” by E. Vodolazkin (to the problem statement)]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2016, no. 2 (44), pp. 271–274.
5. Makhinina N. G., Sidorova M. M. [Mythologem of death / birth in the novel by E. Vodolazkin “Laurel”]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2017, no. 2 (48), pp. 174–178.
6. Meletinskiy E. M. *Ot mifa k literature* [From myth to literature]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=250789&p=1> (accessed: 11.27.2020).
7. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/6/dialektika-mifa> (accessed: 11.27.2020).
8. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic]. Moscow, Progress, Culture, 1995. 624 p.

9. Туупа V. I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of literary text]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 336 p.
10. Freidenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Ancient myth and literature]. Available at: <https://bookree.org/reader?file=1346000> (accessed: 11.27.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алешина Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ;
e-mail: laura_70@bk.ru

Зайцева Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ;
e-mail: IAZajtseva@fa.ru

Торосян Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ;
e-mail: anna-torosyan@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa N. Aleshina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages and Cross-cultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: laura_70@bk.ru

Irina A. Zajtseva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages and Cross-cultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: IAZajtseva@fa.ru

Anna S. Torosyan – Cand.Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Cross-cultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: anna-torosyan@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алешина Л. Н., Зайцева И. А., Торосян А. С. Мифопоэтическая картина мира в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 78–87.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-78-87

FOR CITATION

Aleshina L. N., Zajtseva I. A., Torosyan A. S. Mythopoetic Picture of the World in E. Vodolazkin's Novel "Laurus". In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021. no. 1. pp. 78–87.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-78-87

УДК (821.161)

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-88-98

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ТОЧКА РАВНОДЕНСТВИЯ» КАК ЭТАПА УТВЕРЖДЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ГЕРОЯ

Маркова А. С.¹, Мамукина Г. И.², Минова М. В.²

¹ Российский государственный гуманитарный университет
125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация

² Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
115054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Актуализировать в литературоведческом научном обороте категорию «точка равноденствия», произвести анализ произведений Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и М. Горького «Голубая жизнь». Выявить взаимосвязи интенций героев-личностей в «точке равноденствия» с благородным делом и самотрансценденцией.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет сопоставительный анализ художественных произведений с целью определения «точки равноденствия» как архитектурно-значимого компонента структуры. Так как герои разбираемых произведений являются субъектами композиционной структуры, можно сказать, что для понимания целостности произведения и роли в нём «точки равноденствия» мы ориентируемся на диалог как на метод, предложенный М. М. Бахтиным.

Результаты. По итогам исследования установлена взаимосвязь произведений в изменении повествовательной точки видения и разрешении архитектурного целого с помощью «точки равноденствия». «Точка равноденствия» являет собой рубеж перехода от характера к личности; и от личности — к характеру. Выявлена потребность героя-личности в самотрансценденции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование подтверждает, что смыслообразование и самотрансценденция являются необходимыми качествами героя-личности. Обобщение особенностей нарратива Л. Н. Толстого и М. Горького при создании ими образа героя-личности, находящегося в процессе самотрансценденции, позволяет прийти к выводам, что проблема преодоления экзистенциального кризиса являлась одним из важнейших вопросов на рубеже конца XIX – начала XX вв., её разрешение предлагается через максимальное сближение героя и читателя посредством «точки видения» и несобственно-прямой речи; что, в свою очередь, позволяет говорить о диалоге как о методе художественного отображения внутреннего мира произведения. Данное исследование позволяет провести параллель между творческой деятельностью классиков отечественной литературы.

Ключевые слова: голубой цветок, «Смерть Ивана Ильича», «Голубая жизнь», самотрансценденция, «точка равноденствия»

ACTUALIZATION OF THE “EQUINOX POINT” CATEGORY AS A STAGE OF ASSERTING THE HERO’S SUBJECTIVITY

A. Markova¹, G. Mamukina², M. Minova²

¹ Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya pl. Moscow 125993, Russian Federation

² Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyanniy per., Moscow 115054, Russian Federation

Abstract.

Aim. To actualize the category "equinox point" in the literary, scientific turnover, to analyze the works of L. Tolstoy "The Death of Ivan Ilyich" and M. Gorky "Blue Life". To reveal the relationship of the heroes-personalities' intentions at the "point of the equinox" with a noble deed and self-transcendence.

Methodology. The primary method of work is a comparative analysis of works of art to determine the "equinox point" as an architectonically significant component of the structure. Since the heroes of the works being analyzed are subjects of the compositional structure, we can say that to understand the work's integrity and the role of the "equinox" in it, and we focus on dialogue as a method proposed by M. Bakhtin.

Results. The interrelation of works is established in changing the narrative point of view and resolving the architectonic whole with the "equinox point." The "equinox point" is the boundary between character and personality, and from personality to character. The need for the hero-personality for self-transcendence is revealed.

Research implications. The study confirms that the formation of meaning and self-transcendence is a necessary quality of the hero-personality. The generalization of the features of L. Tolstoy and M. Gorky, when they create the image of a hero-personality in the process of self-transcendence, allows us to conclude that the problem of overcoming an existential crisis was one of the most important issues at the turn of the late 19 – early 20th centuries, its solution is proposed through the maximum rapprochement of the hero and the reader through the "point of view" and improperly direct speech; which in turn allows us to speak of dialogue as a method of artistic reflection of the inner world of a work. This study makes it possible to draw a parallel between the creative activities of Russian literature's classics.

Keywords: Blue flower, "Death of Ivan Ilyich", "Blue life", self-transcendence, "equinox point"

Введение

Актуальность смыслообразования как важнейшего вопроса личности и общества в целом невероятно высока. В связи со становлением нового течения метаподернизма как «глобального явления» [9, с. 90] ответ на него уже выходит, как отмечают И. В. Абакумова, М. В. Годунов, Д. А. Гурцкой, за предложенные А. Маслоу границы самоактуализации и рассматривается различными социальными науками с точки зрения необходимой самотрансценденции [1, с. 186].

Именно самотрансценденция, по мнению исследователей, способна предоставить личности ресурсы для преодоления экзистенциального кризиса, который неизбежно является следствием осознания конечности бытия и переоценки ценностей. Ссылаясь на А. В. Васенкина, они говорят о двух возможных исходах преодоления этого порогового состояния. Неблагоприятный исход преодоления порогового состояния ведёт к отрицанию морали, которое приносит страдание и приводит к отчуждённости. Вследствие

этого возможно появление суицидальных настроений, отсутствия воли, враждебности, «саморазрушения и деструктивного поведения» [1, с. 187; 5]. Положительный исход преодоления порогового состояния, напротив, способствует самотрансценденции, личностному росту, открывает новые горизонты, позволяет найти парадоксальный выход из, казалось бы, безвыходной ситуации и такое осознание своей жизни, когда «путь становится духовной категорией» [1, с. 187; 5].

То, что психологи называют пороговым состоянием, в теории литературы принято определять как *точку равноденствия*. Термин предложен Н. Д. Тмарченко для определения перехода персонажа литературного произведения от «характера» к личностному «я». Однако так же, как в объективной реальности, переход возможен и в обратную сторону. Рассмотреть оба варианта представляется существенным, так как такой анализ позволит определить значимость «точки равноденствия» для построения архитектурного целого.

Для анализа выбраны повесть «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого и рассказ «Голубая жизнь» М. Горького. Выбор данных работ обусловливается схожестью стилистического обрамления *точки равноденствия* – неожиданным изменением видения нарратора, а также инструментов категоризации для изменения фокализации «в зависимости от выбранной точки зрения» [14, с. 347].

Точка равноденствия становится центральным событием обоих произведений, что позволяет предположить, что она является ключевым элементом архитектоники, «воззрительно-интуитивно необходимого» [3, с. 70] исследуемых работ. Данную мысль подтверждает и то, что *точка равноденствия* является необходимым этапом становления героя, именно вокруг которого, по мысли М. М. Бахтина, архитектурно выстраивается завершённое целое.

Обрисовка дохарактера и характера в повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича»

Работа над сравнительно небольшим для Льва Николаевича текстом заняла четыре года. Как известно, у героя был вполне реальный прототип. Поражённый судьбой своего близкого знакомого И. И. Мечникова, Л. Н. Толстой решает найти ответ на вопрос о смысле жизни, который преследовал больного. Автор старается объяснить парадокс, почему беспечное и вполне благополучное существование оценивается человеком, находящимся в экзистенциальном кризисе, как бесцельное, не имеющее смысла.

Для осуществления задумки писателю была необходима принципиальная отчуждённость персонажа, его духовное одиночество, которое должно ощущаться читателем сразу же, с первых строк произведения.

И что может сильнее выразить чувство отчуждения, чем не объявление о трагической кончине? Инстинктивно читатель отстраняется от объекта повествования,

точно так же, как это подчёркнуто делают другие персонажи произведения. Узнав о смерти своего сотоварища, каждый из них чувствует некоторое, сокрытое глубоко внутри облегчение, что страшная участь постигла кого-то другого, но не его. Эти мысли напоминают гул, передаваемый автором через несобственно-прямую речь. Можно сказать, что происходит сближение повествователя с персонажами настолько, что слышится их общее, единое, «хотя и скрытое в данный момент от героев, слово» [13, с. 247; 12, с. 33]. Этот гул крайне неприятен. Так как читателю кажется, что и его скрытый голос звучит в этой многоголосице. Казалось бы, на этом следует ставить точку. Автор же начинает с этого повесть, прекрасно понимая неловкость своего читателя, который, пытаясь преодолеть силу откровенно звучащего торжества собственной жизни и мучительного страха это торжество утратить, вместе с коллегами по службе Ивана Ильича вынужден исполнять «очень скучные обязанности приличия»¹.

Однако через угнетённую отстранённость вдруг прорывается живое сострадание, и это меняет тональность произведения, обнажает истинные эмоции персонажей, раскрывает их суть. И делает читателя сопричастным личностной трагедии совершенно незнакомого ему героя. Такое сближение происходит благодаря изменению *точки видения* повествователя. От объективной речи автор вдруг переходит на несобственно-прямую речь, на выражение мыслей и чувств близкого знакомого покойного Петра Ивановича. Тот с тяжёлым сердцем едет на панихиду к вдове коллеги. Уже знает, какие общие слова утешения должен сказать. Но вдруг, узнав о страданиях своего давнего приятеля, которого он знал ещё с юности, явно представляет его себе, как живого. Это неожиданное откровение, передающееся и читателю, как будто срывает маски со всех окружающих, ломает театральные декорации и заставляет увидеть действительность такой,

¹ Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 197.

какая она есть. Пётр Иванович обнаруживает «неприятное сознание своего притворства и притворства этой женщины»¹, Прасковьи Фёдоровны, вдовы.

Страшная догадка, что никто, и даже сам Петр Иванович, не застрахован от того, что его может постигнуть участь коллеги, заставляет героя поскорее управиться с делами, дать вдове денег, на которые та откровенно намекала, и поскорее выйти на свежий воздух. Эпизод заканчивается тем, что Петр Иванович решает ехать играть в карты, чтобы почувствовать себя живым.

Как мы видим, смещение точки видения в самом начале произведения делает повествование крайне интимным, заставляет преодолеть отстранённость, заданную автором с первых же строк произведения, но лишь затем, чтобы показать притворство и жадность персонажей, но не ради их обличения. В спокойном повествовательном изложении не чувствуется сатира, только давящая, навязчивая мысль необратимости времени и неизбежности конца. Автор раскрывает перед читателем неприглядную сторону сознания героев, но не столько для их разоблачения, сколько для «саморазоблачения» [13, с. 246]. И эта предельная, интимная откровенность заставляет читателя заглянуть в глубины собственной души.

Страх и сострадание, опосредованные глазами персонажа, готовят читателя к встрече с главным героем.

Со следующего фрагмента и до завершения повести центр повествования смещается на фигуру Ивана Ильича. Автор последовательно разворачивает перед читателем умеренно-спокойно жизнеописание ключевой фигуры произведения. Мы видим, что Иван Ильич находит удовольствие в маленьких и приличных радостях: во вкусной еде, приятном обществе, игре в карты и танцах.

И за этой умеренной и размеренной жизнью не скрывается никаких душевных порывов, поисков или высоких стремлений. Главный интерес сосредоточен на

благополучии семьи и аккуратном исполнении служебных обязанностей. Иван Ильич служит в судебном учреждении и не вдохновлён своей работой, видит в ней общественную значимость, просто исполняет её, не забывая при этом о том, каким предстаёт он в глазах общества.

Л. Н. Толстой для описания службы Ивана Ильича использует слова и словосочетания с подчёркнуто положительной, почти приторно-слащавой, коннотацией: «приятно», «немалую приятность», «дружное», «хорошее», «весело», «жалованье было большое», «быстро и тонко соображая», «всегда был в выигрыше»². Не остаётся сомнений, что Иван Ильич живёт счастливой жизнью.

Но можно ли назвать счастливой ту жизнь, которая прожигается как бы в забытьи, в сладком тумане, без участия воли, глубоких устремлений и искренних чувств? Даже в этой «идеальной» жизни чувствуются некоторая локализованность происходящих событий, ограниченность, душная несвобода.

Многие исследователи обращают внимание на фразу, которой открывается второй фрагмент повести и линии Ивана Ильича. Л. Н. Толстой пишет, что жизнь его героя была «самая простая и обыкновенная и самая ужасная»³?

А. Е. Ефименко, анализируя произведение, отмечает, что ужасным существование Ивана Ильича стало вследствие постигшей его болезни, лицемерия родных и разоблачения «великого обмана, которым оказалась вся его жизнь» [8, с. 37–38].

Е. Г. Данилова видит проблему в предельном одиночестве персонажа, которое «раскрывается через систему сенсорных кодов» [6, с. 53–58]. Л. Н. Толстой предельно точно описывает состояние Ивана Ильича, когда тот постепенно теряет радость от того, что раньше наполняло приятностью его жизнь. Герой не может есть, не чувствуя неприятного вкуса во рту, не находит утешения ни в работе, ни в картах. Коллеги, чувствуя действие болезни,

¹ Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 197.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 206.

отстраняются от него, родные настолько поглощены собственными мелкими заботами, что не замечают серьёзности ситуации, врачи высмеивают. Никто, кроме Герасима, простого крестьянина, не способен проникнуться сочувствием к страдающему человеку.

Однако заметим, что определение «самой ужасной» жизни появляется в самом начале жизнеописания, задолго до трагического падения Ивана Ильича на лестницу, которое привело к болезни.

Надо полагать, что ужас, о котором пишет Л. Н. Толстой, скрывается не только в личной трагедии героя, но и в бессмысленном и пустом существовании, в гедонизме, которому придаётся светское общество. Поэтому к такой жизни подбирается два сильных эпитета: «самая обыкновенная» и «самая ужасная».

Иван Ильич, на первый взгляд, становится жертвой обстоятельств. Но для разрешения целого эти обстоятельства не случайны. Читатель понимает, что жертва эта была принесена ради удовольствий, которые Иван Ильич находил в маленьких обедах, игре в карты и танцах. Он хотел соответствовать обществу, даже чуть-чуть быть выше сотоварищей, поэтому пристальное (можно сказать, мещанское) внимание к предметам интерьера и тщеславие становятся причиной трагедии.

Подготавливая к ней читателя, Л. Н. Толстой использует часто применяемый им в произведениях, где речь идёт о проступке и грехе (вспомним рассказ «Упустишь огонь – не потушишь»), кумулятивный эффект. Подробное и обстоятельное описание быта героя, даже с замечаниями о причинах ссор с женой (например, из-за конфет и тортов для одного из обедов), его суждение о *comme il faut*¹ и приличном, а также то, что герой получает хорошее место, которое дела-

ет его выше его товарищей, – ведёт читателя к острому сюжетному повороту.

Читатель уже знает окончание этой истории. Но находится в напряжении, чувствует беспокойство, так как страшная беда постигнет героя в самое неподходящее время – в момент триумфа, радости, реализовавшихся планов, благополучия и состоятельности.

Однако, если бы в произведении не было этого поворота, если бы жизни и здоровью героя ничего не угрожало, читать повесть становилось бы невозможно.

Иван Ильич до своей болезни не может называться героем произведения. Эта фигура представляет собой *дохарактер*, потому что не отделяет как-то себя от общества. Он существует в рамках предложенных норм и руководствуется только эстетическими принципами в принятии решений. Иван Ильич даже не имеет представления о себе самом, так как никогда не задаётся вопросом о смысле жизни. Однако течение болезни кардинально меняет ситуацию, он осознаёт себя как «совсем, совсем особенное от других существо» [13, с. 248] и начинает личностно развиваться.

Точка равноденствия как этап становления героя-личности

Переход от дохарактера к характеру довольно длительный, и какой-то рубежной границы здесь выделить сложно. Эта перемена длительная и происходит в силу усугубления состояния персонажа и его отчуждённости от мира. Рефлексия заставляет его обратиться к фундаментальным духовным основам, вспоминать уроки силлогизма, сопоставлять себя с Каем.

И Л. Н. Толстой снова использует приём изменения точки видения, который заставляет читателя ощутить предельную близость с героем произведения. На сей раз чувствуя не смущение и неловкость, а неприкрытое отчаяние: «И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами,

¹ *Comme il faut* – фр. как надо, как следует. Л. Н. Толстой образует прилагательное, добавляя русский суффикс и окончание. Слово приводится в таком варианте, в каком встречается в повести «Смерть Ивана Ильича». Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 210.

мыслями, – *мне это другое дело*¹ (курсив наш. – А. М., Г. М., М. М.).

Автор в этом произведении до жестокости последователен. Он старательно избражает все мучения своего героя, даёт, а затем отнимает надежду на исцеление, заставляет пережить сначала скучающее безразличие родных, а затем и вовсе их глупое предательство (вспомним, как Прасковья Фёдоровна обменивается с доктором лукавыми взглядами, подразумевая, что больной сам виноват в своей болезни, так как плохо лечится). И, наконец, представляет изображение боли, не утихающей ни на миг, даже под воздействием опиума: «Ему казалось, что его с болью суют куда-то в узкий чёрный мешок, и глубокий, и все дальше просовывают, и не могут просунуть»².

Л. Н. Толстой заставляет пройти героя, а вместе с ним и читателя, через все муки, чтобы показать удивительное преобразование, такое важное и решающее для произведения, – значимое не только для разрешения целого повести, но и для нового этапа поэтики художественной модальности. Персонаж художественного произведения перестаёт быть просто явленным характером, который действует в художественном мире, согласно заданным ему установкам. Это уже не просто фигура произведения, не функциональная единица, а *личность*.

И переход к этой стадии возможен только в *точке равновесия*, в которой Иван Ильич «перестает быть *характером* и становится *личностью*, “я” (курсив – А. М.)» [13, с. 248].

Эта точка намечена явно. Для разрешения целого и становления героя как личности используется самотрансценденция как смыслообразующее качество характера: «Жалко их, надо сделать, чтобы им не больно было»³. В стремлении проявить заботу о тех, кто ему близок, Иван Ильич преодолевает экзистенциальный кризис и постигает смысл жизни не в «приятности», а в искренности. Претерпевая страшные

муки, находит в себе силы сострадать боли других.

Точка равновесия, которую герой проходит в самом финале повести, имеет структурную значимость для завершения архитектурного целого. Как ни парадоксально это может прозвучать, но «Смерть Ивана Ильича» – это повесть не о муках и смерти, а о смысле жизни. Л. Н. Толстой дидактически и жёстко раскрывает предел человеческого нравственного и физического страдания, использует изменение точки видения и переход на несобственно-прямую речь, чтобы предельно приблизить читателя к сознанию героя, показать бытие глазами личности и методично сбросить маски «приличия» с представителей светского общества, обнажив истинную суть вещей.

Как и в первом эпизоде, на протяжении всего повествования для решения этой задачи патриарх русской литературы использует внезапные озарения, данные героям: воспоминания, искрение слёзы, страх и злость. И когда, казалось бы, действующему персонажу ничего больше не остаётся, а муки его становятся нестерпимыми, Л. Н. Толстой добавляет главный элемент повествования. Благодаря такой композиции, архитектурным центром которой становится *точка равновесия*, повесть «Смерть Ивана Ильича» выводит на литературную сцену нового героя: героя-личность, героя-человека, способного на духовную трансформацию, самотрансценденцию и на сострадание.

Субъект в рассказ М. Горького «Голубая жизнь»

Если в повести «Смерть Ивана Ильича» *точка равновесия* становится рубежным переходом от характера к личности, в рассказе «Голубая жизнь» М. Горького она служит противоположной цели. Проблема смыслообразования находит новое разрешение в личностном поражении, в морально-нравственной катастрофе персонажа, не способного противостоять чёрствости и наглости.

¹ Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 240.

² Там же. С. 257.

³ Там же. С. 268.

Рассказ «Голубая жизнь», написанный в 1924 г., строго говоря, сложно отнести к реалистической прозе. Как отмечает Е. Г. Белоусова, произведения этого периода, ознаменовавшие новый этап творчества М. Горького, отмечены наличием фольклорных элементов, а также связаны с европейской книжной традицией и национальной духовной культурой [4, с. 26], а следовательно, фабульная основа не может рассматриваться вне литературно-исторического контекста.

Действительность явлена глазами героя с тонкой душевной организацией и нестандартным миропониманием.

Константин Миронов (обратим внимание, что «говорящие имена» как имена-символы» [7, с. 18] создают в рассказе ещё один уровень понимания текста), подобно герою эпохи романтизма, видит конфликт между мирами профанным и священным. Мир идеального видится ему Парижем в «голубом тумане восхищения»¹, а действительность заключается в пыльном, душном провинциальном городке, где под ноги бросают петушиные головы и по улицам гоняют козлов, а основные достопримечательности – церковь и больница для умалишённых.

Ситуация двоemiрия обостряется особым восприятием Миронова, он отказывается «думать» – анализировать и впускать в себя пустую и жалкую действительность, которая пахнет ненавистными ему мочёными яблоками и рыбными пирогами. Обитатели городка не терпят инакомыслия, отрицают возможность существования каких-либо мнений, интересов, полярности точек зрения. Они проживают свои жизни в постоянной перебранке, в грязи и пыли. Миронов не желает быть причастным к такому миру, ему остаётся лишь созерцать голубое небо и грезить городом своей мечты.

Однако двум встречам суждено определить судьбу героя, раскрыть в нём качество самотрансценденции, но затем подвести к точке равноденствия, где личность утрачивает свои черты и становится характером.

Влияние двух персонажей, Лизы Розановой и Каллистрата, которые даже колористически противопоставлены друг другу голубым и розовым (имеющим отрицательную коннотацию в произведении) цветами, представляют собой борьбу двух начал: небесного и земного, возвышенного и праздного. Мы можем сказать, что здесь наблюдается оппозиция книжной европейской культуры и народно-шутовского миропонимания, последнее благодаря осмыслению через контекст русской духовной культуры представляется демоническим началом.

Лиза Розанова – соседская девушка, которую Миронов давно знает, но никогда не обращал на неё особенного внимания, пока не увидел идущей из церкви в первый день Пасхи. Заворожённо герой наблюдает, как её, одетую в голубое, щедро освещает солнце и провожает праздничный колокольный звон. Важные для героя детали довершают картину: «маленькая, стройная и в то же время пышная, как *необыкновенный цветок*, она была вся голубая, даже в голубых чулках»².

Важно заметить, что М. Горький не только продолжает традицию рецепции и интерпретации символа немецкого романтизма отечественной словесностью (достаточно вспомнить хронологически близких писателю поэтов Серебряного века: Вяч. Иванова, В. Брюсова, А. Блока, Н. Гумилёва, Н. Тэффи), но предлагает своё осмысление данного образа, близкое к первоисточнику.

Голубой цветок в рассказе М. Горького перестаёт быть некой абстракцией, недостижимой мечтой. Он находит зримое отображение в Лизе Розановой, как когда-то нашёл его в Матильде. И, как и в романе Новалиса, становится художественной вариацией женского начала, «воплощает собой архетип Анимы» [11, с. 188].

С этого дня Миронов делает девушку причастной к его мечте. И герой, подобно Генриху фон Офтердингену, решается на поступок. Если для Новалиса это был по-

¹ Горький М. Голубая жизнь // Горький М. Собр. соч.: в 15 тт. Т. 11. М.; Л.: Гослитиздат, 1949. С. 245.

² Там же. С. 245.

иск голубого цветка, то для М. Горького – это строительство и благоустройство дома, стены которого покрашены голубым цветом. Создание маленького рая на земле для своей возлюбленной становится для героя целью, в которой должно реализоваться качество самотрансцендии.

Необычный выбор краски настолько «приводит в замешательство город» [10, с. 120], что голубой дом становится объектом насмешек и вандализма. Соседские мальчишки забрасывают грязью небесно-нежные стены, а отец Лизы, почтенный Розанов (ассоциирующийся со своим одноэтажным кирпичным домом), открыто высказывается о непрактичности голубой краски.

В тот самый момент, когда Константин Миронов не находит себе места от мысли, что сосед никогда не отдаст за него Лизу, на его жизненном пути появляется Каллистрат. Тот ночью дёгтем написал на голубой стене слово «Дом». Миронов застаёт его убегающего, но не ругается, а недоумевает, зачем портить хорошее.

Каллистрат, чьи глаза так блестят в темноте, что «вызывают впечатление укола иглой»¹, объясняет, что сделал это для того, чтобы привлечь внимание. О себе он при этом горделиво заявляет, что его даже судили за его выдумки. Одна из них – наливать керосин в почтовые ящики и кидать зажжённую спичку. Каллистрат считает, что Миронов соревнуется с ним. Однако убедившись в бесхитростности и простодушии Константина, вдруг вызывается ему помочь покрасить дом.

Как отмечает Е. Г. Белоусова, черты Каллистрата узнаваемы, апеллируют к духовному и культурному наследию, заставляя читателя признать этого персонажа частью той силы, что творит «добро», желая при этом зла. М. Горький указывает на детали: босые ноги, неподпоясанная (розовая!) рубаха, остроконечная бородка, хромота, но при этом поразительная ловкость и невесомость, как у тени. Разумеется, содействие такого помощника не может привести к положительному результату. И окончательное, тотальное уни-

тожение и мечты Миронова, и всей его высокой, застенчивой голубой жизни – самое верное основание для уподобления Каллистрата нечистой силе, «сопоставимая в фольклорной традиции с чёртом» [4, с. 27].

В финале рассказа Миронов оказывается в сумасшедшем доме, где проходит трансформация персонажа. Осознавая своё бессилие и бесправность, неспособность противостоять не только ограниченности материальных ценностей, но и не имея воли и сил, чтобы бороться с метафизическим злом, Миронов отказывается от роли личности.

Экзистенциальный кризис субъекта и «точка равенства», обрисовка дохарактера

На уровне текста *точка равенства* явно обозначена изменением видения. Если большую часть произведения повествователь, как невидимый дух, следует за Константином и передаёт читателю все его внимательные и точные замечания, чего бы они ни касались, голубого банта Лизы или босых ног Каллистрата, то теперь, после разговора с главным врачом лечебницы, повествователь исчезает.

Вместо него вдруг появляется рассказчик. История Миронова оказывается известной тому в пересказе врача, который характеризует Константина как «рожа незабвенная»², что уже является неким рубежом, переломным моментом, после которого читатель будет воспринимать персонажа как совершенно новую фигуру в произведении.

Рассказчик встречается с малоприятным человеком, хозяином «Переплётного заведения» Константином Мироновым, который из сложной, тонкой личности становится дохарактером: «он подробно рассказал о ценах материала, о капризах рабочих, о тяжести налогов и о многом другом, что должно было убедить меня (то есть, рассказчика – А. М., Г. М., М. М.) в его бескорыстности»².

Миронов так охотно рассказывает о своём временном помешательстве, к книгам отно-

¹ Горький М. Голубая жизнь // Горький М. Собр. соч.: в 15 тт. Т. 11. М.; Л.: Гослитиздат, 1949. Т. 11 С. 254.

² Там же. С. 291.

сится как к товару, ошеломляет своим прагматизмом, упоминая о суде с Розановым из-за наследства (Лиза стала его женой, но умерла при родах), что у рассказчика появляется острое желание снова свести его с ума.

Для Миронова переход точки равноденствия – это деградация личности и укрепление дохарактера, что осмысливается М. Горьким как личностная и культурная трагедия. В социальном аспекте Миронов утверждается в своём городке, но в моральном, психологическом и духовном планах становится инвалидом.

Однако для рассказа *точка равноденствия* по-прежнему остаётся архитектурно-значимым элементом, определяющим смысловое целое. М. Горький с прискорбием признаёт, что обществу не нужны неординарные личности, для функционирования достаточно исполнять свои функции. Эта идея сближает М. Горького с Е. И. Замятиным, хотя и выражается несколько иначе. Герой не может ни противостоять объективной реальности, ни бороться со злом на более тонком уровне. Это приводит к краху голубой мечты.

Заключение

Точка равноденствия в рассматриваемых произведениях Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и М. Горького «Голубая жизнь» является архитектурно-важным элементом завершённого целого, служит для раскрытия и передачи

авторской интенции для «коммуникации между поэтом (авторами. – А. М., Г. М., М. М.) и читателем» [2, с. 65], для выражения перехода от характера к личности и от личности к дохарактеру. Она связана с выражением и описанием героя-личности как персонажа, способного к самотрансценденции.

Для подведения героя к данному событию обоими авторами используется такая точка видения повествователя, которая воспринимается читателем как предельно близкая, интимная. Л. Н. Толстой использует переход на несобственно-прямую речь, включает неожиданные ретроспективные образы и описание состояния героев. М. Горький уделяет внимание деталям, которые создают контекст и дают внимательному читателю отсылку к европейской литературной традиции и к национальному фольклору, а также заменяет повествователя на рассказчика для ощущения личностного поражения главного героя.

Нарративная точка видения позволяет читателю приблизиться к герою-личности, стать сопричастным его судьбе и даже подойти с ним к «точке равноденствия», адаптировано и контролируемо пережить с героями экзистенциальный кризис. И, возможно, поставить для себя какие-то важные вопросы.

Статья поступила в редакцию 01.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА¹

1. Абакумова И. В., Годунов М. В., Гурцкой Д. А. Самотрансценденция как основа преадаптивной стратегии смыслообразования // Научно-педагогическое обозрение. Томский государственный педагогический университет. 2020. № 3. С. 185–190.
2. Бахнова Ю. А., Чалей О. В. Функции экфрасиса в цикле “*Fantasies Decorative*” О. Уайльда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 10. С. 62–66.
3. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари, 1998. 955 с.
4. Белоусова Е. Г. О роли фольклорно-мифологических элементов в стиле М. Горького («Голубая жизнь») // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2012. Т. 64. № 6 (260). С. 26–29.
5. Васенкин А. В. Что такое экзистенциальный кризис // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 81–86.
6. Данилова Е. Г. Тема одиночества в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Научный форум: филология, искусствоведение и культурология: сборник статей по материалам

¹ Горький М. Голубая жизнь // Горький М. Собр. соч.: в 15 тт. Т. 11. М.; Л.: Гослитиздат, 1949. Т. 11. С. 292.

- I Международной заочной научно-практической конференции. М.: Международный центр науки и образования, 2016. С. 53–58.
7. Долгова Е. Г., Гаврилова Н. А. Имена-символы в английской художественной литературе и способы их передачи на русский язык // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Ю. К. Воробьев. Саранск, 2004. С. 16–19.
 8. Ефименко А. Е. «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого: мотивировки порождения диегезиса. Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы XI Международной научной конференции. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. С. 36–39.
 9. Мамукина Г. И., Маркова А. С. Метамоде́рнизм в концепции А. Е. Чучина-Русова «Единое поле мировой культуры» // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 3 (39). С. 128–138.
 10. Маркова А. С., Мамукина Г. И., Минова М. В. Голубой цветок как символ благородного дела и бессмертия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 1. С. 115–124.
 11. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Своеобразие понимания архетипа «Голубой цветок» другими культурами // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 187–191.
 12. Тamarченко Н. Д. Типология реалистического романа: На материале классических образцов жанра в русской литературе XIX века. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1988. 195 с.
 13. Теория литературы: учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тamarченко, С. Н. Бройтмана. Т. 2. Историческая поэтика. М.: Академия, 2004. 368 с.
 14. Чалей О. В. К вопросу о соотношении концепта и лексического значения слова // Язык, сознание, коммуникация. М., 2014. С. 344–351.

REFERENCES

1. Abakumova I. V., Godunov M. V., Gurtsoy D. A. [Self-transcendence as the basis of the pre-adaptive strategy of meaning formation]. In: *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Tomskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet* [Scientific and pedagogical review. Tomsk Pedagogical State University], 2020, no. 3, pp. 185–190.
2. Bakhnova Yu. A., Chalei O. V. [Functions of ecphrasis in the cycle “Fantasies Decorative” by O. Wild]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2019, vol. 12, no. 10, pp. 62–66.
3. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii. T. 1 Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected works. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow, Russian dictionaries, 1998. 955 p.
4. Belousova E. G. [On the role of folklore and mythological elements in the style of M. Gorky (“Blue Life”)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology series. Art history], 2012, vol. 16, no. 6 (260), pp. 26–29.
5. Vasenkin A. V. [What is an existential crisis]. In: *Sotsial'naya kompetentnost'* [Social competence] 2018, vol. 3, no. 1, pp. 81–86.
6. Danilova E. G. [Loneliness in L. Tolstoy literary text “Death of Ivan Il'yich”]. In: *Nauchnyi forum: filologiya, iskusstvovedenie i kul'turologiya: sbornik statei po materialam I mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Scientific forum: philology, art history and cultural studies. Collection of articles based on the materials of the I International correspondence scientific and practical conference], Moscow, Mezhdunarodnyi tsentr nauki i obrazovaniya Publ., 2016, pp. 53–58.
7. Dolgova E. G., Gavrilova N. A. [Symbolic names in English fiction and how they are transmitted into Russian]. In: *Lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie problemy kommunikatsii: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguistic and extralinguistic problems of communication: theoretical and applied aspects: Interuniversity]. Saransk, 2004. pp. 16–19.
8. Efimenko A. E. [“The Death of Ivan Ilyich” by Leo Tolstoy: the motivation for the generation of diegesis]. In: *Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Materials of the XI International Scientific Conference]. Chita, Transbaikalsk State University, 2018, pp. 36–39.
9. Mamukina G. I., Markova A. S. [Metamodern in the concept of E. A. Chuchin-Rusov “the Unified field

- of world culture"]. In: *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Modern linguistic and methodical-didactic research], 2018, no. 3 (39), pp. 128–138.
10. Markova A. S., Mamukina G. I., Minova M. V. [Blue flower as a symbol of a noble cause and immortality]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2020, no. 1, pp. 115–124.
 11. Markova A. S., Mamukina G. I. [The peculiarity of the understanding of the archetype of the “Blue flower” other cultures]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky], 2019, no. 2, pp. 187–191.
 12. Tamarchenko N. D. *Tipologiya realisticheskogo romana: Na materiale klassicheskikh obraztsov zhanra v russkoi literature XIX veka*. [Typology of the Realistic Novel: Based on the Classics. samples of the genre in Russian. literature. XIX century]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Publishing House, 1988, 196 p.
 13. Tamarchenko N. D., Broitman S. N., eds. *Teoriya literatury. T. 2: Broitman S. N. Istoricheskaya poetika*. [Literature theory: vol. 2: Historical poetics]. Moscow, Academy, 2004. 368 p.
 14. Chalei O. V. [To the question of the relationship between the concept and the lexical meaning of a word]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikaciya* [Language, consciousness, communication]. Moscow, 2014, pp. 344–351.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркова Анна Сергеевна – аспирант кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: lirel@yandex.ru

Мамукина Галина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова;
e-mail: mamukina@mail.ru

Минова Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова;
e-mail: mariaminova543@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna S. Markova – Postgraduate student, Department of Theoretical and Historical Poetics Russian State University for the Humanities, e-mail: lirel@yandex.ru

Galina I. Mamukina – Cand. Sci. (Sociology) Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Foreign Languages no. 3, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: mamukina@mail.ru

Maria V. Minova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages no. 3, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: mariaminova543@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркова А. С., Мамукина Г. И., Минова М. В. Актуализация категории «точка равноденствия» как этапа утверждения субъектности героя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 88–98.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-88-98

FOR CITATION

Markova A. S., Mamukina G. I., Minova M. V. Actualization of the Category "Equinox Point" as a Stage of Asserting the Hero's Subjectivity. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 1, pp. 88–98.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-88-98

УДК 82-31

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-99-107

ПРОВИДЕНЦИАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ МИРОЗДАНИЯ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ В. ГЮГО «ОТВЕРЖЕННЫЕ»

Сенченкова Е. В.*Смоленский государственный медицинский университет Минздрава России
214019, г. Смоленск, ул. Крупской, д. 28, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Выявить взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим в судьбах героев романа-эпопеи В. Гюго «Отверженные».

Процедура и методы. Проанализирован корпус текста. В статье впервые затрагивается вопрос о Провидении применительно к роману-эпопее В. Гюго «Отверженные». Объектом исследования являются 27 примеров употребления этого слова в определённом контексте. При анализе текстового материала используются методы наблюдения, описания и обобщения.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод, что научная новизна состоит в философском и религиозном обосновании влияния Провидения на поведение персонажей. По итогам исследования установлено, что Провидение как таковое проявляет себя в виде знаков-предостережений, а также в тесной взаимосвязи детерминированных событий. Его действие направлено на создание условий для того, чтобы жизнь героев сложилась благополучно.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение творчества В. Гюго. Они могут быть использованы при чтении лекций и проведении семинаров.

Ключевые слова: провидение, судьба, роман-эпопея «Отверженные», дуализм мира

PROVIDENTIAL INTERPRETATION OF THE UNIVERSE IN V. HUGO'S EPIC NOVEL «LES MISERABLES»

E. Senchenkova*Smolensk state medical University of the Ministry of health of the Russian Federation
28 Krupskaya ul., Smolensk 214019, Russian Federation***Abstract.**

Aim. The article aims to reveal the relationship between the past, present, and future in the fate of the characters of V. Hugo's epic novel «Les Miserables».

Methodology. The corpus of text is analyzed. The article deals for the first time with the question of Providence in relation to V. Hugo's epic novel «Les Miserables». The object of the study is 27 examples of the use of this word in a particular context. Methods of observation, description and generalization are used in the analysis of text material.

Results. According to the study results, it is concluded that the scientific novelty consists in the philosophical and religious justification of the influence of Providence on the behavior of characters. According to the study results, it was found that Providence, as Such, manifests itself in the form of warning signs, as well as in the close relationship of deterministic events. Its action is aimed at creating conditions for the life of the characters to develop safely.

Research implications. The research results contribute to the study of the work V. Hugo. They can be used for lectures and seminars.

Keywords: providence, fate, epic novel «Les Miserables», dualism of the world

Идея провиденциализма зародилась ещё в Древней Греции. Провиденциализм (лат. *Providentia* – Провидение) представляет собой религиозную концепцию истории как божественного промысла. В соответствии с этим пониманием каждое историческое событие по отдельности и история в целом управляемы волей Всевышнего. В рамках христианской теологии концепция провиденциализма вырабатывалась апостолами, Отцами Церкви.

Основоположителем провиденциализма является *Блаженный Аврелий Августин*. В своём труде «О Граде Божием» он рассматривает историю человечества как сосуществование Града Божьего и Града Земного. Люди, входящие в Град Божий, повинуются заповедям. Они слушают голос Провидения и внимают ему. Напротив, обитатели Града Земного, отдалившись от Бога, живут по законам общества [3].

Понимание исторического процесса как осуществления божественного плана разделяли мыслители на протяжении многих веков. В частности, учение о Провидении появляется у *Сократа*. Античный философ понимает божество как мировой разум, действующий по идее добра. Сократ намекает основы телеологического миропонимания. Согласно его учению, всё, происходящее в мире, предопределено свыше [13].

По мнению Сократа, указания на то, что Провидение существует, даются каждому, но только мудрец может их увидеть и понять. Провидение являет людям свою волю в знамениях, вещих сновидениях, а также в личном откровении, но бывает понятно лишь философам, так как их души открыты божественному разуму [10].

Стоики, в частности *Зенон*, *Клеанф*, *Сенека*, тоже много рассуждают о Провидении, подразумевая под этим зависимость всего происходящего в мире от универсального разума. С их точки зрения, способность видеть проявление божественного промысла ведёт человека к счастью. Стоики призывают к смирению, поскольку ничто в жизни не происходит случайно. Поэтому важно не только при-

существовать на уроках судьбы, но и научиться быть благодарным за них [11].

Например, древнеримский философ *Сенека* в своём труде «Нравственные письма к Луцилию» утверждает, что в мире царствует некая необходимость, т. е. судьба. Все люди должны подчиняться ей, стойко переносить невзгоды, мужественно выдерживать испытания. Условием покорности судьбе, согласно Сенеке, выступает познание Бога [15].

Как видим, у стоиков понятие Провидения переходит в понятие судьбы.

Идея Провидения занимает особое место в александрийской философии. Первый средневековый философ *Филон Александрийский* в своём сочинении «О провидении» пишет о том, что Бог связан с космосом как его творец и провиденциальный управитель. Он порождает самое совершенное творение – Логос-Слово. Оно, в свою очередь, выступает в качестве инструмента творческой мысли Бога. Логос-Слово создаёт две высшие силы: Благо и Власть. Благодаря его активности возникает духовный и материальный мир. Воздействие на мир Логосом-Словом необходимо потому, что само верховное Божество, будучи абсолютно неизменным, не может иметь никакого непосредственного общения с временными происшествиями во Вселенной [12].

Последователем Филона Александрийского был *Плутарх*. В критическом сочинении «О противоречиях у стоиков» он выступал против фатализма как явления, уничтожающего свободу воли человека, нравственную ответственность за свои поступки [14]. По его мнению, Провидение – это действие Божества, направленное к наибольшему благу творения человечества. Однако судьбы людей находятся под властью «демонов». Здесь в свои права вступает рок как непреложный закон. Именно он наполняет жизнь человека злоключениями и приводит к определённой детерминированности событий. Но Плутарх подчёркивает, что совершение того или иного поступка зависит не от рока, а исключительно от самого человека.

В XVII в. философию провиденциализма развивал французский богослов и проповедник Ж. Б. Боссюэ. В своей книге «Рассуждение о всемирной истории» он утверждает, что единственной движущей силой истории является Бог [4]. Именно он намечает цель истории, вырабатывает план её реализации и обеспечивает воплощение замыслов в жизнь. Орудием в руках Бога являются все народы. Интересно, что рука Провидения действует не только непосредственно, но и опосредованно. Она проявляет себя во вторичных причинах, которые и предопределяют исход событий. Лишь в определённых, исключительных случаях Бог вмешивается прямо, непосредственно.

В XIX в. представитель немецкой классической философии Г. В. Ф. Гегель считал, что мировыми событиями управляет Провидение [6, с. 23]. В отдельных ситуациях можно увидеть соизволение Божье. Гегель сосредотачивает особое внимание на том, что Провидение проявляется не только в жизни отдельного человека, но и в ходе всемирной истории.

В настоящее время термин «Провидение» употребляется в широком смысле применительно к любым изменениям как в жизни индивидуума, так и в истории общества в целом.

Безусловно, идея провиденциализма находит преломление на страницах романа-эпопеи В. Гюго «Отверженные». Писатель верит в то, что каждый человек находится во власти Провидения. В романе-эпопее судьба героев складывается под влиянием высшей божественной силы. Об этом свидетельствует достаточно высокая частотность слова «Провидение» в художественном произведении. Немаловажно, что В. Гюго использует его 27 раз применительно не только к судьбам разных персонажей, но и к историческим событиям.

Частотное употребление слова «Провидение» в данном художественном произведении объясняется поэтикой романтизма первой половины XIX в. Мифологема вселенского зла, именуемого роком, обязательно должна быть уравновешена силой божественного разума. Рок

и Провидение пребывают в постоянном противоборстве. Конфликт между двумя этими понятиями определяет взаимосвязь между романтической интригой и авторскими размышлениями о мироздании.

Впервые слово «Провидение» звучит, когда автор рассказывает читателям о взаимоотношениях епископа Диньского с сестрой Батистиной. Девушка отправляет письмо подруге детства виконтессе де Буашеврон. В нём она хвалит своего брата за доброту и милосердие, которые он проявляет по отношению к неимущим и больным. Батистина восхищается непрерывным служением епископа Богу. Сестринская любовь приобретает христианский смысл. Она разделяет участь того, кого любит, смиренно покорившись своей судьбе. Неслучайно в письме содержатся слова: «Je le comprends sans qu'il parle, et nous nous abandonnons à la Providence» [5, p. 91].

Сам же епископ, прозванный жителями епархии Монсеньором Бьенвеню, размышляет о народной борьбе во имя свободы. В основе его рассуждений лежит идея судьбоносности событий. Человек бессилен перед Провидением. Подтверждением этому служат слова: «Что касается нас, то, когда вмешивается и наказует Провидение, мы уступаем ему поле действия» [8, с. 51].

В данном случае Провидение предстаёт как всеобъемлющая карающая сила, которая покоряет человека своим волеизъявлением. Оно связывает божественное начало с земным существованием. Отношение к Провидению может быть двойственным. С одной стороны, человек является марионеткой в руках судьбы. Его поступки предопределены свыше. С другой стороны, безрассудно думать, что человек не волен распоряжаться собственной жизнью и действует, находясь под влиянием божественного начала. На самом деле Провидение несколько не умаляет нравственную ответственность человека за свои поступки.

Во власти Провидения находится и судьба Батистины. Когда епископ Диньский теряет зрение, единственным лучом света в «тёмном царстве» для него становится сестра. Именно забота и верность любимого суще-

ства помогают епископу сохранить нравственные силы. Неслучайно В. Гюго пишет: «Обладать всем, что она может дать, начиная от её поклонения и кончая страданием, не знать одиночества благодаря её кроткой слабости, которая является вашей силой, опираться на этот негнувшийся тростник, касаться руками Провидения и брать его в объятия – великий Боже, какое это блаженство!» [8, с. 156]. Как видим, незамужняя жизнь Батистины изначально предопределена высшей силой. Она боготворила своего брата и посвятила себя служению ему.

Согласно Провидению, все события в человеческой жизни взаимосвязаны и взаимообусловлены. Человек беззащитен перед волей Всевышнего. Исход борьбы с Провидением очевиден – поражение. Значит, каждый из нас должен подчиниться воле высшего божества и принимать всё происходящее как неизбежность.

Через роман-эпопею «Отверженные» красной нитью проходит сюжетная линия Фантины и её дочери Козетты. Заметив двух довольных сестёр около харчевни Тенардьё, Фантина принимает судьбоносное решение – оставить Козетту с ними. «Elle crut voir au dessus de cette auberge le mystérieux ICI de la Providence» [5, p. 375]. Фантина считает присутствие этих девочек знаком судьбы. В результате девушка повинуется Провидению и оставляет свою дочь Козетту господам Тенардьё.

На страницах произведения судьба Фантины тесно переплетается с судьбой дядюшки Мадлена. Его приход в Монрейль-Приморский является благодеянием, «а сам он – даром Провидения» [8, с. 150]. Благодаря дядюшке Мадлену в городе быстро развивается промышленность – производство чёрного стекла. Теперь люди могут устроиться на фабрику и забыть о нужде. Дядюшка Мадлен не только обеспечивает население хорошей работой, но и занимается строительством общественных организаций. Даже Мариус, узнав о добрых делах дядюшки Мадлена, называет его «la Providence de tout un pays» [5, p. 542].

Как видим, этот герой является носителем воли Всевышнего. Через него реализуется

вторая заповедь Иисуса Христа: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [9, 22:39]. Деяния дядюшки Мадлена имеют гуманистическую направленность. Они нацелены на улучшение благосостояния населения, которое влечёт за собой сокращение преступности, уничтожение нищеты.

Когда дядюшка Мадлен хочет помочь Фантине забрать Козетту у супругов Тенардьё, происходит роковое событие. Полицейский надзиратель Жавер сообщает дядюшке Мадлену, что настоящий каторжник Жан Вальжан найден. Им оказывается старик Шанматье, арестованный за кражу яблок. «Но тут-то и вмешивается Провидение» [8, с. 191].

Такое ложное представление складывается из-за схожести судеб и имён двух героев. Они оба были подрезальщиками деревьев в Фавероле. Кроме того, при крещении Вальжану дали имя Жан, а девичья фамилия его матери была Матье. Если объединить эти два слова, то получится Жанматье, которое местное произношение превратило в Шанматье.

Немаловажно, что в романе-эпопее «Отверженные» В. Гюго использует приём *quid pro quo* «одно вместо другого»: Шанматье принимают за Жана Вальжана, Жан Вальжан выдаёт себя за дядюшку Мадлена.

Эти роковые случайности мешают Жану Вальжану поехать за дочерью Фантины и вернуть девочку матери. Действительно, «тщетно пытаемся мы как можно искуснее обтёсывать таинственную глыбу – нашу жизнь. Чёрная жилка рока неизменно проступает на её поверхности» [8, с. 188].

В данном случае Фантина находится во власти рока – потусторонней силы, грозящей бедами и несчастиями. В поэтике романтизма рок осознаётся как несправедливая кара. В основе его лежит конфликт общества и индивида. Писатель делает Фантину «заложницей» роковых событий преднамеренно. Таким образом он показывает столкновение духовной чистоты Фантины с бессердечием окружающих людей.

Далее дядюшка Мадлен принимает решение признаться в том, что является настоящим Жаном Вальжаном. Для того

чтобы спасти от каторги невинного человека, он отправляется в Аррас. Однако «Il était évident que la Providence s'en mêlait» [5, p. 606]. Именно Провидение сломало колесо тильбюри и задержало его в дороге. Дядюшка Мадлен видит в происходящем некое предзнаменование. Герой старается заглушить голос совести, оправдывая случившееся волей Провидения. Он думает, что злой рок тяготеет не над ним, а над стариком Шанматье.

Становится ясно, что Провидение обладает предостерегающей силой. Высший разум оберегает человека от опрометчивых действий, тогда как рок притягивает в жизнь череду плохих событий.

Затем, спасаясь от преследования полицейских, Жан Вальжан с Козеттой оказываются в женском монастыре Малый Пикпюс. Автор объясняет произошедшее началом нравственной деградации героя: доброе начало сталкивается с гордыней в душе Жана Вальжана. Именно «Провидение забросило его в монастырь Малый Пикпюс» [8, с. 500]. Стены монастыря защищают героев от внешнего мира и помогают им обрести душевный покой.

Интересно, что В. Гюго ставит знак равенства между случайностью и Провидением. Такие провиденциальные случаи помогают писателю создавать перипетии в сюжетной линии героев и тем самым усиливать психологическую напряжённость повествования.

Размышляя, Жан Вальжан проводит параллель между монастырём и каторгой. Это два места неволи, имеющие между собой некоторое сходство. В монастыре женщины добровольно обрекают себя на ограничения, а на каторге мужчины становятся жертвами правосудия. Миссия у них совершенно различна: в монастыре женщины молятся во искупление чужих грехов, тогда как на каторге мужчины платят за свои грехи. Жана Вальжана удивляет тот факт, что все усилия, предпринятые им, чтобы выйти из одного места искупления, тщетны, поскольку он очутился в подобном месте. «Не символ ли это его судьбы? Он глубоко задумывался над этим, словно

внимая тихому, предостерегающему голосу Провидения» [8, с. 503].

Судьбы Жана Вальжана и Козетты тесно переплетаются в произведении. Девочка становится настоящим подарком судьбы для главного героя. Козетта – это единственный человек, к которому Жан Вальжан чувствует сердечную привязанность. Именно она наполняет жизнь бывшего каторжника новым смыслом. Поэтому Жан Вальжан вымаливает «у Провидения, у людей, у законов, у общества, у природы, у вселенной только одного: любви Козетты!» [8, с. 777].

Провидение управляет событиями не только в судьбе Жана Вальжана, но и в судьбе Мариуса. Этот герой становится свидетелем заговора против Жана Вальжана и Козетты. Супруги Тенардые решают отомстить бывшему каторжнику за то, что тот забрал у них девочку и не заплатил ту сумму, на которую они рассчитывали. Мариус отправляется к полицейскому приставу, чтобы рассказать о замысле Тенардые. «Размышляя дорогой, он возблагодарил Провидение» [8, с. 675]. Если бы он не отдал дочери Тенардые пять франков, поехал бы за фиакром Жана Вальжана. Тогда Мариус не узнал бы о заговоре и не смог бы помочь. Как видим, между событиями существует тесная взаимосвязь. Событийная линия выстраивается под влиянием воли Всевышнего.

В. Гюго показывает главного героя как борца не только за счастье народа, но и за свою судьбу. Жан Вальжан подвергается тяжёлым испытаниям, но одерживает над ними победу. Злой рок преследует героя, но он не отступает [8, с. 993, 1192]. Получается, что Жан Вальжан чётко разделяет влияние Провидения и действие рока. С одной стороны, он обращает внимание на предостережения Бога, проявляющиеся в знаках, а с другой, – пытается противостоять роковым событиям, наполняющим его жизнь.

Хитростью Жан Вальжан получает записку от Мариуса, предназначавшуюся Козетте. Из неё герой узнаёт о том, что Мариус готовится покинуть этот мир,

так как Козетта оставила его. В душе Жан Вальжан испытывает ликование, поскольку Мариус собирается уйти из жизни по собственной воле, без его участия. «Остаётся только не препятствовать тому, чему суждено совершиться», – думает герой [8, с. 1000].

Однако впоследствии Жан Вальжан спасает раненого Мариуса от гибели. Во время атаки баррикады он выносит юношу на руках. В. Гюго подчёркивает тот факт, что Жан Вальжан играет роль Провидения. «Благодаря ему, вездесущему среди побоища, как Провидение, все, кто падал, были подняты, перенесены в нижнюю залу и перевязаны» [8, с. 1075].

Спасаясь от гибели, Жан Вальжан скрывается в парижской клоаке. Писатель называет её не иначе, как «*adorables embuscades de la Providence*» [5, р. 219]. Действительно, именно божественная сила направляет главного героя туда. Жан Вальжан решает следовать по лабиринту, интуитивно двигаясь вперёд, вверив свою судьбу Провидению [8, с. 1094, 1096].

Однако злоключения героя не кончаются. В парижской клоаке он сталкивается с давним неприятелем Тенардьё. Именно он освобождает героя, отдав ему ключ от двери. В этот момент Жан Вальжан думает: «Неужели само Провидение явилось ему в столь отвратительном обличье, неужели светлый ангел вырос из-под земли под видом Тенардьё?» [8, с. 1114]. В результате оказывается, что «доброе дело», которое делает Тенардьё, не является таковым. Не зря В. Гюго называет Тенардьё «*C'était la Providence apparaissant horrible*» [5, с. 266]. Преступник скрывается от полицейского инспектора Жавера, предлагая ему вместо себя новую добычу – Жана Вальжана.

Интересен тот факт, что писатель иронично называет полицейского инспектора Жавера «Провидением в образе ищейки на страже общества» [8, с. 1135]. Этот герой, действительно, думает, что может сам вершить судьбы людей. Когда Жавер великодушно отпускает Жана Вальжана из рук правосудия, он испытывает муки совести. Ему трудно признать, что бывший каторж-

ник оказался добрым и человечным, когда спас его от неминуемой смерти, и теперь пришло время отблагодарить его.

Далее после женитьбы Мариуса на Козетте Жан Вальжан признаётся, что носит чужую фамилию Фошлеван, а на самом деле отмечен клеймом позора. У Мариуса начинаются душевные терзания. Он задаётся вопросом: «Что означала тёмная игра Провидения, столкнувшего ребенка с этим человеком?» [8, с. 1202]. Однако он не знает тех добрых дел, которые совершил Жан Вальжан во благо Козетты.

Мариус считает, что роль Жана Вальжана в судьбе Козетты сыграна. Теперь девушка находится во власти себе подобного чистого существа. Мариус решает «заступить место Провидения Козетты» [8, с. 1203].

Однако Тенардьё проливает свет на судьбу Жана Вальжана. Из его уст Мариус узнаёт, что раньше Жан Вальжан носил имя дядюшки Мадлена и всеми силами способствовал процветанию Монрейль-Приморского. К тому же, он спас Жавера, не расстреляв, а даровав ему свободу. И в судьбе Мариуса Жан Вальжан сыграл значительную роль: он вынес Мариуса из водостока на своих плечах. В разговоре с Козеттой Мариус восклицает: «Он был твоим Провидением, а потом стал моим» [8, с. 1238].

Очевидно, что В. Гюго восхищается этим героем, наделяя его такими качествами, как самоотверженность, сострадание, доброта, гуманизм. Все эти качества приближают Жана Вальжана к христианскому пониманию сущности человека. Провидение присутствует в жизни бывшего грешника, так как он искупает свою вину добрыми делами.

Провидение настигает и такого героя романа-эпопеи, как Гаврош. Он помогает двум детям, оставшимся без крова на улице. Оказывается, что мальчики являются его младшими братьями. Гаврош даже не подозревает, что в ту дождливую ночь, когда он предлагает мальчикам переночевать в слоне, он выполняет волю Провидения. «*Gavroche du reste ne se doutait pas que dans cette vilaine nuit pluvieuse où il avait offert à deux mioches l'hospitalité de son éléphant,*

c'était pour ses propres frères qu'il avait fait office de Providence» [5, p. 495]. Несомненно, в трудной жизненной ситуации Бог посылает мальчикам спасителя – родного брата.

В преддверии Французской революции Гаврош направляется на Капустный мост и замечает лишь одну открытую лавчонку. «Это был ниспосланный Провидением случай поест ещё раз яблочного пирожка, перед тем как ринуться в неизвестность» [8, с. 924]. Судьба предоставила возможность Гаврошу победить голод перед строительством баррикады.

В романе-эпопее В. Гюго подчёркивает тот факт, что во власти Провидения находятся не только человеческая жизнь, но и исторические события. «Чтобы Ватерлоо послужило концом Аустерлица, Провидению оказался нужным небольшим дождь» [8, с. 282]. Дело в том, что битва началась днём, и это дало возможность Блюхеру прибыть вовремя с артиллерией. Было необходимо переждать, пока дороги станут сухими. Такая задержка времени привела к поражению французской армии во главе с Наполеоном. Значит, исход битвы зависел от сцепления необходимых случайностей.

По мнению В. Гюго, волю Провидения выполняют и революционеры [8, с. 1062]. Они бескорыстно жертвуют собственной жизнью, поскольку это предначертано свыше. В этот момент они думают не о себе, а о благополучии французского народа.

Рассуждая о происхождении языка арго, писатель делит историков на две категории. Между ними не существует большого различия. Нельзя быть хорошим историком и описывать внешнюю жизнь народа, если не знаешь её глубин, и наоборот. Несомненно, история нравов пронизывает историю событий. «Все черты, которыми Провидение отмечает лик нации, имеют своё загадочное, но отчётливое соответствие в её глубинах, и все содрогания этих глубин вызывают изменения на поверхности» [8, с. 851].

Таким образом, герои романа-эпопеи В. Гюго «Отверженные» находятся во власти Провидения. Оно проявляет себя в

виде знаков-предостережений (определённого места и времени), а также в тесной взаимосвязи детерминированных событий. Кроме того, отражением воли Провидения является шестое чувство героев – интуиция. Она подсказывает им, как поступить в той или иной ситуации.

Каждый герой абсолютно свободен в своём нравственном выборе и несёт ответственность перед собой и обществом. Высшее божественное начало создаёт цепь ситуаций, которые обуславливают поведение героя.

Главный герой романа-эпопеи «Отверженные» Жан Вальжан является носителем идеи Божественного Промысла. Писатель В. Гюго наделяет его такой властью благодаря духовному перерождению, которое происходит после встречи с епископом Диньским. Способность Жана Вальжана судить себя, анализировать собственные поступки возвышает его над роком, но не избавляет от него. Страдания героя наполнены искупительным смыслом. Чем больше лишений Жан Вальжан выносит в жизни, тем ярче он озаряется ореолом христианской святости.

Волю Провидения выполняет не только Жан Вальжан, но и Тенардьё, Жавер, Мариус, Гаврош. Однако если Жан Вальжан делает это на протяжении всего художественного произведения, то остальные герои – эпизодически.

Нельзя не отметить, что В. Гюго чётко разграничивает антонимичные понятия Провидения и рока, присущие французскому романтизму. В этой художественной коллизии писатель обозначает дуализм мира, вечное противостояние добра и зла. Конечной целью действия Провидения является создание условий для того, чтобы жизнь героев сложилась благополучно. Напротив, рок мешает осуществлению Божественного Промысла, всячески препятствует ему, наполняя жизнь героев злом и мраком.

Статья поступила в редакцию 25.11.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астапов С. Н. Предопределение и провидение: философская экспликация богословских позиций // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (57). С. 104–110.
2. Ахметов Р. Р. Обоснование важности этических и интеллектуальных составляющих для художественной литературы на примере романов Виктора Гюго и Фёдора Достоевского // Велес. 2017. № 9/2 (51). С. 90–96.
3. Блаженный Августин. О Граде Божием: в 2 т. М.: Синописис, 2018. 659 с.
4. Bossuet J.-B. Discours sur l'histoire universelle. Vol. 1–2. Paris: L. Curmer, 2018. 998 p.
5. Hugo V. Les Misérables. En 5 pt. [Электронный ресурс]. URL: <http://originalbook.ru/les-miserables-victor-hugo-francais-otverzhenные-viktor-gyugo> (дата обращения: 24.12.2020).
6. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. М.: Эксмо, 2018. 256 с.
7. Гобозов И. А. Гегель и философия истории // Философия и общество. 2017. Вып. № 4 (85). С. 5–19.
8. Гюго В. Отверженные / пер. с фр. М. Вахтеровой, В. Левики, Д. Лившиц и др. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. 1248 с.
9. Евангелие от Матфея / под ред. Н. Е. Фоминой. М.: Фолио, 2011. 192 с.
10. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. 379 с.
11. Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. Т. 5. Ранний эллинизм. М.: АСТ, 2000. 960 с.
12. Монзольевский Г. Ф. Филон Александрийский и его мирозерцание. М.: ЕЭ Медиа, 2012. 41 с.
13. Нерсисянц В. С. Сократ. М.: Инфра-М, 2015. 240 с.
14. Плутарх. Сочинения. О рождении души. О противоречиях стоиков. Об общих понятиях. М.: Букинист, 2008. 384 с.
15. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / под ред. О. В. Гритчиной М.: Гуманитарный центр, 2017. 278 с.
16. Хужаева З. Х. Гюго – великий романтик Франции // Молодой учёный [сайт]. 2017. № 12 (146). [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/146/40892>. (дата обращения: 25.11.2020).
17. Шлыков В. М. Провиденциализм как принцип понимания истории // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2015. № 6. С. 5–10.

REFERENCES

1. Astapov S. N. [Predestination and providence: a philosophical explication of theological positions]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2015, no. 1 (57), pp. 104–110.
2. Akhmetov R. R. [Justification of the importance of ethical and intellectual components for fiction based on the example of the novels of Victor Hugo and Fyodor Dostoevsky]. In: *Veles* [Veles], 2017, no. 9/2 (51), pp. 90–96.
3. Aurelius Augustinus Hipponensis. *O Grade Bozhiem* [Blessed Augustine. About the City of God]. Moscow, Sinopsis Publ., 2018. 659 p.
4. Bossuet J.-B. Discours sur l'histoire universelle. Vol. 1–2. Paris: L. Curmer, 2018. 998 p.
5. Hugo V. Les Misérables. En 5 pt. Available at: <http://originalbook.ru/les-miserables-victor-hugo-francais-otverzhenные-viktor-gyugo> (accessed: 24.12.2020).
6. Hegel G. V. F. *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the history of philosophy]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 256 p.
7. Gobozov I. A. [Hegel and the philosophy of history]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 2017, no. 4 (85), pp. 5–19.
8. Gyugo V. *Otvverzhenные* [Les Misérables]. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus Publ., 2019. 1248 p.
9. *Evangelie ot Matfeya* [The Gospel of Matthew]. Moscow, Folio Publ., 2011. 192 p.
10. Ksenofont. *Vospominaniya o Sokrate* [Memories of Socrates]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 379 p.
11. Losev A. F. *Istoriya antichnoi estetiki. T. 5. Rannii ellinizm* [History of ancient aesthetics. Vol. 5. Early Hellenism]. Moscow, AST Publ., 2000. 960 p.
12. Monzolevskiy G. F. *Filon Aleksandriiskii i ego mirosozertsanie* [Philon of Alexandria and his worldview]. Moscow, EE Media Publ., 2012. 41 p.
13. Nersesyants V. S. *Sokrat* [Socrates]. Moscow, Infra-M Publ., 2015. 240 p.
14. Plutarkh. *Sochineniya. O rozhdenii dushi. O protivorechiyakh stoikov. Ob obshchikh ponyatiyakh*

- [Compositions. About the birth of the soul. About the contradictions of the Stoics. About general concepts]. Moscow, Bukinist Publ., 2008. 384 p.
15. Lucius Annaeus Sēnēca minor. *Pravstvennye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral letters to Lucilia]. Moscow, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2017. 278 p.
 16. Khuzhaeva Z. Kh. [Hugo – the great romantic of France]. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist]. 2017. Available at: <https://moluch.ru/archive/146/40892> (accessed: 25.11.2020).
 17. Shlykov V. M. [Providentialism as a principle of understanding history]. In: *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo* [Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society], 2015, no. 6, pp. 5–10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сенченкова Евгения Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики Смоленского государственного медицинского университета Минздрава России;
e-mail: evsenchenkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Senchenkova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Linguistics, Smolensk State Medical University of the Ministry of Health of Russian Federation;
e-mail: evsenchenkova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сенченкова Е.В. Провиденциальное толкование мироздания в романе-эпопее В. Гюго «Отверженные» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 99–107.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-99-107

FOR CITATION

Senchenkova E. V. Providential Interpretation of the Universe in V. Hugo's Epic Novel "Les Miserables". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 1, pp. 99–107.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-99-107

УДК 821.161.1-3

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-108-118

**«ПЕРЕЧЕНЬ МОИХ ВИЗИТОВ УМНОЖИЛСЯ ДЮЖИНОЙ ИМЁН»:
ПЕТЕРБУРГСКИЙ КРУГ ОБЩЕНИЯ Н. М. КАРАМЗИНА В ФЕВРАЛЕ–МАРТЕ
1816 Г. (МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ-СПРАВОЧНИКУ
«КАРАМЗИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ»)**

Фрик Т. Б.*Томский политехнический университет**634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. В аспекте проблемы «Карамзин и его окружение» охарактеризовать круг общения историографа в период его пребывания в Петербурге с февраля по март 1816 г.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. В работе на основе документальных свидетельств, в том числе архивных материалов, выявляются, классифицируются контакты Н. М. Карамзина в указанный период, определяется характер его взаимоотношений с отдельными личностями, приводятся справки о них, особое внимание уделяется фактам, свидетельствующим об их встречах с историографом, о восприятии им того или иного человека.

Результаты. На основе изученного материала сделаны выводы об особенностях взаимоотношений историографа с представителями его круга общения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Собранный материал и его анализ позволяют уточнить и детализировать представления о фактах биографии и чертах личности Н. М. Карамзина. Полученные данные будут использованы при составлении словаря-справочника «Карамзин и его окружение».

Ключевые слова: «петербургская пятидесятница», круг общения, друзья и родственники, светские контакты, царская семья, словарь-справочник

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012- 00292 А «Н. М. Карамзин и его окружение».

**"THE LIST OF MY VISITS HAS INCREASED BY A DOZEN NAMES": NIKOLAY
KARAMZIN'S PETERSBURG SOCIAL CIRCLE IN FEBRUARY - MARCH 1816
(MATERIALS TO THE DICTIONARY AND REFERENCE BOOK
"NIKOLAY KARAMZIN AND HIS SOCIAL CIRCLE")**

T. Frik*Tomsk Polytechnic University**30 Prosp. Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation***Abstract.**

Aim. The article aims to characterize the historiographer's social circle during his stay in St. Petersburg from February to March of 1816 in the aspect of the problem "Karamzin and his social circle."

Methodology. In the paper, based on documentary evidence, including archival materials, we identify and classify Karamzin's contacts in the specified period. We determine the nature of his relationship with individuals, provide information about them, and pay special attention to facts that testify to their meetings with the historiographer, his perception of this or that person.

© CC BY Фрик Т. Б., 2021.

Results. We analyzed and described the social circle of Karamzin from February to March 1816. Also, we made conclusions about the relationship peculiarities between the historiographer and his representatives.

Research implications. The collected material and its analysis make it possible to clarify and detail the ideas about the facts of the biography and personality traits of Nikolay Karamzin. The data obtained will be used to compile the dictionary and reference book "Nikolay Karamzin and his social circle".

Keywords: "Petersburg Pentecost", social circle, friends and relatives, social contacts, royal family, dictionary and reference book

Acknowledgment. The research was supported by the Russian Federal Research Foundation under the scientific project no. 19-012-00292 A "N. Karamzin and his circle".

Введение

Подготовка словаря-справочника «Карамзин и его окружение» требует детального анализа контактов историографа в разные периоды его жизни. Нет ничего удивительного в том, что особое внимание исследователей в настоящее время приковано к 1816 г., времени, поворотному для Н. М. Карамзина и его семьи [5; 6]. При этом очевидно, что помимо составления хронологии этого периода жизни историографа важными задачами являются максимально полное выявление круга контактов, который был очень широк, его аналитическое описание, подготовка соответствующих справочных материалов.

Данная работа направлена на комплексную характеристику круга общения Н. М. Карамзина со 2 февраля по 25 марта 1816 г., рассмотрение обстоятельств его встреч с близкими людьми, взаимоотношений с представителями высшего света, чиновниками и литераторами, в том числе с теми, с кем он знакомится в указанный период. В работе представлены справки о знакомых Карамзина, которые включают факты взаимодействия характеризующей личности с историографом.

Характеристика круга общения Н. М. Карамзина в период пребывания в Петербурге в феврале–марте 1816 г.

Прежде всего Н. М. Карамзин в это психологически непростое для себя время находит утешение в общении с друзьями, близкими знакомыми и род-

ственниками. Он встречается со своим братом Ф. М. Карамзиным¹, его сыном Н. Ф. Карамзиным² и дочерьми³. Отвечая на вопрос жены, историограф пишет: «Ты, милая, хочешь знать, кто со мною всех сердечнее, ласковее: добрая хозяйка, Малиновские⁴, Арзамасское общество наших молодых литераторов⁵, Румянцевы, Огарёвы, Оленины, Полторацкие»⁶. «Добрая хозяйка» – неизменное определение в письмах Карамзина Е. Ф.

¹ Карамзин Фёдор Михайлович (1768–1839), брат Н. М. Карамзина, капитан, затем коллежский асессор. В феврале 1816 прибыл в Петербург. Был сослуживцем графа А. А. Аракчеева, о произошедшем в связи с этим казусе К. рассказывает Е. А. Карамзиной в письме от 24 и 25 февраля 1816 г. [Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. 1. СПб., 1862. С. 155].

² Карамзин Николай Фёдорович (1803–1870), сын Ф. М. Карамзина.

³ Дочери Ф. М. Карамзина: Александра Фёдоровна, Екатерина Фёдоровна, Юлия Фёдоровна, Серафима Фёдоровна, Анастасия Фёдоровна, Елизавета Фёдоровна.

⁴ Малиновский Алексей Фёдорович (1762–1840), историк, археограф, писатель, переводчик, сенатор, начальник Московского архива Министерства иностранных дел с 1814 по 1840 гг. Друг семьи Карамзиных. Малиновская Анна Петровна (1770–1847), его жена.

⁵ Среди арзамасцев близкие друзья Н. М. Карамзина: Пётр Андреевич Вяземский (1792–1878), Александр Иванович Тургенев (1784–1845), Василий Андреевич Жуковский (1783–1852), Дмитрий Васильевич Дашков (1788–1839), Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864), находившиеся с историографом в приятельских отношениях Василий Львович Пушкин (1766–1830), Сергей Семёнович Уваров (1786–1855). Н. М. Карамзин присутствовал на двух заседаниях «Арзамаса» во время своего пребывания в Петербурге: 15 марта и в конце марта.

⁶ Неизданные сочинения. С. 153.

Муравьёвой¹, у которой он живёт как дома, «это сестра родная»², с ней историограф сохраняет тёплые отношения до конца жизни. Душа в душу также, по его собственным словам, Карамзин живёт с братьями Н. П. Румянцевым³ и С. П. Румянцевым⁴. Как родного его встречают Огарёвы⁵ и Полторацкие⁶. В ближний круг Карамзина входит Ф. В. Ростопчин⁷. У него, «как у собственного любезного»⁸, он обедает и проводит вечера. Встречается с близкими Ростопчину и своими давними знакомыми Муромцевыми⁹, «старым приятелем» И. Б. Пестелем¹⁰, князьями Лобановыми-Ростовскими¹¹ и близким семье Карамзинных князем А. Г. Щербатовым¹².

¹ Муравьёва (урожд. Колокольцева) Екатерина Фёдоровна (1771–1848), жена М. Н. Муравьёва, сенатора, попечителя Московского университета, тётка К. Н. Батюшкова, мать декабристов Н. М. и А. М. Муравьёвых.

² Неизданные сочинения. С. 148.

³ Румянцев Николай Петрович (1754–1826), граф, дипломат, государственный канцлер (с 1809), создатель «Румянцевского музея».

⁴ Румянцев Сергей Петрович (1755–1838), граф, государственный деятель.

⁵ Огарёв Николай Иванович (1778–1852), сенатор, действительный тайный советник. Огарёва (урожд. Новосильцева) Елизавета Сергеевна (1786–1870), жена Н. И. Огарёва.

⁶ Полторацкий Дмитрий Маркович (1761–1718) русский помещик, был в большой дружбе с Н.М. Карамзиным, который активно пользовался библиотекой его тестя П. К. Хлебникова. Анна Петровна Полторацкая (урожд. Хлебникова) (1772–1842), его жена.

⁷ Ростопчин Фёдор Васильевич (1763–1826), граф, государственный и общественно-политический деятель, генерал от инфантерии, главнокомандующий Москвы, писатель, публицист, племянник Елизаветы Ивановны Карамзиной (урожд. Протасовой), первой жены Н. М. Карамзина.

⁸ Неизданные сочинения. С. 141.

⁹ Муромцев Николай Селивестрович (1761–1834), генерал-поручик в отставке, приятель Н.М. Карамзина, и его сестра Муромцева Авдотья Селивестровна (1763 – после 1816).

¹⁰ Пестель Иван Борисович (1765–1844), генерал-губернатор Восточной Сибири, член Государственного совета, отец декабриста П. И. Пестеля.

¹¹ Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758–1838), князь, генерал от инфантерии, министр юстиции Российской империи (1817–1827), член Государственного совета. Лобанов-Ростовский Яков Иванович (1760–1831), князь, член Гос. совета, малороссийский генерал-губернатор (1808–1816), сенатор.

¹² Щербатов Алексей Григорьевич (1776–1848),

Среди старых знакомых историографа П. В. Мятлев¹³, его П. А. Вяземский определяет как приятеля Карамзина и Дмитриева¹⁴, его супруга П. И. Мятлева¹⁵, а также Н. С. Мордвинов¹⁶. Последний, по замечанию историографа, «всё также добродушен, и здесь очень не в моде»¹⁷.

В указанный период Н. М. Карамзин бывает у княгини А. П. Голицыной¹⁸, сближается с семейством Олениных¹⁹. С А. Н. Олениным историограф был заочно

князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Герой войны 1812 года. Был женат первым браком на родной сестре П. А. Вяземского, княжне Екатерине Андреевне Вяземской (1789–1810). Во время своего пребывания в Петербурге Н.М. Карамзин становится свидетелем его ухаживаний за Софьей Семёновной Апраксиной (1798–1886). Е. А. Карамзина в приписке к письму К. к П. А. Вяземскому от 1 марта 1817 г. пишет: «Вы знаете, что у нас были помолвленные Щербатов и Апраксина. Можете догадываться о самых различных воспоминаниях, которые прошли перед моим взором и о которых я думала» [Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 18. Письма. М., 2009. С. 311].

¹³ Мятлев Пётр Васильевич (1756–1833), действительный камергер (1789), главный директор Ассигнационного банка (1794–1801), отец поэта И. П. Мятлева.

¹⁴ Выдержки из старых бумаг остафьевского архива // Русский архив. 1866. Т. 2. С. 240.

¹⁵ Мятлева Прасковья Ивановна (урожд. Салтыкова) (1772–1859), жена П. В. Мятлева.

¹⁶ Мордвинов Николай Семёнович (1754–845), граф, государственный и общественный деятель, адмирал, член Гос. совета, давний знакомый К. В 1810 г. К. писал И. И. Дмитриеву: «Думаем переехать в город, где будем жить в доме Николая Семёновича Мордвинова в Новой Басманной» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 133], к нему с ходатайством за П. А. Вяземского советует обратиться И. И. Дмитриев [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 135].

¹⁷ Неизданные сочинения. С. 153.

¹⁸ Голицына Александра Петровна (урожд. Протасова) (1774–1842), писательница, фрейлина, её сестра Екатерина Петровна Протасова была замужем за Ф. В. Ростопчиным.

¹⁹ Оленин Алексей Николаевич (1763–1843), действительный статский советник, член Государственного совета, статс-секретарь по Департаменту гражданских и духовных дел, археолог, историк, член Российской академии (1786), почётный член Петербургской Академии наук (1809), член (с 1804) и президент (с 1817) Академии художеств, директор Императорской публичной библиотеки. Оленина Елизавета Марковна (1768–1838), его супруга, сестра Д. М. Полторацкого.

знаком¹. В письме от 22 февраля 1816 г. Н. М. Карамзин пишет Е. А. Карамзиной: «В воскресенье обед у Олениных. Они ко мне очень ласковы, хотя и новые знакомые»². Как известно, оленинское общество играло значимую роль в светской и культурной жизни Петербурга [3; 9], в нём «в одно почти время искусство и литература находили скромное, но постоянное убежище»³. Историограф неоднократно бывает у Олениных, А. Н. Оленин обращается к историографу с просьбами о чтениих его труда, играя с эпистолярной стилистикой: «от лица уже барыни моей прошу, дерзаю просить буде Николай Михайлович что-либо рассудит прочесть из прекрасного его творения, ... можно повторить письмо к Государю и предисловие. Если это нагло, то вы сами на себя пеняйте, на слог вашей Истории»⁴.

Посещая светские салоны и приёмы, Н. М. Карамзин встречается со многими литераторами и учёными. Историограф часто бывает в доме у Г. Р. Державина, с которым находится в давних дружеских отношениях⁵. У Державина он обедает «со ... смешными *неприятелями*»⁶, среди которых П. И. Голенищев-Кутузов⁷, давний недруг историографа. Интересно, что сдержанный на негативные оценки даже в письмах к родным Н. М. Карамзин не стесняется в данном случае в выражениях, называя Кутузова глупцом и трусом⁸. Ф. Н. Глинка⁹, знакомство истори-

ографа с которым, вероятно, состоялось также в рассматриваемый период¹⁰, зять П. И. Голенищева-Кутузова, в своих воспоминаниях, стараясь по понятным причинам опровергнуть факт враждебного отношения своего тестя к историографу, так его характеризует: «Павел Иванович Кутузов был человек умный ... начитанный, учёный, говорил и писал на многих языках»¹¹. Среди недругов Карамзина также и А. А. Шаховской¹².

Н. М. Карамзин часто бывает в доме Лавалей¹³, который, по его словам, «естьдва ли не первый в Петербурге»¹⁴. Там встречается с И. А. Крыловым¹⁵, Н. И. Гнедичем¹⁶. Историографа посещает Г. А. Глинка¹⁷. В салонах Карамзин пересекается с лордом

прозаик, драматург, публицист, боевой офицер, герой Отечественной войны 1812 г., чиновник по особым поручениям при графе М. А. Милорадовиче, член общества «Зелёная лампа», Союза спасения и Союза благоденствия, председатель Вольного общества любителей российской словесности, младший брат Сергея Николаевича Глинки (1775–1847).

¹⁰ Глинка Ф. Н. Мои воспоминания о Карамзине // Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма. М., 1985. С. 248.

¹¹ Глинка Ф. Н. Мои воспоминания о Карамзине // Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма. М., 1985. С. 251.

¹² Шаховской Александр Александрович, князь (1777–1846), драматург, поэт, член «Беседы любителей русского слова» и Российской академии, литературный противник Карамзина.

¹³ Лаваль Александра Григорьевна (1772–1850), Лаваль Степан Иванович (1761–1846), хозяева знаменитого петербургского салона.

¹⁴ Неизданные сочинения. С. 174.

¹⁵ Крылов Иван Андреевич (1769–1844), баснописец, драматург, библиотекарь Публичной библиотеки, член Академии наук. В письме к А. Ф. Малиновскому в 1823 г. К. так описывает встречу с Крыловым: «Вчера я посещал фабулиста Крылова, у которого покривился рот от лёгкого удара: сидит один на софе со своею славою, в ожидании, что будет как был, или совсем не будет» [Письма Карамзина к Алексею Фёдоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Никитичу Бегичеву / Под ред. М. Н. Лонгинова. М., 1860. С. 473].

¹⁶ Гнедич Николай Иванович (1784–1833), поэт, переводчик, библиотекарь Публичной библиотеки, член Академии наук.

¹⁷ Глинка Григорий Андреевич (1776–1818), статский советник, профессор Дерптского университета, писатель. С 1811 г. помощник воспитателя при великих князьях Николае и Михаиле.

¹ Москвитянин. 1855. Кн. I. № 1. С. 79.

² Неизданные сочинения. С. 152.

³ Уваров С. С. Литературные воспоминания // Арзамас: сб. в 2 кн. Кн. 1. М., 1994. С. 38–39.

⁴ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–1 об. Полные тексты записок А. Н. Оленина также см. в [5].

⁵ Я. К. Грот указывает, что их знакомство произошло после возвращения К. из заграничного путешествия (сентябрь 1790 г.) [4, с. 401].

⁶ Неизданные сочинения. С. 148.

⁷ Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767–1829), попечитель Московского университета, сенатор, одописец и переводчик, член Российской академии, литературный и политический противник Н. М. Карамзина, автор доноса на Карамзина (1810 г.) и обвинительной записки, представленной А. К. Разумовскому и А. А. Аракчееву (1816 г.).

⁸ Неизданные сочинения. С. 168.

⁹ Глинка Фёдор Николаевич (1786 (85?)–1880), поэт,

Каткартом¹, Ж. де Местром², религиозные воззрения которого вызывали его интерес, а также с Ф.-Г. Де Бре³.

Среди давних знакомых Карамзина А. И. Мусин-Пушкин⁴ и поэт и царедворец Ю. А. Нелединский-Мелецкий⁵, он и семейство его, по замечанию историографа, не особенно приветливо к нему в Петербурге⁶. С Нелединским он бывает во дворце, от него получает записку о приёме у Александра I.

В рассматриваемый период Н. М. Карамзин постоянно в орбите внимания представителей высшего петербургского общества, «царедворцев», чиновников самого высокого ранга. Историограф в хороших отношениях с П. В. Лопухиным⁷, с которым был знаком с начала 1800-х гг. Через светлейшего князя Карамзин передаёт письма жене, на чём тот сам настаивает⁸, часто встречается с О. П. Козодавлевым⁹, с которым

знаком с 1790-х гг.¹⁰ Историограф участвует в «щегольских обедах», где встречается с генералом А. П. Тормасовым¹¹, В. П. Кочубеем¹², А. Б. Куракиным¹³, Ф. Ф. Винценгероде¹⁴, к которому, судя по всему, относятся следующие слова историографа: «Люблю первого, он кажется умён и основателен»¹⁵. Встречается с А. Н. Голицыным¹⁶, Д. П. Трошинским¹⁷, А. Д. Балашовым¹⁸, о ласковом отношении к себе которого Карамзин не раз упоминает в письмах к жене. Обедает «со знатными» у графа А. К. Разумовского¹⁹,

¹ Каткарт Уильям Шоу (1755–1843), граф, британский генерал и дипломат.

² Местр Жозеф де (1753–1821), франкоязычный подданный Сардинии, сардинский посланник в России (1803–1817).

³ Де Бре Франциск-Гавриил (1765–1832), граф, баварский посланник в Петербурге (1809–1812 и 1814–1819).

⁴ Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744–1817), граф, историк, археограф, собиратель русских древностей и рукописей, российский государственный деятель. Член Российской академии (1789), президент Академии художеств (1794–1799). Его библиотекой активно пользуется К. во время работы над «Историей». Граф также упомянут К. в числе «благочестивых людей» в письме к И. И. Дмитриеву [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 139].

⁵ Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1751–1828), поэт, переводчик принадлежал к высшей аристократии. Печатался в изданиях К. Известно письмо К. к Нелединскому от 11 июля 1814 г. [Москвитянин. 1847. Ч. II. С. 131–132].

⁶ Незданные сочинения. С. 153.

⁷ Лопухин Пётр Васильевич (1753–1827), светлейший князь, генерал-прокурор, министр юстиции, главноуправляющий Комиссией составления законов Гос. совета.

⁸ Незданные сочинения. С. 162.

⁹ Козодавлев Осип Петрович (1754–1819), государственный деятель, сенатор, писатель, переводчик, основатель газеты «Северная почта». По словам Вигеля, «добрейший человек; не знал ни злобы, ни зависти» [Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 139–140]. При Александре I занимался вопросом об улучшении быта крестьян.

¹⁰ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 37, 61.

¹¹ Тормасов Александр Петрович (1752–1819), русский военачальник, генерал от кавалерии (1801), московский главнокомандующий (1814–1819).

¹² Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), князь, дипломат, председатель Департамента гражданских и духовных дел Гос. совета, министр внутренних дел. В письме к И. И. Дмитриеву К. рассказывает «анекдот»: «В Академии Художеств предлагали графа Кочубея в почётные члены, как любителя искусств и человека, близкого к государю; а Лабзин сказал академикам: «Если надобно выбирать в члены людей, близких к государю, то предлагаю вам Илью кучера!»» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 338].

¹³ Куракин Александр Борисович (1752–1818), князь, государственный деятель и дипломат, сенатор, действительный тайный советник, член Гос. совета.

¹⁴ Винценгероде Фердинанд Фёдорович (1770–1818), барон, генерал от кавалерии, герой войны 1812 г., участник кампании 1813–14 гг.

¹⁵ Незданные сочинения. С. 156.

¹⁶ Голицын Александр Николаевич (1773–1844), князь, личный друг Александра I, в 1816–1824 гг. обер-прокурор Синода и министр народного просвещения и духовных дел.

¹⁷ Трошинский Дмитрий Прокофьевич (1749–1829), государственный деятель, член Гос. совета, министр юстиции (1814–1817).

¹⁸ Балашов Александр Дмитриевич (1770–1837), министр полиции и петербургский военный генерал-губернатор, с 1812 г. генерал-адъютант, генерал-губернатор Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерний (1819–1828). В письме к И. И. Дмитриеву от 20 марта 1811 г. К. пишет: «Не моё дело учить тебя умеренности в трудолюбии и хладнокровию, которым (сказывают) отличаются другие министры и, в особенности, А. Д. Балашов» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 141]. В 1822 г. К. обращается к Балашову с просьбой о защите орловской деревни и получает помощь [Сочинения Карамзина. Т. III. СПб., 1848. С. 706–708].

¹⁹ Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822), граф, министр народного просвещения (1812–1816).

(«приветливого, любезного (для меня)»¹, отмечает Карамзин), у И. В. Тутолмина², графа В. В. Толстого³, проводит обед «доброего» у А. А. Столыпина⁴ «и самый приятный»⁵.

В ожидании встречи с императором Александром I Н. М. Карамзин встречается с представителями императорской фамилии, с большей частью которых был знаком ранее: императрица Мария Фёдоровна⁶, великая княгиня Екатерина Павловна⁷, её дети от первого брака⁸, императрица Елизавета Алексеевна⁹, великая княгиня Мария Павловна¹⁰ (Карамзин говорит о ней: «она очень миловидна, ласкова, любезна»¹¹), её супруг¹². Впервые он встречается с супругом великой княгини Екатерины Павловны, Фридрихом Вильгельмом Карлом¹³, которого называет умным и приветливым¹⁴. Также лестно историограф отзывался о принце Оранском¹⁵, супруге великой княгини

Анны Павловны¹⁶, рассказывая о встрече с ними в письме к Е. А. Карамзиной от 22 февраля 1816 г.¹⁷ С восторгом Карамзин говорит о великих князьях¹⁸, «двух прекрасных, добросердечных, прямых, умных молодых»¹⁹ принцах. Как показывают результаты недавних исследований (7; 10; 11), суть отношений историографа и представителей монаршей фамилии невозможно определить только через формальные статусные понятия «монарх» и «подданный», здесь важны и историософские, этические воззрения Карамзина, его позиция «непридворного», которые определяют его восприятие членов царской семьи.

Новые знакомые Н. М. Карамзина

Как уже было отмечено, круг общения Н. М. Карамзина в указанный период был очень широк, и с точностью определить, с кем историограф познакомился, например, во время многолюдных приёмов, не всегда представляется возможным. Однако доступные на сегодняшний момент материалы позволяют установить ряд представителей петербургского общества, с кем Карамзин знакомится, либо, будучи знакомым заочно, встречается впервые в январе по март 1816 г., а также получить представление о характере их взаимоотношений и их развитии в дальнейшем.

Главная цель приезда в столицу потребовала от Карамзина установления связей с чиновниками самого высокого уровня, несмотря на его нежелание иметь покровителей. Важным с этой точки зрения стало знакомство с Н. А. Толстым²⁰, через которого историограф надеялся попасть на приём к императору. Их познакомил брат Н. А. Толстого,

1849), сын короля Нидерландов.

¹⁶ Анна Павловна (1795–1865), младшая дочь Павла I и Марии Фёдоровны.

¹⁷ Неизданные сочинения. С. 164.

¹⁸ Николай Павлович (1796–1855), сын Павла I и Марии Фёдоровны, император всероссийский с 1825 г., и Михаил Павлович (1798–1849), младший сын Павла I и Марии Фёдоровны.

¹⁹ Неизданные сочинения. С. 168.

²⁰ Толстой Николай Александрович (1765–1816) граф, обер-гофмаршал, с 1802 г. сопровождавший Александра I во всех заграничных походах и поездках.

¹ Неизданные сочинения. С. 172.

² Тутолмин Иван Васильевич (1760–1839), действительный тайный советник, камергер, член Государственного совета.

³ Толстой Варфоломей Васильевич (1754–1838), граф, действительный статский советник, камергер.

⁴ Столыпин Аркадий Алексеевич (1778–1825), сенатор, обер-прокурор (1819), зять Н. С. Мордвинова, друг М. М. Сперанского. К. упоминает Столыпина в письмах к Дмитриеву: «Вообрази, что и Столыпин сердит на меня за письмо, написанное мною для спасения дворянки от каторжной работы! Воля их, а я человек, и ещё не умер душою» [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 264].

⁵ Неизданные сочинения. С. 153.

⁶ Мария Фёдоровна (1759–1828), вторая супруга российского императора Павла I, мать императоров Александра I и Николая I.

⁷ Екатерина Павловна, великая княгиня (1788–1819), четвёртая дочь императора Павла I.

⁸ Фридрих Павел Александр (1810–1829) и Константин Фридрих Петер (1812–1881).

⁹ Елизавета Алексеевна (1779–1826), российская императрица, супруга императора Александра I.

¹⁰ Мария Павловна (1786–1859), третья дочь Павла I и Марии Фёдоровны, великая княгиня Саксен-Веймар-Эйзенахская.

¹¹ Неизданные сочинения. С. 158.

¹² Карл Фридрих (1783–1853), наследный принц Саксен-Веймарский.

¹³ Фридрих Вильгельм Вюртембергский (1781–1864), король Вюртемберга Вильгельм I-й (с 30 октября 1816 г.).

¹⁴ Неизданные сочинения. С. 141.

¹⁵ Принц Оранский Виллем II (Вильгельм) (1792–

давно знакомый Карамзину П. А. Толстой¹, о котором историограф так отзывался в одном из писем к И. И. Дмитриеву: «Он любезный человек, благородный в душе. Таких немного в Петербурге»².

В одном из писем к жене Карамзин с сожалением писал: «Видно, что мне всех надобно узнать в Петербурге»³. Речь идёт о знакомстве с И. А. Пуколовым⁴, которого историограф избегал и продолжать которое не был намерен, не желая «идти криво»⁵. Судя по всему, Пуколов стремился сблизиться с Карамзиным. Так, в письме к И. И. Дмитриеву от 27 июня 1816 г. историограф пишет: «Пукалов посещал меня, но не застал дома»⁶.

Встреча с А. А. Аракчеевым⁷ стала, как известно, для Карамзина ключевой. Упомянув графа в письмах 1816 г., историограф передаёт расхожее мнение о нём: «здесь нет вельмож кроме одного графа Аракчеева, как сказывают»⁸. Историограф понимает необходимость обращения к высокопоставленному чиновнику, догадывается, что тот ждёт его к себе, но продолжает избегать этой встречи. 11 марта 1816 г. Карамзин получает приглашение Аракчеева⁹, у которого проводит более часа, о чём пишет Е. А. Карамзиной: «Он несколько раз меня удерживал. Говорили с некоторою искренностью... Вообще, я нашёл в нём человека с умом и с хорошими правилами»¹⁰. В результате встречи с Аракчеевым Карамзин получает желаемое.

Существуют свидетельства других встреч историографа и влиятельного вельможи. Они встречаются на императорских обедах¹¹. 14 января 1823 г. А. А. Аракчеев присутствует на чтении отрывка из «Истории» в Российской академии наук [8. С. 75]. В марте 1824 г. Карамзин с сопроводительной запиской отправляет Аракчееву X и XI тома «Истории» и получает от него ответ: «Вы, милостивый государь, описываете дела прежних наших Государей, а мне позвольте вам подарить нескладное наше военное сочинение о тех делах, которые ныне производятся по собственному распоряжению нашего Всемилостивейшего Государя Императора»¹². Карамзин был приглашён Аракчеевым в Грузино¹³ для *осмотра военных поселений, к которым историограф относился неоднозначно, считая их жестокой системой по отношению к поселянам*¹⁴. По воспоминаниям К. С. Сербиновича, Аракчеев сопровождал Карамзина в трёхдневном *осмотре поселений*, «был с ним очень любезен и говорил, по-видимому, очень откровенно», и к удивлению последнего сам был в числе недовольных¹⁵. Любопытно, как в письме И. И. Дмитриеву от 24 сентября 1825 г. Карамзин оценивает значение Аракчеева как государственного деятеля: «Важный государственный человек... отказался от всех дел, как слышно: заменить его другим нелегко. Дельных людей на большой сцене у нас немного»¹⁶.

К февралю 1816 г. относится знакомство Н. М. Карамзина с князем А. Н. Салтыковым¹⁷, о чём историограф

¹ Толстой Пётр Александрович (1769–1844), граф, боевой генерал, генерал от инфантерии (1814 г.), с января 1816 г. командир 4-го пехотного корпуса, член Гос. совета и Комитета министров. В 1812 г. предлагал Н. М. Карамзину войти в состав ополчения [Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 165].

² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 207.

³ Незданные сочинения. С. 170.

⁴ Пуколов (Пукалов) Иван Антонович (1754–?), статский советник (до 1804 г.), приближенное лицо к А. А. Аракчееву за счёт связи с последним его жены.

⁵ Незданные сочинения. С. 170.

⁶ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 190.

⁷ Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф, военный и государственный деятель, со второй половины 1814 г. все дела, связанные с государственным устройством и управлением, проходили через канцелярию Аракчеева.

⁸ Незданные сочинения. С. 143.

⁹ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 9.

¹⁰ Незданные сочинения. С. 177–178.

¹¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 247.

¹² Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807–1829 год). СПб., 1883. С. 380.

¹³ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

¹⁴ Сербинович К. С. Воспоминания о Н. М. Карамзине // Русская старина. 1874. № 9. С. 250.

¹⁵ Сербинович К. С. Воспоминания о Н. М. Карамзине // Русская старина. 1874. № 9. С. 250.

¹⁶ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 405.

¹⁷ Салтыков Александр Николаевич (1775–1837), князь, тайный советник, член Гос. совета, управлял Коллегией и Министерством иностранных дел, замещая государственного канцлера графа Н. П. Румянцева, сенатор.

сообщает супруге в письме от 7 и 8 февраля 1816 г.: «Из моих новых знакомых наименую К.<нязя> Александра Ник.<олаевича> Салтыкова: человек умный и приятный. Вчера мы просидели с ним до второго часу ночи»¹. Ф. Ф. Вигель так говорит о репутации А. Н. Салтыкова: «общее мнение сильно его поддерживало: предполагаемые в нём познания, вид спокойствия, непоколебимости, любовь к отчизне заставляли в нём видеть истинно-великого государственного человека ... Александр ... впоследствии призывал его к высоким должностям; но, к сожалению, в делах оказался он ниже своей репутации»².

К «примечательным», по словам самого Н. М. Карамзина, знакомствам начала 1816 г. относится его встреча с И. А. Каподистрией³, с которым с первой минуты они стали «как старые знакомцы»⁴ и остались друзьями до конца жизни историографа. Во время пребывания в Петербурге они часто встречаются и ведут продолжительные беседы. Н. М. Карамзин был очень высокого мнения об И. А. Каподистрии, называл его умным и добрым министром и своим «благоприятелем», ценил его человеческие качества, считал одним из тех редких людей, которые необходимы России.

В этот же период Карамзин знакомится с семейством Розенкампов⁵, об обеде с ними и с членами законодательной комиссии, к деятельности которой относился очень скептически, Карамзин рассказывает Е. А. Карамзиной⁶, с «велемудрым зако-

нодателем» Г. А. Розенкампом он встречается не раз.

Более приятным для Карамзина стали встречи с учёными и литераторами. Он лично знакомится с «любезным» А. К. Шторхом⁷, с ним «толкует» об освобождении крестьян⁸. Частью «учёного» окружения стали историограф И. Ф. Круг⁹ и А. Фабр¹⁰, автор «известный и с умом».

В этот приезд в Петербург Карамзин впервые встречается с А. И. Шишковым¹¹, об их трёхчасовой беседе историограф сообщает в письме от 7 и 8 февраля 1816 г. В течение февраля–марта 1816 г. Карамзин и Шишков встречаются не раз при разных обстоятельствах, между ними устанавливаются ровные отношения, так, например, они «около часа, весьма искренно, простосердечно»¹² беседуют, ожидая приёма во дворце у великой княгини Екатерины Павловны. Несмотря на то что А. С. Шишков и историограф придерживались во многом несходных идеологических воззрений, они сохранили приятельские отношения вплоть до кончины последнего.

Среди новых знакомств Карамзина выделяются встречи с представительницами прекрасного пола окружающего его светского общества, которых историограф рассматривал «совсем не в роде прелестниц»¹³.

С Н. Я. Плюсковой¹⁴ Карамзин встречается в начале февраля, как он сам пишет супру-

¹ Неизданные сочинения. С. 144.

² Вигель Ф. Ф. Из «Записок» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1985. С. 209–210.

³ Каподистрия Иван Антонович (Иоаннис) (1776–1831), один из руководителей Ионической республики, с 1809 г. по 1822 г. служил в российском Министерстве иностранных дел, один из влиятельнейших политических деятелей России, министр иностранных дел. См. о нём: [1; 2].

⁴ Неизданные сочинения. С. 147.

⁵ Розенкамф Густав Андреевич (1764–1832), главный секретарь Комиссии составления законов. Его законодательная деятельность вызывала резкую критику общественности, в том числе К. Розенкамф Мария Павловна (1780–1834), его супруга.

⁶ Неизданные сочинения. С. 156.

⁷ Шторх Андрей (Генрих) Карлович (1766–1835), член-корреспондент Академии наук (1796), ординарный академик политэкономии и статистики (1804), наставник великих князей Николая, Михаила Павловичей и Анны Павловны. Выступал сторонником освобождения крестьян. С его работами К. знаком с начала 1800-х гг.

⁸ Неизданные сочинения. С. 165.

⁹ Круг Иван Филиппович (1764–1844), немецкий археолог, нумизмат, историк, работавший в России.

¹⁰ Фабр Д'Оливе Антуан (1767–1825), французский писатель.

¹¹ Шишков Александр Семёнович (1754–1841), писатель, государственный деятель, адмирал. Глава литературного общества «Беседа любителей русского слова». С 1813 г. президент Российской академии.

¹² Неизданные сочинения. С. 162–163.

¹³ Неизданные сочинения. С. 165.

¹⁴ Плюскова Наталия Яковлевна (ок. 1780–1845), фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, близкая к литературным кругам. Её связывала давняя дружба с И. И. Дмитриевым.

ге, исполняя поручение И. И. Дмитриева¹, которого историограф, в свою очередь, благодарит за знакомство с ней в письме от 15 февраля 1816 г.² Карамзин, а в последствии и всё его семейство сближаются с «любезной» Натальей Яковлевной. Особенно часто Карамзины и Н. Я. Плюскова встречаются уже после переезда в Царское Село³, дружеские отношения с семейством Карамзиных она сохраняет и после смерти историографа. Можно предположить, что Н. Я. Плюскова способствовала сближению Карамзина с императрицей Елизаветой Алексеевной. Сохранившаяся переписка свидетельствует о заботе, которую Карамзин проявлял по отношению к фрейлине: он беспокоится о её здоровье, по просьбе императрицы ищет жильё внаём для неё⁴.

Видимо, также через И. И. Дмитриева Карамзин знакомится в Петербурге с Е. И. Ланской⁵, старшей сестрой Г. И. Вилламова⁶, статс-секретаря императрицы Марии Фёдоровны. Через Ланскую Дмитриев и Карамзин передают письма друг другу.

С. П. Свечина⁷ – одна из тех личностей, которая оставляет след в сердце историографа. О встрече с ней у Ростопчина Карамзин пишет жене в конце февраля 1816 г.: «Там сверх многих дам была Свечина, женщина умная и *Католичка*: она учтивостями и ласками хотела обя-

зать меня до крайности»⁸. Историограф и С. П. Свечина часто встречаются на светских вечерах и в салонах. Карамзин называет Свечину «умною и полусвятою»⁹. О впечатлении, оставленном ею, он пишет к А. И. Тургеневу уже после отъезда из Петербурга: «С любовью целую ручку у С. П. Сказал бы: “для чего я узнал её, когда она хочет уехать из Петербурга?” Но хорошо и в отдалении знать добрых»¹⁰.

К новым знакомым историографа относится и Е. И. Нелидова¹¹, легендарная личность своего времени, их встреча произошла 3 марта 1816 г. во время недолгого ожидания начала чтений «Истории» у императрицы Марии Фёдоровны¹².

Заключение

Конечно, нельзя утверждать, что выявленные и рассмотренные в данной статье контакты исчерпывающе характеризуют круг общения Карамзина с февраля по март 1816 г. Установление иных контактов историографа, а также сведений о них является перспективой данного исследования. Однако полученные результаты не только позволяют составить представление о жизни Карамзина в рассматриваемый период, но и дают возможность глубже понять особенности его личности, раскрывают его характер, особенности отношений к людям и с людьми: «скача», по его выражению, с визитами, он делает всё, чтобы не поступиться собственными принципами. Рассмотрение заявленной темы даёт возможность более глубоко показать особенности отношений Карамзина с каждым отдельно взятым человеком, а также лучше ощутить масштаб личности самого Карамзина в контексте его эпохи.

Статья поступила в редакцию 21.12.2020.

¹ Неизданные сочинения. С. 143.

² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 186.

³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 188.

⁴ Неизданные сочинения. С. 40–41.

⁵ Ланская Елизавета Ивановна (урожд. Вилламова) (1764–1847), писательница, наставница великой княгини Александры Павловны.

⁶ Вилламов Григорий Иванович (1771–1842), статс-секретарь императрицы Марии Фёдоровны. Известны записки Вилламова К. от 11 марта 1816 г. [РГИА. Ф.951. Оп. 1. Д. 11], его приветственное письмо (март 1816) [Там же], письмо от 18 апреля 1818 г. о рождении великого князя Александра Николаевича и ответ К. [Карамзин Н. М. Т.18: Письма. С. 40–41].

⁷ Свечина Софья Петровна (1782–1857), фрейлина, писательница, пользовалась большим успехом в придворном обществе, приняла католичество, в 1816 г. уехала в Париж, где стала хозяйкой известного литературного салона.

⁸ Неизданные сочинения. С. 161.

⁹ Неизданные сочинения. С. 170.

¹⁰ Карамзин Н. М. Т. 18: Письма. С. 428.

¹¹ Нелидова Екатерина Ивановна (1758–1839), камер-фрейлина. Друг и доверенное лицо Павла I. Была дружна с императрицей Марией Фёдоровной, которой помогала в управлении воспитательными домами.

¹² Неизданные сочинения. С. 169.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арш Г. Л. Иоанн Каподистрия в России // Вопросы истории. 1976. № 5. С. 49–65.
2. Арш Г. Л. Н. М. Карамзин и Иоанн Каподистрия // Греческая культура в России, XVII–XX вв. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 26–43.
3. Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л.: Наука, 1974. С. 3–37.
4. Грот Я. К. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997. 685 с.
5. Сапченко Л. А. «Петербургская пятидесятница»: материалы к хронике жизни и творчества Н. М. Карамзина в фондах РГИА и НИОР РГБ // РГИА. Карамзинские чтения. I. СПб., 2016. С. 140–146.
6. Сапченко Л. А. Восемь с половиной, или Карамзин в 1816 году // *Colloquia litteraria Sedlcensia Studia minora*. Т. X. Седльце, 2017. С. 53–65.
7. Сапченко Л. А. Карамзин и император Александр I (Материалы к словарю-справочнику «Карамзин и его окружение») // Карамзинский сборник. Николай Карамзин и его современники: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск, 2020. С. 81–87.
8. Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 7. СПб., 1885. 648 с.
9. Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. Л., 1983. 285 с.
10. Фрик Т. Б. «Как мы говорим с богом и совестью, хочу поговорить с Вами»: переписка Н. М. Карамзина с членами царствующего дома // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 24–29.
11. Фрик Т. Б. «Внутренность важнее наружности»: образы современников в письмах Н. М. Карамзина // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 41–46.

REFERENCES

1. Arsh G. L. [John Kapodistrias in Russia]. In: *Voprosy istorii* [History questions], 1976, no. 5, pp. 49–65.
2. Arsh G. L. [Karamzin and John Kapodistrias]. In: *Grecheskaya kul'tura v Rossii, XVII–XX vv.* [Greek culture in Russia, 17–20th centuries]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999, pp. 26–43.
3. Gillel'son M. I. *Molodoi Pushkin i arzamasskoe bratstvo* [Young Pushkin and the Arzamas Brotherhood] Leningrad, Nauka Publ, 1974, pp. 3–37
4. Grot Ya. K. *Zhizn' Derzhavina* [Derzhavin's life]. Moscow, Algorithm Publ., 1997. 685 p.
5. Sapchenko L. A. ["Petersburg Pentecost": materials for the chronicle of the life and work of N. Karamzin in the funds of the Russian State Historical Archive and the Research and Development of the Russian State Library]. In: *RGIA. Karamzinskie chteniya. I* [Russian State Historical Archives. Karamzin Readings. I]. St. Petersburg, 2016, pp. 140–146.
6. Sapchenko L. A. [Eight and a Half, or Karamzin in 1816]. In: *Colloquia litteraria Sedlcensia Studia minora*. Vol. X. Siedlce, 2017, vol. X, pp. 53–65.
7. Sapchenko L. A. [Karamzin and Emperor Alexander I (Materials for the dictionary-reference book "Karamzin and his entourage")] In: *Karamzinskii sbornik. Nikolai Karamzin i ego sovremenniki: Sb. materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Karamzin collection. Nikolai Karamzin and his contemporaries: Sat. materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Ulyanovsk, 2020, pp. 81–87.
8. Sukhomlinov M. I. *Istoriya Rossijskoj Akademii* [History of the Russian Academy]. St Petersburg, 1885, iss.. 7. 648 p .
9. Timofeev L. V. *V krugu druzei i muz. Dom A. N. Olenina* [In the circle of friends and muses. House of A. N. Olenin]. Leningrad, 1983. 285 p.
10. Frik T. B. ["As we speak with God and conscience, I want to talk to you": correspondence of N. M. Karamzin with members of the reigning house]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2012, no. 362, pp. 24–29.
11. Frik T. B. ["The inside is more important than the outside": images of contemporaries in the letters of N. M. Karamzin]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2020, no. 453, pp. 41–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фрик Татьяна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент отделения русского языка Национального исследовательского Томского политехнического университета;
e-mail: tfrik@tpu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana B. Frick – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Language, National Research Tomsk Polytechnic University;
e-mail: tfrik@tpu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фрик Т. Б. «Перечень моих визитов умножился дюжиною имён»: петербургский круг общения Н. М. Карамзина в феврале–марте 1816 г. (материалы к словарю-справочнику «Карамзин и его окружение») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 108–118.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-108-118

FOR CITATION

Frick T. B. "The List of My Visits Has Increased by a Dozen Names": Nikolay Karamzin's Petersburg Social Circle in February - March 1816 (Materials to the Dictionary and Reference Book "Nikolay Karamzin and His Social Circle"). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 1, pp. 108–118.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-108-118

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-119-123

НОВАЯ КНИГА ОБ ИСААКЕ БАБЕЛЕ

Рецензия на книгу:

Погорельская Е. И., Левин С. Х. Исаак Бабель: Жизнеописание. СПб.: Вита Нова, 2020. 624 с.

Кудрина Е. В.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а, Российская Федерация*

NEW BOOK ABOUT ISAAC BABEL

Rewiew on the following scientific text:

Pogorelskaya E.I., Levin S.Kh. Isaac Babel: Biography. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2020. 624 p.

E. Kudrina

*Institute of World Literature. A.M. Gorky Russian Academy of Sciences
25 a, Povarskaya St., Moscow, 121069, Russian Federation*

В Санкт-Петербургском издательстве «Вита Нова» в серии «Жизнеописания» в 2020 г. вышла в свет книга Елены Иосифовны Погорельской и Стива Хаимовича Левина, посвящённая биографии одного из самых интересных и загадочных писателей XX в. – Исаака Бабеля.

Представленная как «первое полное научное жизнеописание Исаака Бабеля» книга является не только биографическим, но и литературоведческим исследованием, в котором авторы стремились проследить перипетии сложной и трагической судьбы Бабеля, опираясь на глубокий анализ его творчества.

Книга состоит из предисловия, десяти глав, чётко выстроенных по хронологии, и эпилога. В предисловии авторы говорят о сложностях, возникших при написании научной биографии писателя, вызванных тем, что Бабель всю жизнь создавал легенды вокруг своего имени и был способен к мистификациям. В то же время известно о его аккуратности, пунктуальности, стремлении к точности. Это задавало уровень требований к самим авторам книги: «Мы стараемся также отделить действие в рассказах самого Бабеля от реальных биографических событий, в то же время пытаемся проследить, как подлинные события преломляются в прозе Бабеля» [с. 13].

Каждая глава для удобства чтения разбита на подглавки, повествующие о жизни и творчестве писателя. Они посвящены самому Бабелю, его современникам и рассмотрению его произведений.

В эпилоге авторы не только подводят итог всей проделанной работе, но и рассказывают о значении творчества Бабеля, о путях его изучения, о первых исследователях и пропагандистах его наследия. Такое содержание эпилога выглядит на первый взгляд странным, обычно научные работы начинаются с обзора литературы о творчестве писателя. Но если учитывать логику исследования, его сюжет, продиктованный необходимостью изложить научную биографию писателя в хронологическом порядке, то выяснение роли

© CC BY Кудрина Е. В., 2021.

и значения Бабеля в литературном процессе XX в. требует именно такого подхода.

Бабель – незаурядный писатель и неординарный человек – показан в контексте непростой исторической эпохи и литературной жизни 1920–1930-х гг., участником и свидетелем которой он был.

В книге воссоздан процесс работы писателя над его произведениями – от зарождения замысла до его воплощения: споры вокруг произведений, творческие и личные взаимоотношения с современниками (Максимом Горьким, Владимиром Маяковским, Александром Воронским, Вячеславом Полонским, Эдуардом Багрицким, Юрием Олешей, Семёном Гехтом, Сергеем Бондариним, Ильёй Эренбургом, Константином Паустовским, Николаем Эрдманом, Михаилом Кольцовым, Василием Регининым, Сергеем Есениным и мн. др.).

Авторы привлекли к исследованию огромный научный материал: архивные документы, эпистолярное наследие, воспоминания современников. Известно, что архив писателя при его аресте был у него отобран и дальнейшая его судьба покрыта мраком. До сих пор жива надежда, что он где-то хранится и когда-нибудь станет доступен исследователям. В связи с потерей архива задача создания научной биографии писателя казалась неосуществимой.

Исследователи нашли трудный, но убедительный выход из ситуации. Они искали сведения о жизни и творчестве Бабеля в Государственном архиве Киева, в Государственном архиве Николаевской области, в Государственном архиве Одесской области, где обнаружили неизвестные ранее документы о семье писателя и его родословной, о тех учебных заведениях, в которых он учился.

Многие ценные материалы о судьбе и творчестве Бабеля были найдены в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, Отделе рукописей Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Российском государственном архиве литературы и искусства, Российском го-

сударственном архиве социально-политической истории, Российском государственном военном архиве, Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга.

Кроме этого, авторы книги привлекли материалы, хранящиеся в Одесском литературном музее, Государственном литературном музее, в отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи.

В книге приведены уникальные фотографии и материалы из семейного собрания Л. И. Бабель и А. А. Малаева-Бабеля, о чём авторы с благодарностью написали в предисловии.

В результате проведённого анализа собранных материалов, обобщения сведений из всех этих источников удалось воссоздать образ живого человека, противоречивого и прямолинейного, сомневающегося и целеустремлённого.

Особую ценность и особый интерес вызывают страницы, посвящённые Конармейскому дневнику Бабеля: в связи с задачами научной биографии писателя этот частично сохранившийся документ заслуживал отдельного разговора, «ибо ни о каком другом отрезке жизни писателя мы не знаем настолько подробно, как о двух с половиной месяцах 1920 г., которые охватывают сохранившиеся записи. Дневник даёт почти исчерпывающее представление о молодом Бабеле, о его интересах и чувствах, о передвижениях, о быте и круге общения, о том, наконец, какие обязанности он выполнял, находясь в Первой конной» [с. 114].

Исследователи определяют свой подход к Дневнику как самостоятельному произведению: «Дневник – это не только основа для целого ряда конармейских рассказов. Его следует рассматривать как самостоятельное произведение, имеющее и документальную, и художественную ценность. ... Привлечение исторического и мемуарного материала, его сопоставление с дневником помогают уяснить некоторые ключевые моменты биографии писателя этого времени и смысл его “Конармии”. Вместе с тем походный дневник Бабеля

настолько конкретен, ярок, насыщен фактами и переживаниями автора, что является, пожалуй, самой важной частью его духовной биографии, его “хождением по мукам» [с. 117].

Бесценным опытом для Бабеля стало ведение журнала военных действий Первой конной, о чём свидетельствует сохранившаяся Инструкция по ведению журнала, подписанная К. Лютовым. Этот опыт, по мнению исследователей, давал богатый фактический материал, который пригодился при написании «Конармии».

К сожалению, формат издания не предполагал наличия в книге точных ссылок на цитаты из произведений и писем Бабеля. В предисловии оговорено, что «Конармейские рассказы, дневник 1920 г., “Планы и наброски к «Конармии»” цитируются по: Бабель И. Э. Конармия / изд. подготовила Е. И. Погорельская, отв. ред. Н. В. Корниенко. М., 2018 (Литературные памятники); “Автобиография”, очерки “Одесса” и “Начало”, все рассказы – по: Бабель И. Э. Рассказы / сост., подгот. текстов, послесловие, коммент. Е. И. Погорельской. СПб., 2014. Письма матери и сестре приводятся по ксерокопиям оригиналов, находящимся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира; письма А. Г. и Л. И. Слонимам, независимо от того, опубликованы они или нет, цитируются по автографам (НИОР РГБ. Ф. 660. К. 1. Ед. хр. 3–7); письма, адресованные Т. В. Кашириной (Ивановой), – по: Иванова Т. В. Глава из жизни: Воспоминания. Письма И. Бабеля (Октябрь. 1992. № 5–7); письма И. Л. и Л. Н. Лившицам – по: Бабель И. Э. Письма другу: Из архива И. Л. Лившица / сост., подгот. текста, коммент. Е. И. Погорельской. М., 2007. Остальные произведения, статьи, выступления и письма, за некоторыми исключениями, отмеченными в сносках, цитируются по: Бабель И. Э. Сочинения. в 2 т. / вступ. статья Г. А. Белой, сост. и подгот. текста А. Н. Пирожковой, коммент. С. Н. Поварцова» [с. 15].

Для исследователей литературы были ценны сведения о сокращённом названии публикации произведений Бабеля с номерами страниц в постраничных сно-

сках. Это бы существенно облегчило их дальнейшую работу над творчеством писателя.

На наш взгляд, заслуживала большего внимания последняя, наименее изученная пьеса Бабеля «Мария» (с. 451–457; если вычесть 2 иллюстрации и 2 объёмные цитаты, собственно фрагмент, посвящённый пьесе, занимает около трёх страниц). В то же время пьесе В. Вишневского «Первая конная» (1929), напротив, отведено слишком много места [с. 313–319]. Безусловно, она имеет непосредственное отношение к «Конармии» Бабеля и рассматривалась самим драматургом и заказчиками пьесы как ответ Бабелю, как произведение «контр-бабелевское» [с. 318]. Но в таком подробном её анализе не достаёт мнения самого Бабеля о пьесе современника и личных соображений авторов «Жизнеописания» в заключении главки.

Между тем пьеса «Мария» – последнее значительное произведение Бабеля, опубликованное при жизни автора, характерный образец позднего бабелевского творчества. Эта пьеса – «крик души» человека, столкнувшегося с неразрешимыми нравственными, художественными и политическими противоречиями, эпическое повествование о крушении миров. Интересны воспоминания А. К. Гладкова о чтении Бабелем данной пьесы в Литературном музее 28 февраля 1934 г.: «“Мария” очень трудна будет для театра своей простотой и лаконизмом. Не знаю, правомерно ли такое сравнение, но мне захотелось сказать, что она почти так же трудна, как трудны для сцены маленькие драмы Пушкина» (Гладков А. К. Театр: Воспоминания и размышления / предисл. И. Ильинского; послесл. А. Мацкина. М.: Искусство, 1980. С. 17–18. См. также: Гладков А. Из попутных записей // Вопросы литературы. 1976. № 9. С. 188).

Отдельного разговора заслуживает история несостоявшейся постановки пьесы «Мария» в театре Вахтангова и Еврейском театре под руководством С. М. Михоэлса. К сожалению, «изданная для чтения», «Мария» так и не была поставлена на сцене при жизни автора.

Несомненным достоинством книги является обширный иллюстрационный материал (175 иллюстраций!), который делает чтение научной биографии по-настоящему увлекательным и познавательным. Это фотографии самого Бабеля, его родных, современников, автографы, обложки книг и журналов, фотографии зданий и мест, где он был.

Обогатила бы «Жизнеописание» в целом и главу о пьесе «Мария» в частности фотография, сделанная после читки пьесы в Литературном музее и опубликованная в «Литературной газете» (рис. 1).

Рис. 1. / Fig. 1. Фотография обсуждающих пьесу "Мария" / Photo of the discussing the play "Maria"

Источник: Литературная газета.
1934. № 26. 4 марта

«На ней можно увидеть оживлённую и нарядную Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову, молодую, красивую Ангелину Иосифовну Степанову, меня в надвинутом на ухо берете, Николая Дмитриевича Волкова и напротив них автора пьесы, улыбающегося смущённой и как будто виноватой улыбкой...», – писала об этой фотографии в своих воспоминаниях Т. Н. Тэсс (Воспоминания о Бабеле / сост. А. Н. Пирожкова, Н. Н. Юргенева. М.: Книжная палата, 1989. С. 228–229).

Особо стоит отметить аннотированный указатель имён [с. 573–616]. Он является неотъемлемой частью серьёзного научного издания, даёт сведения о современниках писателя, упоминающихся в книге, и очень помогает при изучении жизни и творчества писателя.

Жаль, что формат издания не предполагал присутствия в книге раздела библиографии. Однако библиографические ссылки в постраничных сносках свидетельствуют о том, что авторы учитывали результаты всех основных исследований творчества Бабеля и представили их очень бережно и доброжелательно.

Авторы труда в заключение скромно признаются: «Мы попытались более или менее связно изложить перипетии сложной и трагической судьбы Бабеля, заглянуть в потаённые уголки его души, открывающиеся подчас в письмах близким ему людям, проследить, как рождались и осуществлялись его замыслы. И в то же время мы понимаем, как много ещё в биографии Бабеля неоткрытого и непознанного». Приглашая читателя в увлекательный мир поисков и открытий, авторы в конце книги не забыли упомянуть о пока не найденном архиве писателя, который смог бы многое прояснить в его творческой и личной биографии: «Возможно, истинное значение Бабеля для русской и мировой культуры предстанет ещё полнее, когда – о чудо! – вдруг возникнут из небытия “арестованные” творения художника... А пока будем надеяться на новые интересные работы, ему посвящённые, на дальнейшие, тщательно выверенные и добросовестно подготовленные издания Бабеля, наконец – на научное собрание сочинений» [с. 571].

Написанное живым языком, жизнеописание Бабеля подарило несколько дней увлекательного чтения, погрузило в атмосферу творческого поиска, в наполненную событиями жизнь, в хитросплетения судьбы незаурядного человека и представляет несомненный интерес не только для литературоведов, но и для всех интересующихся русской культурой первой половины XX в. Оно существенно обогащает нас сведениями о жизни и творчестве выдающегося писателя XX в. У нас есть все основания надеяться, что научные находки авторов «Жизнеописания Исаака Бабеля» в скором времени будут представлены в комментариях к академическому собранию его сочинений.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кудрина Елена Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН;
e-mail: kelenvik@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena. V. Kudrina – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, A .M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: kelenvik@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кудрина Е. В. Новая книга об Исааке Бабеле // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 119–123.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-119-123

FOR CITATION

Kudrina E. V. A New Book about Isaac Babel. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021. no. 1. pp. 119–123.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-119-123

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-124-125

XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ»

Уразбекова А. А.

Представительство Россотрудничества в Венгрии – Российский центр науки и культуры в Будапеште, Венгрия

XXV INTERNATIONAL SCIENTIFIC PRACTICAL CONFERENCE “MODERN RUSSIAN LANGUAGE: FUNCTIONING AND PROBLEMS OF TEACHING”

A. Urazbekova

Representative Office of Rossotrudnichestvo in Hungary – Russian Centre for Science and Culture in Budapest, Hungary

15 мая 2020 г. в Будапеште в Российском центре науки и культуры состоялась XXV Международная научно-практическая конференция «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания», организованная Представительством Россотрудничества в Венгрии при содействии Научно-исследовательского и методического центра русистики Университета имени Лоранда Этвеша.

В работе конференции, впервые проведённой онлайн, приняли участие русисты из 14 стран мира: России, Венгрии, Австрии, Беларуси, Болгарии, Германии, Египта, Казахстана, Монголии, Польши, Словакии, США, Франции, Чехии.

Открыла пленарное заседание доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой довузовского обучения русскому языку как иностранному МПГУ, директор Центра билингвального и поликультурного образования РГПУ имени А. И. Герцена, автор учебников по РКИ и учебных линий по русскому языку и литературному чтению для детей-билингвов Елизавета Александровна Хамраева, которая рассказала о формах педагогического эдьютеймента в условиях создания русской языковой онлайн-среды. Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, выступил с докладом «Эмиграция из России в страны Восточной Европы: тренды и социально-демографическая структура».

В ходе работы конференции традиционно освещались проблемы, тематику которых можно условно разделить на следующие группы: «Вопросы методики преподавания русского языка как иностранного»; «Лингвистические исследования и возможности их использования в практике преподавания русского языка как иностранного»; «Вопросы литературоведения, лингвокультурологии и художественного перевода»; «Билингвизм в России, ближнем и дальнем зарубежье». В этом году роль русского языка в формирова-

нии и развитии русскоязычных сообществ в Европе в целом и в Венгрии в частности впервые обсуждалась в рамках отдельной секции.

С научными докладами выступили учёные из МПГУ, МГПУ, МГУ имени М. В. Ломоносова, РГПУ имени А. И. Герцена, РАН, МГИМО, НГПУ, СПбГУ, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», ГИРЯП, МГТУ «СТАНКИН» и других центров науки в России. Венгерские участники представили основные центры русистики страны: Университет имени Семмелвейса, Сегедский университет, Университет имени Лоранда Этвеша, Дебреценский университет, Капошварский университет, Центрально-Европейский университет, Институт передовых исследований Кёсег, Университет Корвинус, ВАН. Доклады по актуальным темам обсуждались представителями Гисенского университета, Миссурийского университета науки и технологий, Российского центра науки и культуры в г. Улан-Баторе, Российского центра науки и культуры в г. Вене, Софийского университета имени Св. Климента Охридского, Университета

имени Масарика, Национального института восточных языков и цивилизаций, Гуманитарно-естественного университета имени Яна Длугоша в Ченстохове, Белорусского государственного университета культуры и искусств, Айн-Шамского университета, а также средних учебных заведений ряда стран.

Доклады и сообщения всех участников конференции были интересными и актуальными. Некоторые из них были посвящены методике преподавания РКИ в условиях самоизоляции; представлены обновлённые в связи с изменяющейся языковой реальностью материалы по РКИ и проч.

По материалам конференции был издан сборник докладов и сообщений.

Участники этого ежегодного форума, проведённого РЦНК в Будапеште в 25-й раз, позитивно оценили его содержательное наполнение и высказались за продолжение встреч в таком формате на базе представительств Россотрудничества с учётом их координирующей роли в процессах распространения русского языка в странах пребывания.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уразбекова Алина Айжарыковна – ведущий специалист-эксперт Представительства Россотрудничества в Венгрии – Российского центра науки и культуры в Будапеште, Венгрия;
e-mail: alina.urazbekova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alina A. Urazbekova – Chief expert, Representative office of Rossotrudnichestvo in Hungary – Russian Centre for Science and Culture in Budapest, Hungary;
e-mail: alina.urazbekova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Уразбекова А. А. XXV Международная научно-практическая конференция «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 124–125.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-124-125

FOR CITATION

Urazbekova A. A. XXV International Scientific Practical Conference “Modern Russian Language: Functioning and Problems of Teaching”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 1, pp. 124–125.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-124-125

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2021. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор Е. В. Доценко
Переводчик И. С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8, уч.-изд. л. 12,25.
Подписано в печать: 26.02.2021. Дата выхода в свет: 05.03.2021 Заказ 2021/02-03.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А